

охота

и охотничье хозяйство

1

2014

2014 №1

Вологодская областная универсальная научная библиотека

2014, №1-6

С Новым годом!

Создадим охотничье-промысловые кооперативы

Г. ЛАПСИН

За последние двадцать лет в России произошла катастрофическая деградация промышленного и сельскохозяйственного производства и невиданное обнищание народа. В еще более трудном положении оказалось население таёжных и северных территорий от Урала до Тихого океана, в основной массе связанной с промысловой охотой, выловом рыбы и заготовкой дикорастущей продукции. Развалились специализированные охотничье-промысловые хозяйства, совхозы, потребительские общества, заготконторы. Сотни тысяч промысловых охотников, охотоведов, специалистов, а с членами их семей — не менее миллиона человек, оказались выброшенными на задворки жизни. За двадцать два года дикого капитализма государство ни на йоту не улучшило жизнь населения сибирской глубинки.

Но народ выжил. Возникает вопрос: — за счёт чего? Только благодаря безграмотной, беспощадной и бесперспективной эксплуатации Природы. В купе с варварским извлечением минеральных ископаемых и хищнической вырубкой леса — численность диких копытных животных повсеместно снизилось вдвое. Практически такая же участь постигла и других охотничьих животных России, за исключением волка, бобра и соболя. Если мы и дальше так будем относиться к окружающей нас среде обитания, то оставим потомкам голую пустыню. Без единого федерального органа управления охотничьим хозяйством страны вероятен вариант протектората Европейского союза над использованием диких животных в нашей стране. Именно ЕС стремится к тому, чтобы определять нам квоты добычи и сроки охоты на различные виды пролётных птиц, гнездящихся в нашей стране.

Кавардак в охотничьей отрасли склоняет специалистов и учёных охотничьего хозяйства к организации в Сибири и на Дальнем Востоке охотничье-промысловых хозяйств. Как это осуществить? Руководству страны плевать на какой-то миллион бедствующих соотечественников в какой-то далёкой Сибири. А выход есть, великолепный выход — создание охотничье-промысловых кооперативов собственников, где в качестве собственников выступают промысловые охотники.

В настоящее время кооперативная модель хозяйствования, благодаря своей высокой эффективности, пробивает себе путь во всех развитых странах. В сферу её деятельности входит более 10 % мирового населения. Немаловажно, что товароборот кооперативных организаций в мировой экономике ежегодно прирастает более, чем на 10%. Так, в 2008 году он увеличился по отношению к 2007 на 14 %.

В мировое сообщество настойчиво входит коллективно-индивидуальная (общая долевая) форма собственности, связанная с феноменом кооперации. По такому пути идут все развитые капиталистические страны. Охотничье хозяйство в России испокон веков относилось к сельскому хозяйству. Обратимся к опыту развития кооперации в сельском хозяйстве США, где почти все сельские производители охвачены кооперацией. В 1990 году в Вашингтоне замминистра сельского хозяйства США лично сказал академику Российской академии сельскохозяйственных наук В. Милосердову: «Если бы кооперация вдруг исчезла, наше фермерское хозяйство развалилось бы через полгода».

Наибольшее распространение кооперативная форма производства получила в Швеции. В кооперативных предприятиях и организациях наиболее высокая производительность труда и заработная плата, намного превышающая уровень доходов работников, занятых в государственном секторе и частных предприятиях. Именно это обстоятельство позволило говорить о шведском социализме. Не менее четверти населения Швеции трудится в кооперативах. В Шведских сёлах действуют различные кооперативы, в том числе молочных ферм, производства картофеля, яиц, союзы земледельцев, лесопосадок и пр. Получается, что развитие шведских кооперативов обеспечивает государству устойчивую экономику и освобождает от наёмного труда.

Наёмный труд — замаскированная форма рабства. Отказ от наёмного труда в мировом сообществе произойдёт не только от ухудшения духовно-нравственной ситуации, но и благодаря наиболее эффективному труду в кооперативах. Известный экономист и создатель в 80-х годах уникальной кооперативной системы в Дагестане М. Чартаев говорил: «частная собственность и

государственная собственность лишь два разных способа отбирать у человека результат его труда, и ясно, этот тип отношений в обществе себя изжил». Более того, каждый член общества имеет право и должен быть собственником как доли своего труда, так и доли в общественном капитале и природных ресурсах.

В России кооперация зародилась около 180 лет назад. Ссылные декабристы создали в Забайкалье на Петровском заводе потребительское общество «Большая артель».

При Столыпине кооперация развивалась быстрыми темпами. К 1917 году половина крестьянских хозяйств были в кооперации, что составляло 50 миллионов человек. В начале 20-х годов, обескровленных войной, число кооперативных хозяйств сократилось вдвое. Как ни странно, советская власть на первых порах поддержало кооперативы денежными средствами и другими действенными мерами. В 1926 году численность сельхозкооперативов превзошло довоенный уровень.

Затем запахло войной. Сталин решил готовиться. Фактически переделав кооперативы в колхозы, которые просуществовали до 90-х годов. Брал с крестьян неподъёмную дань в виде налога.

Академик Российской академии сельскохозяйственных наук В. Милосердов утверждает: кооперация в России — одна из первейших задач, которую можно сравнить по важности с индустриализацией 30-х годов. Чем же привлекательна кооперация в охотничьем хозяйстве и как её организовать?

Привлекательна она тем, что объединяет промысловых охотников для проведения совместных работ: охоты на диких копытных и пушных зверей, вылове рыбы, заготовкам и переработке дикорастущей продукции, биотехническим работам, охране охотничьих угодий. Она избавляет мелкого производителя, в нашем случае охотничье-промысловые кооперативы, от перекупщиков. В советское время могучими перекупщиками дикой пушныны являлись государственные пушно-меховые базы. Именно они поставляли ценные российские меха на Ленинградский международный пушной аукцион. Даже крупнейшие охотничье-промысловые хозяйства, такие как гос-

промхоз «Ленский», добывавший за сезон 5 тысяч соболей и 50—60 тысяч белок, не имел права продать ни одной шкурки, минуя Иркутскую пушно-меховую базу. Ленинградский аукцион был закрыт. Вся прибыль от реализации пушнины доставалась государству. В настоящее время пушных баз нет. Большая часть прибыли от реализации пушнины достаётся перекупщику. С организацией охотничье-промысловых кооперативов они будут самостоятельно продавать пушнину на любых международных аукционах. Промысловые охотники получают все положенные деньги, у них появляется стимул хорошо работать.

Возникает резонный вопрос: как организовать охотничье-промысловые кооперативы с коллективно-индивидуальной (общее-долевой) формой собственности? Для этого нужны немалые средства, квалифицированные специалисты, действующие законы. Нужно чтобы власть кардинально изменила своё отношение к народу. Население таёжной глубинки катастрофически бедно. Тем не менее немалое количество настоящих профессиональных охотников, обладают значительными средствами. К ним можно отнести средства передвижения, охотничьи избушки, промысловых собак, орудия лова, сбора и первичной переработки ягод, грибов и лекарственно-технического сырья и др.

Мы предлагаем взяться за организацию охотничье-промысловых кооперативов в промысловых регионах Сибири и Дальнего Востока. Это должны быть хозяйства с коллективно-индивидуальной (общей долевой) формой собственности.

Во-первых, самым значимым и важным сегментом такой собственности является охотничий участок, закреплённый за каждым промысловиком — членом кооператива на срок не менее, чем на 49 лет. Охотничий участок — это то же самое, что для крестьянина земельный надел. Охотничий участок — самое важное средство производства, без которого невозможно получить продукцию: пушнину, рыбу, дикорастущее сырьё. В существующее в настоящее время законодательство надо внести всего несколько слов: «Охотничьи угодья могут закрепляться за юридическими лицами, индивидуальными предпринимателями и квалифицированными охотниками-промысловиками, создающими специализированные кооперативы». За это должны бороться все заинтересованные лица от руководства охотничьей отрасли до промысловика. Сложно? Да. Но, знаем — всё новое пробивает себе путь в жесточайшей борьбе со старым. На первых порах,

до того пока изменится законодательство, каждый промысловик может стать индивидуальным предпринимателем, имеющим право на закрепление охотничьих угодий. Все необходимые операции с налоговыми органами будет осуществлять менеджер и бухгалтер.

Во-вторых, долевая собственность будет складываться из личных снегоходов, «пневматиков» (лёгких полноприводных вездеходов), охотничьих избушек, самодельных орудий лова пушных зверей, моторных лодок, сетематериалов для вылова рыбы, приспособлений для осуществления заготовок и первичной переработки кедровых орехов, различной тары, сбора и транспортировки дикорастущих ягод и пр.

В-третьих, в рамках кооперации промысловики принимают Устав кооператива, избирают правление, нанимают менеджера. Желательно, чтобы по специальности он был квалифицированным охотоведом, руководил производством, проводил учёт диких животных, обучал охотников прогрессивной технике промысла, занимался всем комплексом охотоведческой работы, осуществлял связь с организациями района. Одной из важнейших задач охотоведа — научить охотников правильно производить первичную дообработку шкур пушных зверей, а также искать рынки сбыта заготовленной продукции. Не обойтись и без бухгалтера.

В-четвёртых, любому кооперативу необходимы немалые средства на приобретение основных фондов: складских помещений, цехов по переработке и хранению дикорастущей продукции конторы, различной техники, гаражей и прочее. В этом должно помочь государство. Помогает же оно сельскому хозяйству, выделяя миллиардные субсидии.

Охотничье-промысловые кооперативы вступают на смену советским госпромхозам, коопзверпромхозам и совхозам. Это новые рабочие места в самых отдалённых уголках России, где новые демократы за двадцать лет своего правления не захотели и не организовали не то, что ни одного предприятия, но и ни одного рабочего места. Это правильное, комплексное использование природных ресурсов, что приведёт к значительному сокращению браконьерства.

В-пятых, возрождение промысловых кооперативов способствует более равномерному освоению биологических природных ресурсов страны, сокращению бесхозных охотничьих угодий на бескрайних просторах Сибири и Дальнего Востока. Это возврат корней народов Сибири и Дальнего Востока к сложившемуся веками укладу жизни с достойным заработком.

В-шестых, промысловые охотники в условиях кооперативного хозяйствования переходят из статуса вынужденных браконьеров в разряд законопослушных хозяев, кровно заинтересованных в рачительном отношении к диким животным и окружающей среде. Самое важное — они сами становятся рьяными защитниками и охранниками охотничьих угодий: с обитающими в них дикими животными, дикорастущими орехами, ягодой, лекарственно-техническим сырьём.

В-седьмых, промысловые охотники и члены кооператива зарабатывают законную пенсию на старость, могут страховать своё имущество и жизнь от несчастного случая.

Промысловые охотники консервативны. Промышляют в одиночку, держат в стражайшем секрете свои способы добычи животных, вылова рыбы и прочие тонкости нелёгкого труда, во многом зависящие от дикой природы. Их ещё надо убедить в преимуществах кооперации долевой собственности и совместного труда. Слишком часто государство обманывало их. Поэтому многие из них предпочитают получать мизерный заработок, чем рисковать в новом и неведомом деле. За 22 года после революции 1991 года население глубинки привыкло к безвластной вольнице. Оно не знает и не признаёт власть, беспардонно предавшую её. Протест против власти вылился в беспощадную эксплуатацию всех без исключения биологических природных ресурсов.

Сразу следует оговориться — руководство России прекрасно знает обо всех преимуществах кооперативной модели хозяйствования во всех сферах производства. Но по наличию народных предприятий мы отстали от остальных стран планеты на десятилетия. По данным Росстата 2001 года в России было 65 народных предприятий, а по данным 2005 года их число возросло только на 35. Очевидно, на государственном уровне существуют силы, тормозящие создание таких предприятий. Но это временное явление. Создание и развитие народных предприятий, организаций и кооперативов — результат действий объективных законов эволюции человеческого общества.

Кооперативное хозяйствование сочетает личные интересы народа с общественными, рыночные — с государственным регулированием. Во времена нэпа это считалось идеальной системой — крестьяне одновременно работали на себя, заинтересованные в увеличении дохода, и на общество. В настоящее время есть объективные прогнозы, что в ближайшее время кооперация охватит в развитых странах всю экономику.

ФОТОКОНКУРС «Охота и природа, 2014»

**Редакция журнала «Охота и охотничье хозяйство»
объявляет очередной фотоконкурс «Охота и природа, 2014»**

Условия конкурса

Принимаются цветные и черно-белые фотографии размером 15x21 см, а также слайды. Фотоочерки - из любого количества фотографий, желательно с небольшим текстом.

Нас интересует любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: звери и птицы, виды и способы охоты, работа охотоведов, егерей, охотинспекторов, обществ охотников и охотничьих управлений, биотехнические мероприятия в охотничьих хозяйствах, спасение попавших в беду животных, борьба с браконьерством, охотничьи уголья и жанровые фотографии.

За лучшие фотоочерки и фотографии установлены премии:

- 1 первая - 10000 рублей,**
- 2 вторых - по 5000 рублей,**
- 2 третьих - по 2000 рублей.**

Присланные фотографии по почте не возвращаются, они могут быть использованы для иллюстрирования журнала. Прием фотографий заканчивается 10 декабря 2014 года.

В письме или на оборотной стороне каждого снимка укажите, пожалуйста, фамилию, имя и отчество (полностью) автора, день, месяц и год рождения, паспортные данные, адрес, ИНН, номер страхового пенсионного свидетельства, а также название фото (или серии) и место съемки. На конверте напишите: на фотоконкурс.

Фото С. Тишкевича

В новогоднем лесу

Зима под Новый год украсила в лесу не только елки, нарядила снегами все кусты и деревья. В морозный день не много живности попадает на глаза.

Снегирь — как живая елочная игрушка.

Сова нырнула от назойливых ворон в густой ельник. Низом перелетела к стволу березы, уселась на сучке и замерла. Вороны ищут её наверху, а она почти у самой земли отдыхает.

Лося заметил только когда он пошел кормиться. Шерсть у него под цвет сумеречных провалов в лесу, а светлые ноги не выделяются среди стволов молодых березок.

Серых куропаток редко удается рассмотреть вблизи. Бывает, вздрогнешь от треска крыльев взлетевшей стайки. Несколько секунд — и уже скрылись за кустами.

Чтобы сфотографировать их, пришлось померзнуть в бурьянах, где они кормятся.

Анатолий СЕВАСТЬЯНОВ

Своя стезя длиною в жизнь

А. ЗЫРЯНОВ, кандидат биологических наук

Как и почему я стал охотником? Занимаясь охотой с детских лет, но только сейчас понял, что привело меня в стан охотников. Жил на окраине села, лес за огородами, и лыжи всегда в сенцах стояли наготове, ждали свободной минуты. А мы, пацаны, больше всего весны ждали. Едва появлялись первые проталины, бежали в лес. Там, в первых числах мая, все углубления заливались тальми водами, а на буграх из нор, как обычно, вылезали суслики. Они становились столбиком, забавно цокали, громко свистели, «чакали», а заметив опасность, стремглав неслись к норам. Мы знали, что каждый суслик съедает до пуда зерна, и потому их полагалось «истреблять». Кроме того, у сусликов сохранялся еще некоторое время зимний мех. Шкурки их принимали в заготконторе и даже отоваривали дефицитными в те времена продуктами. Как-то мать купила мне валенки и отоварила крупчаткой — белой рассыпчатой мукой, и все это благодаря сданным шкуркам сусликов. Ловить их весной было не трудно. Берешь с собой ведро, лужи рядом, выливаешь два-три ведра в нору — суслик появлялся на поверхности. Схватить его за шею сзади удавалось мне, как правило, с первого раза.

Однажды из норы показался другой, более крупный, зверек. Я схватил его рукой и с трудом вытащил из норы.

— Это хорь, он полезный! — заорал я ребятам, зажимая зверьку задние ноги, когтями он уже успел поцарапать меня. Хоря пришлось бросить в лужу, и зверек довольно быстро ее переплыл. Мы еще немного погонялись за ним, кидая шапками. Хищник переворачивался, издавая устрашающие звуки: чорр, чорр! По сути, выговаривая свое имя. Он нырнул в первую попавшуюся нору, и мы оставили его в покое.

Первого зайца поймал в трех километрах за болотом. Если кто-то думает, что это было легко, то он ошибается. Целую неделю после уроков бегал я в лес. В старых валенках едва не обморозил ноги. Но добыча перекрыла все страдания. Намного интереснее оказалось выслеживать зайцев по пороше. Со старенькой девческой одностволкой 16 калибра марки «ГЕХА», с затвором и магазином под второй патрон, удалось в последний год учебы в школе взять одиннадцать беляков. До сих пор помню своего первого, добытого с ружьем зайца. Он отбежал метров тридцать и сел после моего свиста. Вслед за выстрелом исчез, но я нашел его неподалеку с одной лишь дробинкой. Сколько было радости! Да и умение приходило постепенно, в ответ на упорство и смекалку. В голодные послево-

енные годы такая реакция вполне объяснима. Нескольких зайцев продал знакомому отчима литовцу, сосланному в Сибирь.

У старшего брата Виктора была уже небольшая охотничья библиотека, и я успел перечитать и Сабанеева, и Фенимора Купера, и Киплинга, и Черкасова, и Арсеньева, и толстый сборник «Календарь охоты» 1950 г. выпуска под редакцией проф. С. И. Огнева. А чуть позднее достал и Формозова. «Шесть дней в лесах» — настоящий гимн поискам токов и тяжелой ходьбе в весеннем бездорожье, вынужденным ночлегам, и как апофеоз и награда за труды — глухариной охоте! Авторитет брата, его желание стать охотоведом сыграли и для меня, вероятно, решающую роль в выборе профессии, хотя долгое время я ходил в подающих надежды «бледнолицых».

Много весен, осеней утекло, пролетело с тех пор вслед за косачинным чуханьем либо гортанными криками улетающей журавлиной стаи. Мне нравилось подражать птичьим крикам, и однажды, спрятавшись в кустах, я подманил, заставил снизиться одинокого журавля, кружившего в поисках собратьев по перу. Журавль так и не понял, откуда доносились столь знакомые ему призывные крики.

И не сразу вдруг, а по прошествии большого периода времени, спустя десятки лет пришло ко мне чувство отдохновения, озарения, а еще точнее — познания причин непреодолимого влечения к охоте. Вероятно, оно сидело во мне, издавна созревая, и наконец-то вырвалось наружу. Виной тут был не только зов предков, о котором принято говорить в подобных ситуациях, но и возможность получить очень быстрый результат своего труда, действия, еще не осознанного до конца. А что может быть желаннее зримого практического результата?!

Скажу больше, трудности, связанные с поиском желанной добычи, не пугали, с лихвой восполнялись полученным результатом, манили и завлекали. Велико было влияние старшего брата, сложившегося охотника и охотоведа. Дед мой по матери, Василий Иннокентьевич Мозолевский, из Витебской губернии вслед за прадедом переселился в Сибирь в начале прошлого века. Его два сына — как и мой отец Николай, погибли на фронтах Великой Отечественной, а вернувшийся с легкой контузией младший сын Иван, как и сам дед, был охотником. Не сомневаясь и я влился в стан охотников, позже — охотоведов, много позже — ученых. Свою неразрывность с природой ощутил, осознал уже в зрелые годы. Именно охота и природа во

Анатолий Николаевич Зырянов

все времена рождали и продолжают рождать лирические строки. Терпенье и труд все перетрут — мудрость, идущая издревле!

Как часто, при необходимости решать сложные задачи, приходили ко мне, возникали из небытия годы детства, юности и уроков, предоставленных самой природой. И вела меня природа через всю жизнь. Однажды едва не замерз, обледенелыми пальцами последними спичками разжигал костер. Конечно, настругал предварительно ножом тонких щепочек, стружек, лучинок, сдделал «петушка» из сухого обломка. Не дыша смотрел, как разгорается тонкая растопка. Спал урывками, боялся, что костер потухнет в сумраке долгой, холодной и бесконечной зимней ночи. Сколько таких, или почти таких, ночей скоротал, превозмог — невозможно вспомнить каждую из них.

Таига не любит беспечность, стоит лишь немного расслабиться — и будешь наказан. Надолго запомнилась мне поездка с компанией за черникой в незнакомый район. И ночлег под долгим, нудным, по-настоящему осенним дождем без теплой одежды и продуктов. Утром новый дождь заставил нас уйти попавшей тропой вниз по долине ручья. Из тайги со случайными попутчиками выбирались в мокрой одежде на тракторе в открытой телеге, и еще больше продрогли (полезился я взять рюкзак с НЗ, компас, заблудился и не смог сориентироваться)!

Иногда, читая старые дневники, нахожу забытое и вновь с содроганием ощущаю пережитое. Но гораздо чаще приходят на память светлые картины, с удовольствием переживаю их заново. Зримо вижу и затухающий костер (его с умом надо разводить, и чтобы искры на тебя не летели, и чтобы сухая трава не вспыхнула!), и вновь озаиривший ночную тьму живительный пламень, и немудреную похлебку, и обжигающий кипяток, заваренный смороженными листьями или даже замороженными веточками.

Так отчего же я стал охотником? Не верю снобам, не попадавшим в сложные условия выживания, что охота — баловство, пустая трата времени (зайди в супермаркет — там все можно купить за деньги!). Нет, ни за какие деньги не купишь ни тех ощущений, ни радостей от пережитого в тайге, на зимней лыжне или тропе!

Вспоминая журналистов, солидных дядей, акул пера, не раз заклеймивших охотников. А было ли у них такое право: «дикая фигура охотника» — это еще не самое едкое выражение. Некто Рябинин, посетивший алма-матер сибирских охотоведов еще в конце 1960-х, москвич Ярослав Голованов, журналист Медицинский, и даже автор «Русского леса» Леонид Леонов, талантливой книгой которого в детстве зачитывался! С завидным постоянством хотя бы раз в двадцать лет, сменяя друг друга, «прославляли» и будут еще «прославлять» охоту, ругая и вина во всех смертных грехах охотников.

Алтын, Аскыр, Мана

Меня вызвал к себе директор заповедника «Столбы» Гавриил Васильевич Хоришко. Смотрел он с лукавничкой, как бы оценивая собеседника, говорил, не торопясь, и буквы «г» произносил на украинский манер. За глаза его звали Ганей. В кабинете уже сидели Леша с Саней. Они переглянулись и нетерпеливо уставились на меня.

— Ну, что, охотовед-зоолог, сможешь поймать трех соболой?

Я задумался, прежде чем ответить: на календаре — начало апреля, крайне неудобное время для ходьбы на лыжах.

— Задание пришло из Главка — продолжал Ганя — требуют представить для ВДНХ диких соболой. С лицензиями проблем нет, я говорил с начальником охотуправления, он их уже подписал.

— Можно попробовать. А где ловить-то будем, не в заповеднике, надеюсь?

Я уже догадался, что сидящие рядом друзья готовы хоть завтра отправиться в экспедицию.

— Поедете втроем в Верх-Бирюсу, там лесников выделяет в помощь. Только денег много не дам: командировочные, да еще по 60 руб. за каждого пойманного соболя.

Два следующих дня ушли на сборы: готовили лыжи, проверяли и подгоняли ичиги — кожаную обувь, из под-

ручного материала сделали три живоловушки. Конструкция была простая: две дверцы, свободно двигающиеся в пазах, силой собственной тяжести могли при срабатывании превратить сквозной ящик в «мышеловку». На третий день наш непосредственный начальник, Владимир Васильевич Козлов, известный ученый-волчатник просил водителя не задерживать, отпустить его сразу. Через неделю он придет узнать как дела. Общий срок нам дали до 15 апреля. Ехали мы на грузовом газике. Кроме снаряжения, ловушек, набитых продуктами рюкзаков, в кузове устроились в полушубках Алексей с Саней. Меня же усадили в кабину вместе с Бойкой — опытной лайкой, вывезенной из Иркутской области.

Настроились на быструю отправку в тайгу, но неожиданно застряли в Верх-Бирюсе. Лесничий, которому написал распоряжение директор лесхоза, поскреб в затылке и пообещал дать нам проводников, но придется подождать, пока погода установится, вон какой снег валит. Сейчас в лес и на тракторе не проедешь! К исходу третьих суток запас бесплодного ожидания иссяк. Мы с трудом убедили лесников срочно отправиться в тайгу и попытаться вытратить соболой по только что выпавшему снегу, а не ждать наста. Я узнал у дорожников, что они утром едут на 124-й километр, и упросил их взять нас с собой. Четвертый день стал переломным: и погода наладилась, и мы чудом влезли в тесный автобус вместе с «бутором», собакой и людьми.

Через два часа Василий, степенный лесник, сообщил, что мы приехали. Вскоре он углубился в переплетения согнутых и запорошенных снегом веток, а мы поспешили за ним. Я шел замыкающим и вел на поводке Бойку. Спустился час подошли к избушке, рядом с которой угадывались приспособления для переработки шишек. Возле амбара куча кедровой шелухи. Второй наш проводник Иван заметил, что урожай был нынче добрый. Я отпустил с поводка собаку. Другие тем временем сбрасывали с плеч рюкзаки и ловушки. Один ящик, взятый на случай изготовления клетки, ударился о стенку табора. Оглянувшись на звук, я не поверил глазам: из кучи вывернулся желто-бурый соболю и кинулся прочь.

— Держи его, лови, возьми! — раздалась возгласы, хотя Бойка уже лаяла на кедр, в кроне которого исчез соболю.

Укрепив петлю из проволоки на конце «удилища», я стал подниматься вверх по стволу, подтягивая шестик, и втыкая его нижний, расщепленный край в одну из веток. Хищник примостился на самой вершине кедра и недовольно ворчал. Медленно, очень медленно движется петля возле уха зверька, охватывает нос, голову, шею... Рывок! Зверек повисает на проволоке, верещит.

— Держите собаку, бросаю.

Соболю с частью удилища мелькнул в воздухе, но, уйдя в снег с головой, тут же вынырнул и тугой пружиной, преодолевая снежную целину, утопая в ней, намерился прорваться через круг людей. Еще в полете, он перекутил и оборвал проволоку. Собака засадила его вновь взобраться уже на соседний кедр.

И снова я лезу к вершине, но не успеваю развернуть петлю, как пушистое тельце летит вниз. Слышу улюлюканье и догадываюсь, что очумелый «кот» сидит на другом дереве. Так повторилось еще трижды, наконец соболю оказался на таком дереве, что лезть за ним было опасно. Срубленный ствол падает, но зверек в последний момент успевает перепрыгнуть на рябину. Василий, Иван и Саня втроем кое-как справились с наросшим удилещем, надели петлю на шею соболю, и тот в очередной раз запутался. Рябину срубили, я упал на снег, укравший зверька, и вот он, золотисто-рыжий соболю у меня в руках — не было ни гроша, да вдруг, Алтын! Так и назвали его.

Утром проводники отправились в деревню, но вскоре Иван вернулся и рассказал, что соболя нашли в запуске. Придется копать. Вооружившись двумя совковыми лопатами, поспешили за провожатым. Копать пришлось долго, так как снег засыпал яму и пустоты меж корней. Раскопки снежных лабиринтов закончились успешно, с помощью Бойки — умная собачка хорошо знала свое дело и чуяла соболя под метровой толщей снега. Оказавшись в тупике, соболю выскочил и тут же прыгнул на дерево. Опять лезу на кедр, предварительно срубив березовое удилище и укрепив на нем петельку. Соболю недовольно урчит, скалит зубы, вертит головой, делая выпады в стороны, но не решает прыгать вниз. Высмотрев просвет, я осторожно протягиваю удилище, надеваю жилковую петлю через голову на шею беглеца, и быстро подтягиваю к себе. Удалось с первого раза схватить его. Пробую спускаться с дерева до первой развилки, но зверек оказывается не хилым, он вертится у меня в руках и никак не желает успокоиться. Петля слезает с головы, повисая на его носу. Держу соболя левой рукой, а правой пытаюсь вновь надеть петлю. Мгновение, и острые клыки вонзаются в мой палец! Вот те раз, сколько соболой переловил, ни единой царапины на руках, а этот ловчее всех оказался...

«Эх, забияка, ловко подловил меня!» — подумал я.

Слегка сдавливаю свободной рукой грудную клетку зверька, прижимаю к колену и вижу, что палец снят с верхнего зуба, но это еще не вся операция. Вместе с мясом срываю свой бедный палец с нижнего клыка, пока соболю снова не сжал пасть. Сую палец в рот, сосу, сплевывая кровь, и кричу:

— Эй, Леша, давай лезь сюда на помощь, мешок прихвати!

Алексей быстро вскарабкался на де-

рево, держа в руках гимнастерку с завязанными узлом рукавами и шейным сужением, получился мешок, куда мы бросили кусающуюся добычу и перехватили широкое отверстие бечевкой. Осторожно поддерживая, спустили мешок вниз. Тут же родилось и имя пленника: Аскыр — матерый самец! А метка-шрам на указательном пальце правой руки так у меня и осталась!

В одном ящике сидит Алтын, а вторую клетку, прибавив жезь с дырочками, переоборудовали и посадили в нее Аскыра — живого и невредимого. Остались в запасе еще две настороженные живоловушки, установленные в укромных местах, с наживкой из мясной приманки.

Назавтра, вернувшись в избу после проверки ловушек, мы застали там Владимира Васильевича с фотокорреспондентом. Оба они очень обрадовались, что уже были пойманы соболи. Фотограф просил выпустить одного для съемок, объяснил, что его можно держать на веревочке, поснимать процесс отлова. Козлов незаметно покачал головой, и я, правильно оценив ситуацию, вспомнив приключение с Аскыром, с небольшой паузой, заявил, что уже поздно, снег уплотнился, соболю легко убежит! А следующего вряд ли поймаем!

Ответ мой поверг в уныние гостя и едва не вызвал наш досрочный отъезд. Леша с Саней красноречиво глянули на меня, и я попросил дать нам еще один шанс.

— Ладно, оставайтесь еще на три дня, но четырнадцатого в полдень будьте на дороге, — заявил утром Козлов.

Три дня пролетели как один. Тем не менее мы не только надышались тайгой, исследовали окрестности, но и поймали соболюшку. Она побывала в ловушке, и как-то смогла из нее выбраться, правда, перетянув заднюю лапку жилкой, которой я страховал открытие дверцы, подвешивая для тяжести небольшое полено. Жилка не позволила ей убежать далеко, и зверушка зарылась глубоко в снег. Выкопали ее не быстро. Она, выскочив из снега, забралась на березу, стоявшую рядом, откуда снять ее петлей не составило большого труда. Самочка была явным сеголетком и не представляла опасности для моих пальцев. Мы дали пленнице имя Мана, в честь реки, являвшейся южной границей заповедника «Столбы», по которой часто путешествуют любители водного сплава.

В последний раз мы ушли километров за пять в верховья р. Большой Кемчуг, раскопали снег, прорубили лед, наполнили котелки ледяной водой и заварили настоящий чай, так как возле избы не было ключика, и снеговая вода нам изрядно надоела! Замыкая круг, вышли на следы крупного медведя, немного прошли за ним, благо это было попутно. Топтыгин спокойно перешел дорогу, которая тогда только строилась. Видели глухаря, след

лося и едва прилепали домой на лыжах по раскисшему снегу.

В назначенное время были на дороге. Новый водитель, блеснув золотым зубом, небрежно бросил:

— Ну, как? Живы ваши два соболя?

— Успели родить третьего!

— Не может быть! Козлов сказал — никаки шансов нет!

— Шансов нет, а соболю есть!

Алтын, Аскыр и Мана благополучно перенесли перелет в Москву. Во время промежуточной посадки они жадно лакали воду из чашки, подаренной симпатичной бортпроводницей. В аэропорту меня и моих питомцев ждала машина, которая отвезла нас на ВДНХ. Здесь у меня попросили ветеринарное свидетельство на пленников. Я объяснил, что соболю у нас целую неделю жили, из настоящей тайги их вывезли, не успели вирусов нахватать!

Дикарей поместили в вольер, расположенный рядом со зверосовхозными, более темными, но и совсем ручными, питомцами. Служители боялись, как бы наших лесных соболюшек не украли. И в самом деле, можно было опасаться: возле них постоянно толпились посетители, но наши соболи скалили свои острые клыки, угрожая каждому жесту.

Лет через пять — шесть в заповедник пришел перевод на 24 рубля 32 копейки. Так оценили шкуру одного из наших соболей. Вскоре экспозицию закрыли, соболей кому-то передали и дальнейшая их судьба мне не известна.

Много воды утекло с тех пор. Неподалеку от тех мест, где мы ловили соболей, плещется рукотворное море. С

Алексеем Кнорре, через год после описанных событий, мы прошли за три дня на лыжах от кордона Масленка, что стоит на речке Мана, к Енисею. До темноты искали избушку на перевале, указанную лесоустроителями, и чудом нашли ее уже в сумерках. Двери не оказалось, но была печь и пила. Мы напилили дров, завесили узкий дверной проем уже знакомой гимнастеркой и сносно переночевали. Еще один дневной переход, и вот она — незатопленная еще ледяная гладь. Прокричали в две глотки — Ура, Ура, Ура! Перешли р. Енисей напротив заброшенной боггом Бахты, где только лесники и остались. Заночевали на кордоне у лесничего, литовца по фамилии Кикас. Он же сказал, что утром можно уехать на подводах с его тестем — колхозным сторожем Кузьмой.

Кузьма Помпер, немало повидавший на своем веку, оказался весьма общительным, разговорчивым, как и большинство таежников-сибиряков. Мы помогли ему загрузить на три подводы сено и отправились в Ново-Хмельники, деревеньку, которая образовалась с выносом жилья из зоны затопления ГЭС. В эту, не слишком долгую поездку на санях, Кузьма постепенно раскрывал нам свою судьбу бывшего золотоискателя. Бывший старатель и лесовик, вспоминая о былом, угостил нас брагой, настоянной на сывротке. И мы, проехав по замерзшему Енисею, которому предстояло в скором времени стать кладбищем гниющих деревьев, слушали его незатейливый рассказ о походах, о местах, где было золото, где токовали глухаря, паслись маралы, устраивали берлоги медведи. Осоловев, качая головой в такт бегущим лошадам, я невольно ду-

Острым клыкам соболя ничего не стоит прокусить палец

Фото Л. Ременюк

мал: как хорошо прожил этот человек по имени Кузьма, щедро делившийся с нами своими воспоминаниями о давно ушедших днях. Наверное, он ждал именно такого момента, чтобы не спеша выговориться. И еще, откуда-то изнутри поднималось, обволакивало меня чувство: пока жива природа, живет и вера в удачу, в счастливую звезду свою. Потерявший эту веру — в тайгу не ходок. С неожиданной грустью мы прошли уже на лыжах в незакрытый проран плотины Красноярской ГЭС, вероятно — одни из последних.

Главный фигурант — настоящий охотник

С Костей мы знакомы более двадцати лет, и я не перестаю удивляться его энергии и увлеченности охотой. Костя — стрелок, недавно ездил на соревнования в столицу и выполнил норму кандидата в мастера спорта, и меня подтягивает на стрельбище. И еще у нас общая страсть. Едва запахнет весной, не успеют образоваться первые проталины, неудержимо, с закоренелым постоянством, манит в Тайгу.

Запоздавшая весна все-таки смогла перебороть холодные утренники-отзимки. Пришедшее тепло в течение нескольких суток быстро согнало снег, оставшийся лишь в логах редкими белесыми пятнами. Запели неугомонные птички, среди которых можно было узнать и синичек, и пеночек, и таежного сверчка, и вечерние трели певчего дрозда. И вот они, долгожданные незабываемые дни в лесу. Я, добравшись на электричке, ушел пешком к избушке в ближние обетованные места. Полдня занимался хозяйственными делами, к вечеру услышал подъехавшую машину и встретился с друзьями: Костей и его дочерью Таисией. Девчонка заметно подросла. В шесть лет ее уже брали с собой на ток. Однажды, по снегу, отец нес на спине до начала токовища. В другой раз взял складной стульчик, чтобы можно было посидеть уставшему ребенку в ожидании таинственных песен мошников. И надо ж было так случиться, что именно он нечаянно задел за стульчик во время прыжка за ствол дерева и спугнул осторожную птицу.

Не успев приехать, Костя начал выжигать сухую траву вокруг стоянки. Ему помогала и Тая. Я же обеспечивал безопасность в виде двух ведер воды и готовил ужин. Провозились до темноты, а после ужина, как обычно, вспоминали прошлые поездки. Особенно запомнилась одна — оказались в компании с элитными охотниками на озере Салбат. Руководил здесь не столько мой начальник, сколько более высокий Шеф. Шумная компания отметила свое прибытие горячительными напитками. Был доставлен из ближайшего совхоза баран — подарок местного агронома. Сам агроном не охотился, но играл на баяне и пел веселые песни, ритуал у него такой был на открытии осенней охоты.

Соболушка начала быстро зарываться в снег

Фото Л. Ременюк

Утром мы с Костей одними из первых выдвинулись на дальний плес. Мой друг сумел хорошо устроиться и на зорьке всех обстрелял. Мне же удалось добыть лишь трех водоплавающих. На вечернюю зарю я на новый плес дальше заплывал. С собой взял пару досок. Устроился на этом импровизированном настиле стоя, в непромокаемом костюме. Очень удобно было стрелять, и стрельба пошла. Правда, в основном чирки летали. А Костя настрелял в первое утро красноголовиков, криак, шилохостей и прочих «серых» уток. Я все-таки сорвался со своего помоста и набрал воды в сапоги, но это приключение не очень расстроило. Азарт — великое дело, компенсировал потери.

Когда мы выплыли к берегу и достали утреннюю добычу, начальник попросил дать несколько «серых» уток своим друзьям, обещая оставить патроны.

Патроны нам действительно дали, но наша добыча сильно поубавилась, а настоящих «серых» в ней совсем не осталось. Главный руководитель, держа полтуши барана (часть ушла на шашлык под водочку) за заднюю конечность, ловко орудовал топором, отделяя симпатичные куски. Последний взмах, и Шеф, протягивая мне оставшийся у него в руке кусок «лытки», неожиданно спросил.

— Хватит Вам? Погода-то жаркая, поди, испортится?!

— Хватит! — не моргнув глазом, гордо ответил я, мысленно сопоставив наш им подарок и эту жалкую подачку.

«Друзья» уехали, а мы выкопали во мху ямку и спрятали туда остатки добычи вместе с лыткой. Охота фактически закончилась, так как напуганная выстрелами дичь стала намного

осторожнее. Однако наши души были удовлетворены результатами первых двух зорь. Ни раньше, ни позже Костя не напоминал мне об этом случае явного крохоборства и панибратства (это мы осудили еще на той самой охоте!). По привычке, Костя и в других компаниях раздавал менее удачливым соседям большую часть своей добычи. Ездить же на «утей» в компании с «крупным» начальством в дальнейшем как-то расхотелось.

...Поднялись в три часа. Легкий завтрак. И вот наш маленький отряд двгается к току. У меня и у Кости по решению на отстрел глухаря, но стрелять решено лишь мне. Костя с Таей хотят осуществить свою давнюю мечту — увидеть настоящие глухаринные бои-схватки. Идем вдоль свежей, год назад образовавшейся, километровой вырубки, ругаем черных лесорубов. Нет на ней ни одного столбика-указателя, а ведь уже третий год рубят, выбирают строевые сосны, ни о какой санитарной рубке речь не может идти. Фактически воруют лес!

Забрались вглубь леса около километра. Остановка. Чу, поет! Костя первым слышит песню, мне же пришлось пройти еще несколько шагов. Теперь точение хорошо слышно. Поет в районе канавы.

Друзья идут в сторону, обходят певца справа, а я, выждав паузу, бегу под песню. Все как обычно, четыре шага, в конце трели прыжок на обе ноги. Стойка. И новые прыжки. «Мой» поет с остановками, замолкая как бы на полу-звук, остальных не слышно, они дальше за бугром. Вот и канава. Вижу силуэт певца на сосне в ветках. Сидит ко мне грудью, а между нами полянка. Решаюсь уйти в сторону, прикрываясь створом березы. Делаю в сторону три

шага, опускаюсь на колено. Глухарь, неожиданно громко хлопая крыльями, перелетает метров на двадцать и усаживается на ветвь лиственницы. Тут же вновь поет. Перемещаюсь и я. Прикрывшись березой, делаю две перебежки по четыре шага. Перевожу дух. Можно стрелять, но плохо видна мушка. Жду еще минут пять. Тщательно прицеливаюсь в силуэт на подслепшем небе и жму спуск. Ба-бах! Глухарь камнем падает вниз, даже не шелохнулся в траве. Для меня охота кончилась, а что же друзья?

Встреча через час у машины. Костя рассказывает, что видели и слышали не менее четырех птиц, и дважды слышали в разных местах хлопанье, похожее на драки. Но что происходило в кустах, и самих драчунов не заметили. Еще одного молчуна спугнули и копалух слышали не меньше трех.

Костя решил идти вновь завтра. Он торопится в город, а я остаюсь до вечера.

***

— Хочешь зайца посмотреть? — заявляет Костя, появившись вместе с дочерью в конце дня.

— Он мне еще утром попался, немного, видно, напугался. Еду к тебе, а он на том же месте лежит. Поехали, посмотришь!

— Да удрал, наверно, давно уж, что он совсем не соображает? — не верю рассказу.

Решили проверить. И точно, все подтвердилось, увидели мы зайца прямо из машины, метрах в пятнадцати он лежал рядом с бугорком. Костя с Таей вылезли из машины, обошли зайчика, я свистнул, и он сорвался прочь, покатился, мелькая белым мячиком!

Ужин и сборы назавтра. Утром ранний подъем и все повторяется в прежней последовательности, с той лишь разницей, что и я превращаюсь в настоящего наблюдателя.

***
От канавы я ухожу вправо, а напарники обходят токовище слева. Слышу слетевшего от них молчуна. А вот и «мой» певец. Сидит он в полдеревя, в ветках. Поет довольно азартно, дальше еще двух слышу. Незаметно текут минуты. Светает. В 5 час. 25 мин., демонстративно развернувшись несколько раз, слетает мой токовик на землю метрах в пятидесяти и тут же еще с большим азартом поет. Как по команде один за другим слетаются, судя по шуму, туда же еще двое. Резкие взлеты, хлопанье крыльев. Шум от их повторных взлетов. Больше похоже на демонстрацию своих внешних данных, чем на драку. Певцов не видно, но вперевод слышится шипенье и отрывистые трели двух бойцов. И третий где-то рядом, веее.

Сбоку слышу Костин легкий свист. Наблюдатели явно запоздали, трудно девочке даются подскоки. Объясняем жестами. Костя с Таей идут к левому токовику, а я, помедлив несколько минут, к правому.

Увы, начинают громко квохтать копалухи, они оказываются неподалеку с трех сторон, и их шумный концерт все забывает. Поздно, светает, теперь вряд ли удастся незаметно приблизиться к пернатым рыцарям и разглядеть их действия. Мои друзья видны неподалеку.

Надоело ждать, делаю несколько коротких шагов в сторону ближнего петуха. С шумом взлетает глухарь и, сопровождаемый квохтаньем, вместе с копалухой исчезает вдаль. Точно также повторяется неподалеку еще дважды или трижды. Обхожу по кругу место тока и понимаю, что ничем особым оно не выделяется, скорее всего сюда сдвинулись петухи подальше от свежей вырубки.

Годом раньше на этом же току мне удалось понаблюдать петухов вблизи. Они вперевод пели рядом друг с дру-

гом, но, вдруг, один из них убежал, уклонившись от драки, второй преследовал беглеца метров пятьдесят, потом вернулся на свою полянку. Как я понял, точного центра тока здесь нет. И для всех боковых петухов сигналом служит слет на землю главного токовика. После его взлета с копалухой разлетелись с самками и остальные.

Старая, как мир истина: если хочешь что-то поснимать или разглядеть в пернатом царстве, надо делать шалаш или ставить палатку и забираться в нее с вечера.

Лет тридцать назад мне повезло отыскать хороший ток в сосновых борах на р. Мане. Приходил с вечера и ночевал у костра. Часто оставался на второе утро и вел наблюдения. Главный токовик не улетал первым, он не замечал меня и продолжал пять после преследования очередного соперника рангом пониже, иногда вновь поднимался на дерево. Я тогда был с телеобъективом, и на каждом из 36 кадров были запечатлены глухари!

По слухам, позднее на проложенной по водоразделу тракторной трелевочной дороге выбили лесорубы не только самцов, но и копалух, да и само токовище позже вырубил.

Вернувшись в избу, мы продолжали обсуждать не очень удачную концовку наблюдения.

— Зря ты, Николаич, стал подходить после того, как они слетели, подшумел!

— Костя, да что спорить, кто первый подшумел петухов? Мы оба запоздали, а за кустами все равно драку не увидишь! Ты же читал мой очерк «Куда». Лишь один раз повезло увидеть настоящую драку и добыть одного из дерущихся, там, под Иркутском, в Прибайкалье! А был я тогда моложе на пятьдесят лет, быстрее бегал!

Подумав, мой главный фигурант и настоящий охотник сказал:

— Ну, у нас с Таей еще все впереди!

Здравствуйте, дорогая редакция! Отправляю вам фотографию наших друзей-охотников. Я выписываю журнал с 1974 года.

В феврале прошлого года мы вынуждены были сделать облаву на волков. Уж больно активно стали они уничтожать на пастбищах наших домашних животных — только за один месяц они уничтожили с каждого крестьянского хозяйства по несколько голов. 18 числа мы отстреляли трех хищников.

Но что держать больше зло на волков, Бог создал на земле и людей, и зверей, нашлось место и для волков. Без этих умных и красивых

животных жизнь на земле была бы не такой интересной.

В.М. Песков в свое время писал в вашем журнале о нашем Горном Алтае. А А. Дигилевич в № 8-2004 г., восхищаясь нашим краем, написал: «...обширный горный район, известный убеленными снегами вершинами, прекрасными водопадами... Живописнейшими альпийскими лугами, многочисленными озерами с водой удивительного цвета, привлекает к себе много желающих увидеть всю эту красоту. Среди них немалую долю составляют охотники».

В. МЕКЕЧИНОВ
Фото Б. Чочкина

В. Н. Шевченко на охоте

Уважаемая редакция! Нашему папе, Владимиру Николаевичу Шевченко, исполнилось 45 лет, и мы от души поздравляем его с днём рождения!

Живём мы в Приморском крае, недалеко от озера Ханка. Из нашего села Приханкайская низменность видна как на ладони, а само озеро угадывается в далекой дымке серебристо-серой лентой. Наши края исследовал Н. Пржевальский и описал их в книге «Путешествие в Уссурийском крае». Папа родился и вырос здесь, так же как и мы с сестрой.

Охота для отца — не просто увлечение, это прогулки по лесу во все времена года и чудесные виды родных сопок, и приобщение к чему-то важному. Это — вся его жизнь. Мы с сестрой с раннего детства помним, как отец днями и ночами пропадал на рыбалке и охоте. С нетерпением ожидали, когда он вернется и покажет свою добычу.

Когда мы подросли, отец стал брать нас с собой в лес. И мы никогда не забудем этого. Мы учились любить свою родину, ценить и беречь природу, познавали премудрости охоты, ориентирования и выживания. Однако чаще всего компания папе составляет верный русский спаниель Дакар.

Отец никогда не добывает больше, чем нужно ему и его семье, он правильный охотник и порядочный человек. Часто его добыча — наблюдения и впечатления, радость от работы любимого спаниеля. Мы лечим и подкармливаем животных, вы-

саживаем деревья, тушим лесные пожары. Пример отца очень важен для нас. Его образ — это образ настоящего Человека. Настоящего Охотника.

Ваш журнал папа выписывает с 1992 года. По нему мы учились читать, познакомились с животным миром, а альманах «Охотничьи просторы» открыл нам удивительный мир охотничьей литературы.

Желаем нашему отцу счастья, здоровья и охотничьей удачи ещё на долгие-долгие годы!

Ульяна и Оксана ШЕВЧЕНКО

Мой день

В тот день я поехал на пригородном поезде Нефтекамск — Янаул. Вышел на остановке Старый Артаул. Погода, как мы между собой говорим, была лисья. Небольшой ветерок и мягкий снег.

Планировал пройти по полям, где стояли скирды соломы, местами ее неубранные кучки, где обычно лисы мышковали и тут же оставались на дневку отдыхать.

В те времена еще не было снегоходов, лис никто не беспокоил, кроме пеших охотников. Они ложились на кучках соломы. Двигаясь в полветра или против ветра, можно было узреть отдыхающую или мышкующую лисицу.

Не успел пройти и полкилометра, как увидел недалеко от деревни мышкующую лисицу, укрылся за кучу соломы и поманил на манок. Она резво побежала. Есть первая!

Поле перерезают аккурат-

ные, ровные линии березовых посадок, в народе называемых «сталинскими». Дошел до посадок, снял с тушки шкуру.

Иду дальше, не прошел и километра, как увидел спящую на кучке соломы лисицу. Вышел под ветер, не теребя из виду кончики ее ушей. Подошел на выстрел, пискнул, лисица подняла голову. Вторая готова!

Чтобы снять шкуру направился к ближайшей посадке, но тут краем глаза заметил еще одну лисицу, спящую на конне соломы. Бросаю тушку и начинаю подкрадываться уже более спокойно и уверенно. Несу на посадку уже двух лис.

Каждый охотник поймет состояние моей души: обычно я добывал по две лисы за выход, а тут, смотрю, уже три!

Перекусил, снял шкуры и направился поближе к дороге, к остановке. Иду, душа поет. Слева аккуратной линией тянутся скирды соломы, на одной из них вижу темную точку. Взял бинокль, посмотрел, лиса! Имея в рюкзаке трех лис, я пошел не сильно осторожничая, но это, видимо, был мой день!

Удачный подход, удачный выстрел. Четыре штуки! Рекорд!

После этой охоты я много лет ходил на лис, но такого удачного дня уже не было.

Описанные события происходили в 80-е гг. прошлого столетия на севере Башкортостана.

Ф. ГАТИХ

г. Нефтекамск

Здравствуй, уважаемая редакция! Обращаемся к вам с большой просьбой поздравить нашего дорогого и любимого мужа, папу, Мельникова Александра Владимировича, с днем рождения. Он заботливый отец, хороший муж, ответственный и честный человек. Мы его очень любим.

Ваш журнал он выписывает уже 10 лет, с интересом читает рубрику «Юридические консультации», о новинках охотничьего оружия и снаряжения, литературные страницы.

Александр Владимирович с детства мечтал стать охотником, как его отец, он несколько лет был охотником-

любителем, и вот уже 10 лет работает в Кыринском охотпромхозе штатным охотником. За свой доблестный труд он не раз награждался почетными грамотами.

А. В. Мельников с трофеем

Охота для него самое любимое занятие, ни о каком другом он и слышать не хочет, ведь он занимается делом для настоящих мужчин: выносливых, сильных, смелых. Изюбр, что на фотографии, добыт им во время пантовки в июне 2013 г.

Желаем Александру здоровья, счастья и удачи на охоте!

Жена, сын, дочь Мельниковы
Забайкальский край

Вандышев Сергей Александрович

Пишет вам семья Вандышевых, в которой живет охотник и очень добрый человек Вандышев Сергей Александрович.

Журнал выписывает все годы и каждый месяц с нетерпением ждет новый номер. Он увлекается охотой, очень любит природу. Половину жизни он работал лесником в лесном хозяйстве.

Нашему папе исполнилось 50 лет. Мы ему желаем крепкого здоровья, удачи в делах и охоте.

Жена, дочери, зятья

Волки, волки...

А. ИЛЬСОВ

Ведет нас судьба по своим извилистым дорожкам, то вверх поднимет, то в овражек опустит, в тупичок заведет и выведет, а то закрутит и вернет к исходной позиции — начни-ка, брат сначала. Есть у меня один знакомый, жизнь которого, как и у многих у нас, по такому сценарию сложилась. Да и вы его знаете. Это Нигматзадянов Завдат. В вашем журнале в номере за март 2001 писал об охоте на волков: «Флажки — это круто». Был он районным охотоведом. Потом ушел с этой должности, но жизнь, проведя его по кругу, снова привела к охоте и лесу. Сейчас он директор одного из лучших частных охотхозяйств Татарстана. Есть в его внешности что-то лесное, ассоциируется он у меня со словом «матёрый». Высокий, с большими конечностями, крупной головой на короткой негнущейся шее, серьезным взглядом исподлобья, одетый в куртку из солдатского сукна, вооруженный выдавшим виды карабином с потертым прикладом, он органично вписывается в обстановку леса и в любую охотничью компанию. Любим мы с ним поговорить о политике; обстановке в мире, в стране и, как обычно, все разговоры сводятся к охоте. Как ответил один из моих коллег по страсти на замечание своей жены: «А о чем еще говорить-то?!» Преувеличение, конечно, можно ведь говорить не только об охоте, но и о другом. Например, о собаках, ружьях, мало ли...

Сидим мы как-то на природе после вечерней утиной зорьки. Костерок горит, чаек в котелке преет, мой курцхарт остатки закуски доедает, ну все как положено. Разговор под это дело льется бесконечный и сна ни в одном глазу. В ближайшей деревне собака завyla, за ней другая.

«Как волки», — сказал я. «Ну нет, волки не так воют», — возразил Завдат.

Ну, раз разговор про волков пошел, я вспомнил о той его статье про охоту с флажками и заметил, что удивлен поведением волков, которые три дня в окладе просидели, боясь каких-то тряпок. А охотнику только повод дай, выложил Завдат мне готовый случай из своей богатой охотничьей практики, подтверждающий, что волк хоть зверь и осторожный, а кое в чем и трусливый, но бывают и исключения. А с его разрешения, с некоторыми сокращениями, изменениями и комментариями всем пересказываю. Сам я в тех событиях участия не принимал, в те годы служил на Дальнем Востоке и охотился совсем на других зверей, но за правдивость рассказа ручаюсь, потому что честнее охотников только рыбаки. Да и то не все.

Тут нельзя не сказать пару слов о другом герое его повествования — Во-

лоде Бачеве. Хотя, рассказывая о нем, двумя словами не отделаешься, Володя — заметная личность в охотничьей части населения нашего района. В сезон его можно встретить в любую погоду, в любое время суток в любом месте охотничьих угодий района. Например, на опушке ночью выйдет из темного леса, увидит, что вы без добычи, протянет пару вальдшнепов, откажется от предложения подвезти до дома, объяснив, что ночует в лесу и опять уйдет в темень. В зимнем лесу, следуя на номера, кто-нибудь, увидев на просеке следы человека и большой собаки, скажет: «Бачев прошел», и все местные понимающе закивают — человек делом занят. Собака у него — крупный кобель, помесь лайки с овчаркой, взявший лучшие черты от этих двух близких по духу пород, назначение которых предполагает совместный суровый труд с суровыми мужчинами, будь то защита стад от волков или добыча зверя в зимней тайге. Мужественный характер и близкое к волчьему облику этих собак отлично подходят для того, чтобы сидеть с ними ночью у костра в степи, в горах или в лесу, испытывая друг к другу взаимное доверие и приязнь. Вот и Бачев нашел в этой собаке идеального друга и, если хотите, члена семьи. При том, что охотник он не то чтобы недобычливый, а не жадный, что ли, для которого главное — процесс. И даже процесс не охоты, как добывания дичи, а нахождение на природе, общение с собакой, с подобными себе «правильными» охотниками. Без ложной скромности скажу — таким как я или Завдат, для которых охота — не хобби, а страсть и состояние души и для которых успех на ней определяется не величиной и количеством трофеев.

Здесь хочу небольшое отступление. Я трофейную охоту признаю и с удовольствием читаю о ней в глянцевого охотничьих журналах, обильно украшенных фотографиями молодцов верхом на поверженных буйволах и антилопах. Да и сам тщеславно развесил дома рога лося, козули и кое-какие чучела. Но при этом не покидает меня ощущение, что многие из тех, кто трофейной охотой занимаются, с таким же успехом могли завести другое хобби — например, коллекционировать не мертвые головы с рогами, а дорогие автомобили, лошадей, гоняться на яхтах, ну, в общем, займет другую крутизну, которую можно купить за деньги и не испытывали бы особого внутреннего дискомфорта. У них обычно охотничья страсть просыпается во второй половине жизни, когда заработанные непосильным трудом деньги или появившаяся власть просят еще какого-то применения, кроме

непрерывного улучшения своего материального благополучия. Я анализировал, что же я испытываю к этим людям. Думаю, наверное, зависть. Не может ее не быть, если доля зависти в этом многослойном чувстве основная составляющая того, что я чувствую, а именно, ревности. Я их ревную к тому сложному явлению, что я понимаю под словом «охота». Они приходят в охоту сразу, в возрасте, с большими возможностями, данными им большими деньгами или большой властью, мало что о ней зная, их окружает антураж в виде элитного оружия, дорогой экипировки, тюнингovaných вездеходов. Прелюдии к охоте, предварительной подготовки в виде подстреленного в юности из корявой одностволки чирка или кулика, чтения старых разлезавшихся охотничьих журналов, одинокой ночевки у костра, долгой тоски по своему выстраданному ожиданием оружию у них нет. Без этого воспитания чувств и без трепетного отношения к охоте они зачастую ведут себя в природе как волки, добывают больше, чем им нужно, стреляют с вертолетов охраняемых животных, нарушают нормы, сроки, правила. И это непонимание сути и смысла охоты в основном не вина их, а беда. И у меня ревность — как если бы я был влюблен в девочку, лелеял ее, дивился благосклонности, а кто-то приехал из большого города, купил ей роскошное кольцо, сводил в дорогой ресторан и легко внес в список своих многочисленных побед и трофеев, даже не попробовав узнать, а что же у нее в душе-то. С этим приходится мириться, в такое время живем. В моих рассуждениях, как и в любом обобщении, есть натяжки, но в основном правда — ведь так?

Продолжаю. В общем, Бачев — типичный бескорыстный Охотник по духу. В свои 60 с небольшим он выглядит лет на 45, легок, худощав, не курит и не пьет, в любое время года

загоревший, всегда в ровном хорошем настроении. Ну, с последним все понятно — он не женат и никто не стоит между ним и его любимым занятием, и он всегда готов принять участие в любой охоте. Он и раньше, когда работал начальником пожарного караула, чаще был в лесу, чем на работе, а теперь, когда вышел на пенсию — тем более.

Рассказ свой Завдат начал классически: Было это лет 15 назад, в 90-е годы, когда социальный катаклизм, называемой перестройкой, приравненной к революциям и войнам, согласно охотоведческой науке, должен был способствовать размножению волка, что и произошло. Это сейчас у нас волка встретишь реже, чем тигра в Уссурийской тайге, а тогда он частенько захаживал в наш густонаселенный район, особенно со стороны Марийской республики и Кировской области и, пользуясь беспечностью растренированного в волчьем смысле сельского населения и традиционному малым числом охотников в татарских деревнях, собирал свой урожай. Настоящих волчатников к тому времени почти не осталось, за предыдущие годы застоя этой охотой заниматься нужды не было ввиду отсутствия объекта, и потерпевшие обращались ко мне, как охотоведу, с просьбой помочь. А я на помощь призывал безотказного Володю Бачева и учились мы методом проб и ошибок воплощать на практике свои теоретические знания об охоте на волка. Все это подпитывалось энтузиазмом, к которому хорошо подошло определение «голый» — времена сам знаешь какие были. Каждое такое обращение означало нелегкие дни, бессонные ночи, труд, расходы, но позвонят — все дела бросаешь, собираешься, оживление, подъем такой, как будто на праздник едешь. Что значит «Охота пуще неволи!»

На границе района в стороне от оживленных трасс есть деревушка Починок. Сейчас там и газ, и сотовая связь, а тогда дороги были непролазные, телефон один на всю деревню, в общем, 19 век. Охотников там нет и сейчас, лес рядом. И вот в этом колхозе забралась волка на ферму в загон к телятам. И ладно бы зимой, но на дворе лето, благодать, правда, с копытными в угодьях в те годы туговато было. Председатель по телефону звонит — чуть не плачет, урон серьезный, с десятком телят порезали. Из его рассказа я понял, что волки толком воспользоваться своей добычей не успели — их спугнул выбежавший на шум сторож и я решил, что они могут вернуться ночью. Мы с Бачевым быстро собрались, сели на мой УАЗ и поехали в Починок наводить порядок.

Старая ферма располагалась на отшибе от деревни, загон из жердей — одна видимость, чтобы только телята не разбежались, для волка это не препятствие. Оборудовали мы у загона с Бачевым засидки в кучах прошлогоднего сена и соломы, примерно как

при охоте на гусей, на расстоянии метров в 100 друг от друга на возможных путях подхода, предположив, что волки должны подойти скрытно, оврагами со стороны леса. Ближе к сумеркам сели в свои гнезда и начали ждать. Тепло, тихо, удобно, звездно, звуки сверчков и далекие голоса неутомимой молодежи — не верится, что вчера здесь волки пировали. По дороге мимо фермы в сторону соседней деревни прошли девушки и парни. Выпив термос крепкого чая, сижу свежий и бдительный. Летние ночи коротки, небо начало светлеть, молодежь пошла обратно, с танцев что ли или дискотеки, или куда они там ходят. Сначала проследовала парочка, через некоторое время прошли, громко разговаривая, парни, оставляя за собой табачный дым, который держался в предутреннем воздухе, не рассеиваясь. Я понял, что при такой обстановке волков уже сегодня не будет и прикрыл глаза, как показалось — на секунду. Открыв глаза, увидел подошедшего Володю и бодрым (знай наших!) голосом его окликнул: «Хорошо я замаскировался?» «Да, — отвечает Бачев, — так хорошо, что и волков не заметишь!» «Каких волков?» — Мое удивление и разочарование не описать. Как рассказал мой напарник, два матерых волка прошли мимо него по дороге сразу за ребятами, и он сначала принял их за собак — так они себя нахально вели, держась за людьми в нескольких десятках метров, да и окрас в утренних сумерках показался необычно светлым, почти белым. Пока опомнился, то да се — стрелять было далеко. Дойдя до моей засидки, они остановились на дороге напротив, минут 10 изучали запахи, недоуменно прислушивались, наклоняя головы на сторону, и даже присели ненадолго, как простые дворняги. Как предположил Бачев, они раньше храпа человеческого не слышали. Тоже мне шутник, я и не храплю почти. В общем, не получилось у нас тогда с охотой. Не знаю, что там подумали волки, но выводы сделали правильные — больше на ферме они не появлялись. А у меня осталось досадное чувство, будто купил лотерейный билет и потерял, а на него выигрыш выпал. Поверишь ли — проснусь ночью, вспомню и уснуть не могу. Так и мучился до осени, а в сентябре опять звонок. В той же местности, но в соседней деревне волки к свиноферме повадились ходить, падала подбирать и этим же занимающихся деревенских собачек таскать. Наши с Бачевым сборы недолги — мы всегда готовы. Я и сына с собой взял, чтобы в четыре глаза посмотреть и на этот раз волков не упустить. На месте осмотрелись, пути подхода волков определили, ориентиры и сектора обстрела наметили, чтобы ненароком друг друга ночью не зацепить. Володе Бачеву под водонапорной башней в зарослях полыни из стеблей бурьяна и сухих веток соорудили убежище, чтобы он видел сквозь них всё, а его на темном фоне башни

незаметно было. Теперь-то я прочитал в журнале, что такое укрытие у привады на хищников на земле в Африке «бома» называется, а на дереве «махан», но мы тогда до него своим умом дошли. И получилось не хуже, чем в Африке. Сам я с сыном на чердак фермы полез — у меня карабин, оттуда и обзор больше и видно дальше. Пристроился как снайпер у окошка. Сижу и хочется мне, чтобы эти те волки оказались, которых мы летом упустили. Ну, думал, теперь-то уже не уйдете. Но первая ночь прошла впустую. На другой день подыехали пораньше, засветло, перекусили в сторожке у охранника, сообщая «бому» подновили, Володя туда засел, сторож в сторожку пошел, а мы с сыном на чердак полезли. Переговариваемся во весь голос, какие тут волки, светло еще, я дверью хлопнул и в этот момент звучат два выстрела, смотрю — Бачев рукой машет. Мы кубарем с лестницы и бегом к нему. По волкам говорит, стрелял, как учили — сначала по заднему, затем по переднему. Мы только ушли и они появились. Выходит, они наблюдали за нами из кустов, ждали, когда люди уйдут, но не ушли, что один охотник в укрытии остался, не посчитали. Пошли мы в бурьян, куда волки скрылись. У ферм на навозе полынь и лопух в человеческий рост поднимается, вот мы в заросли и пошли осторожно, оружие наготове. Волк не кабан, конечно, вряд ли бросится, но береженого бог бережет. Метров 10 прошли, смотрим — лежит. Матерый лобастый волчина, светло-серый — почти белый — ну точно, тот самый, летний. И, знаешь, отпустило меня сразу, и азарт прошел. Как-то жалко его стало. Лежит он такой поджарый, мосластый кобелина, лапы натерты, на морде шрамы, одно ухо надорвано, видать, нелегкая жизнь, потрепало его, и погиб по-дурацки, среди свиного навоза. Но я эти мысли отбросил и мы пошли искать второго. Все обыскали, но не нашли. Не в этот день, ни на другой.

Жалко, не жалко, а шкуру снимать надо. Оттащили мы волчару к столбу под фонарь и в это время за деревней поднялся волчий вой. Не вдвоем они, значит были, а с выводком. Мороз по коже от этого воя — и злора в нем, и угроза, и жалоба. А каково было древним людям, вооруженным палками да камнями, если даже нам при ружьях в 20 веке не по себе?

Завдат задумался, глядя в огонь. «И кажется мне, — сказал он, — что волки нас, людей, переживут. На земле ни одного человека уже не будет, а они также по ночам уще будут». Помолчал, сгребая веткой угли догорающего костра. «А вообще-то, — заключил он свой рассказ, — волк — зверь осторожный и умный, но быстро наглеет, если на него управы нет. Как любил повторять в армии наш командир: «Безнаказанность порождает бандитизм». Кстати, универсальное правило, ко всем относится.

Борис Михайлович Житков и его увлечения Севером

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук

Всем охотникам старшего поколения и истинным любителям природы знакомо имя Бориса Михайловича Житкова (1872—1943), известного отечественного зоолога. Житков — один из инициаторов зарождения в стране охотоведения, как отрасли науки, популяризатор знаний о жизни леса и охотничье-промысловой фауны. Знают его ещё и как одного из зачинателей природоохранного движения в России. Наконец, его имя вот уже более 70 лет носит широко известный и у нас в стране, и за рубежом Всероссийский научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства в Кирове (ВНИИОЗ).

Свои первые шаги в науке Борис Михайлович начинал на Севере. Маршруты путешествий Житкова пролегли по Белому морю и полуострову Канину, в таёжной глуши Архангельской губернии, по о. Колгуеву и Новой Земле, с юга на север, а это до него ещё никто не сделал, он пересёк полуостров Ямал. В 1900—1920-х гг. Север интересовал его во всех проявлениях — этнография, экономика, перспективы освоения и транспортные коммуникации, ну, и, конечно, чисто профессиональные вопросы — зоология.

Много усилий прилагал Борис Михайлович, чтобы рассказать в доступной и популярной форме о географии и значении необъятных пространств тундры и арктических островов для будущего российского государства. В Житкове-исследователе одновременно «жили» два человека — с одной стороны, всесторонний популяризатор и пропагандист знаний о Севере, а, с другой, — учёный-практик, полевой исследователь, собиратель всевозмож-

ной информации о природе и населяющих тундры народах — инородцах и русских. Все свои научные и практические заключения и выводы Житков делал на основе глубоких и всесторонних знаний. Именно последнее обстоятельство, а также широчайший географический подход к осмыслению Севера и его богатств, принесли всероссийское признание Б.М. Житкову в России. Уже в начале 1910-х гг. его заметили ведущие отечественные учёные-энциклопедисты; они стали приглашать Житкова к участию в подготовке материалов для крупнейших географических изданий. Так, редактор грандиозного многотомника «Великая Россия», профессор Д.Н. Анучин привлёк его к участию. Очерк Житкова «Тундры», занявший в третьем томе (1912 г.) этого издания почти 150 страниц, стал первым в отечественной литературе обобщением всех ранее известных сведений о материковых тундрах и арктических островах, доступным и профессионалам, и просто любознательным читателям.

Уже в советское время Борис Михайлович, как знаток Севера, был многолетним консультантом и учёным-специалистом и участвовал в работе государственных структур (Плановая комиссия Центрального управления НКПС и Государственный колонизационный институт, Полярная комиссия при Академии наук, Комитет Севера, Международная полярная комиссия со штаб-квартирой в бельгийской столице), в 1920-х гг. занимавшихся вопросами освоения и заселения северных окраин страны. Недаром профессор Московского университета С.Г. Григорьев — один из известных в то время

Борис Михайлович Житков (1872—1943) — зоолог, охотовед, путешественник, литератор, исследователь Севера России

отечественных географов и североведов, не раз бывавший на Канине, писал, что «Б.М. Житков в настоящее время один из лучших наших знатоков Севера».

Б.М. Житков увлёкся Севером ещё в студенчестве. На втором курсе, в 1893 г., он впервые поехал на Соловецкую биологическую станцию. Первую же свою «взрослую» экспедицию по Северу Борис Михайлович совершил в компании с С.А. Бутурлиным. В 1900 г. они приняли приглашение Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этно-

Большое Сямгозеро — Архангельская губерния, Онежский уезд — изучал Б.М. Житков в 1901 г.

Полуостров Канин. В такой избушке останавливался Житков во время своего путешествия

графии отправиться в поездку на Новую Землю для сбора самых разнообразных сведений об этом, остающемся малоизвестном, архипелаге.

Находясь в Архангельске, в ожидании отправки на Новую Землю рейсового парохода Архангельско-Мурманского срочного пароходства Житков и Бутурлин оказались в «столице» Северного края и решили использовать представившуюся возможность и отправились знакомиться с природными особенностями таёжной части Архангельской губернии. В начале июля они побывали на островах устьева части и дельты Северной Двины, которыми богата эта могучая северная река. Настоящие натуралисты широкого профиля они собирали всё, что им казалось интересным, обращая особое внимание на себя. Путешественников особенно интересовала местная орнитофауна. Их наблюдения над птицами дельты Северной Двины — пожалуй первое исследование орнитофауны, выполненное высококлассными специалистами академического уровня. Для нас интересны несколько выводов, сделанных зоологами во время посещения этой части северодвинского бассейна. Во-первых, это — встречи путешественников с хищными птицами (скопой, другими), характеризующими низовья и устье Северной Двины как ещё мало освоенную, сохраняющую черты девственного леса, территорию. Во-вторых, Житкова и Бутурлина удивило крайне малое разнообразие куликов, одной из доминирующих на Севере и по числу видов, и по уровню развития популяций групп позвоночных животных.

Друзья-зоологи отправились 6 июля в Онежский уезд, на р. Емцу и оз. Большое Сямгозеро. Здесь они познакомились с бытом жителей деревни Савинской, которые занимались земледелием, скотоводством, рыболовством и охотничьими промыслами. Но самым интересным итогом этого маршрута стало первое подробное описание интересного природного объекта — периодически исчезающего озера —

Большого Сямгозера. Исследователями была составлена его подробная карта и обобщена вся информация о пульсирующем водоёме. Как оказалось, Бол. Сямгозеро, находящееся в бассейне р. Шелексы, принадлежит к обширному карстовому району Северного края. Распространённые здесь карстовые озера, подобные Бол. Сямгозеру, местное население издавна называло бездонными. Большинство таких озёр возникло в карстовых провалах, а их водный режим тесно связан с режимом подземных карстовых вод, с которыми они соединяются сложной сетью невидимых для нас водотоков.

Согласно исследованиям Б.М. Житкова и С.А. Бутурлина, вода из Бол. Сямгозера, как правило, уходит каждые 4—10 лет в конце февраля или в первую половину марта, при этом лёд с громким треском ломается, оседая на дно. Обычно за несколько дней до ухода воды из озера в окрестных деревнях сухими становились все родники и резко мелела р. Шелекса, оставляя без воды находящиеся на её берегах деревни Огарково, Выползово и Подвололье. Вместе с Бол. Сямгозером всегда мелели и лежащие по соседству другие карстовые озера — Бирючевское и Гагарье. Внезапные исчезновения воды и возврат её породили множество легенд. В одной из них уход воды из Бол. Сямгозера объяснялся тем, что хозяева его, водяные, торопясь в гости к соседям, неплотно прикрыли за собой дверь. В другой — тем, что хозяин озера проигрался в карты и вынужден был в уплату карточного долга отдать соседу водяному все свое добро — и рыбу, и воду. Ведь вода из карстовых озёр уходила по подземным трещинам-пороям обычно вместе с рыбой, но часть её оставалась в воронках-ямах на дне, и местное население черпало её оттуда ведрами, ловило руками. Возвращалась же вода из-под земли в Бол. Сямгозеро тоже вместе с рыбой, причём заполнение озёрной ванны, этого немалого по размерам водоёма, занимало не более двух дней. Во время возвращения

воды её уровень увеличивался со скоростью 0,7—1,4 м в час. Картина, по словам очевидцев, была завораживающей — из-под земли в жерле воронки бил фонтан с живой рыбой.

Совершив два маршрута по тайге Архангельской губернии, путешественники возвратились в Архангельск. 11 июля 1900 г. Житков и Бутурлин на пароходе «Владимир» отбыли на Новую Землю. Во время стоянки у о. Колгуева 13 июля они сошли на берег, где познакомились с жизнью островитян. По их сведениям, в то время на Колгуеве проживали только самоеды (ненцы), да в Бугрино, в местной церкви служил русский причт Архангельской епархии. Самоеды в количестве 70 человек (10 чумов) владели одной тысячей оленей и занимались в пастухи к русским, пустозёрским хозяевам. Они-то и были главными владельцами основного поголовья домашних оленей (4 тыс. голов) на острове, наезжая в свои уголья только в летний период. Местное самоедское население, помимо домашнего оленеводства, занималось морскими промыслами (добычей нерпы и морского зайца; ежегодно отстреливали по одному, два моржа и белого медведя), забором линных гусей, которых они засаливали в специальных ямах, а сверху закрывали, словно одеялом, слоем торфа.

Утром 16 июля Житков и Бутурлин сошли на берег Малокармакульского залива на западном побережье Южного о. Новой Земли. Путешественники побывали в становище Белушья Губа, на полуострове Гусиная Земля и побережье губы Поморской в западном устье пролива Маточкин Шар в гостях у Александра Алексеевича Борисова (1866—1934), первого художника Заполярья, часто жившего на Новой Земле у самоедов. На Новой Земле путешественники вели наблюдения над птицами, собирали всесторонний материал по естественной истории острова и этнографии поселенцев-самоедов. Из животных главное внимание они уделили гнездящимся и пролётным пти-

Стойбище ненцев-олeneводов на Ямале

На таких оленьих упряжках Б.М. Житков проехал по Ямалу не одну сотню километров

В южную часть Ямала, где много леса, на зиму откочевывают оленеводы

цам. Среди них исследователи обнаружили ряд редких видов, в частности, атлантического тупика, тем самым отметив новый участок ареала этой птицы. Результатом поездки стала их совместная статья «О птицах Новой Земли и о «птичьих базарах»» (1907), где впервые упоминается такой интереснейший и ныне известный природный феномен, как «птичьи базары».

Летом 1902 г., по поручению ИРГО, при организационной и финансовой поддержке председателя отделения физической географии профессора-геолога Ф.Н. Чернышева и совета Общества, Б.М. Житков отправился в новое путешествие на Север, на этот раз на полуостров Канин. Его спутниками были ассистент Зоологического музея Московского университета С.В. Покровский и орнитолог-любитель, член Смоленской губернской земской управы Г.Л. Граве.

В 1920-х гг. один из знатоков полуострова Канина, географ, профессор Московского университета С.Г. Григорьев, о путешествии Житкова писал, что Борис Михайлович «с самого начала поставил экспедиции одну из чисто географических задач — выяснить вопрос о водном пути Чича — Чеша, о котором имелось так много разнородных, часто противоречивых сведений». Изучить этот водный путь — старинный волок, которым несколько столетий назад пользовались отправившиеся на восток архангельские поморы в поисках новых пушных промыслов и первооткрыватели златокопьящей Мангазеи, стремились многие, а удалось это только Б.М. Житкову.

Канинская экспедиция Житкова длилась около полутора месяцев, причём собственно исследование полуострова заняло три недели, а остальное время было потрачено на обследование Зимнего берега Белого моря, плавание по морю и пребывание в Мезени.

Выйдя 1 июля (по старому стилю) на карбасе из Мезени, в ночь с 3 на 4 июля Житков со своими спутниками был уже в устье р. Чижы, откуда то на лодке, то пешком они двинулись вверх по её течению к оз. Парусному. Это озеро лежало на водоразделе Канина; стекающие с него на запад реки принадлежали бассейну Белого моря, а на восток — Баренцеву, куда, в Чёшскую губу, и стремились попасть Житков. Достигнув оз. Парусного и перетащив волоком лодку в соседнее оз. Мелкое, путешественникам пришлось немало потрудиться, чтобы найти исток реки, впадающей в Чёшскую губу. «По узкой и заросшей протоке шириной всего 60—90 см, чтобы далее протащить лодку, пришлось примерно 400 м скапывать берег топорами и заострёнными в лопаты вёслами. По этой «Морской виске» (протоке. — Н. Вехов) вышли ниже устья рек Чёши в Чёшскую губу». 10 июля Борис Михайлович со своими спутниками достиг устья р. Чёши и провёл тут днёвку в небольшой охотничьей избе, а 12 числа они двинулись обратно, продолжая искать остатки старого волока. 16 июля экспедиция возвратилась с восточного берега Канина в устье Чижы на западный берег полуострова.

17 июля экспедиция Житкова на карбасе вышла из устья Чижы и двинулась на юг, несколько дней проведя в море и обследуя знаменитые «Канинские кошки» — небольшие прибрежные острова, обрамляющие мелководья вдоль полуострова. В селение Мгла, расположенное в устье одноимённой реки и состоящее из 9 хозяйств, путешественники прибыли 25 июля. Отсюда они совершили маршрут в глубь южной части Канина, а затем возвратились в Мезень.

Центральным же событием периода жизни Б.М. Житкова, связанного с его увлечением Севером, стала поистине грандиозная экспедиция 1908 г. на

полуостров Ямал. Эта область тундры на севере Западной Сибири оставалась малоизвестной в начале века. Вместе с Б.М. Житковым в село Обдорск (ныне это г. Салехард) прибыли и члены экспедиции: капитан 17-го сапёрного батальона В.Н. Введенский в качестве топографа и ассистент Московского Сельскохозяйственного института Д.П. Филатов, занимавшийся сборами флоры и фауны. В помощь были наняты несколько инородцев-проводников.

Экспедиция 29 марта выехала из Обдорска к месту стоянки своего каравана — в местность Пореча по пути к устью Воксарки. Исследователям предстоял долгий, трудный, изнурительный путь по полуострову Ямал — сначала на север от устья р. Щучьей до р. Сё-яги (Зелёной) и группы озёр Ямбу-то и Ней-то, потом до пролива Малыгина и на о. Белый, обратно к устью р. Морды-яхи и через тундру к озёрам Ней-то. Большие озёра Ней-то и Ямбу-то — составная часть древнего торгового пути. Обратный путь экспедиции проходил от р. Мутной по бассейну р. Морды-яха до низовья р. Юрибей, оттуда к озёрам Ярро-то и далее до промысла Пуйко на Обской губе.

Из низовьев р. Щучьей выехал обоз из 60 грузовых нарт. Олений караван из 480 оленей вёз всё имущество — необходимый для научных изысканий инструментарий, провизию, а путешественники не хотели ни в чём себе отказывать и доставили с собой из Москвы рис, консервированные овощи и сливки, кофе, какао, шоколад, лимонный и клюквенный сок; помимо этого купили в Обдорске муку, крупу, ржаные сухари, сушку, печеный хлеб, кирпичный чай, сахар, масло, рыбий жир. Оленьим мясом, дичью и рыбой экспедиция обеспечивала себя по ходу путешествия. Обоз состоял из отдельных «анасов» (анас, или ар-гиш, — караван из нарт) по 6—8 нарт каждый.

Началось многомесячное странствие по тундрам полуострова, а, учитывая, что весь Ямал — это фактически лежащие на древних песках торфяники с обилием озёр, рек и ручьев, оказалось оно нелёгким, даже по современным меркам. Во время экспедиции Б.М. Житков изучал природу, собирал коллекции птиц и млекопитающих, гербаризировал местную флору, занимался гидрологическими работами. О сложности, не раз, и не два, возникших во время этого беспримерного в истории исследования Ямала путешествия и в поисках святынь ямальских самоедов, Житков писал: «29-го (апреля) дошли мы последними силами истощенных оленей до порядочных пастбищ. Западнее нас, по словам самоедов, лежало большое озеро. Но на вопросы о названии его, о положении верховьев Морды и озера Луце-хавы-то (в переводе «Озеро умерших русских») все отзывались незнанием. <...> После нескольких колебаний са-

самоеды сообщили нам, что озеро Луце-хавы-то считается одним из наиболее священных мест на Ямале. Самоеды просили нас убедительно не брать из него воды. На вопросы о том, что находится по западную сторону водораздела и далеко ли до верховьев Морды, самоеды отзывались незнанием. Я не настаивал, полагая, что все выяснится постепенно.

После полудня 2 мая поехали мы с В.Н. Введенским на озеро Ямбу-то. <...> Мы стояли на низком перешейке, почти обнаженном от снега, протяжением не более 100 сажень; небольшое круглое озеро лежало посредине его. Далее справа и слева уходили из глаз снежные равнины громадных озер. Крутые обрывы их берегов едва можно было различить вдали за туманной марой. Самоед показывал в обе стороны: «Вот это озеро Ямбу-то; река Сё-яга (Зеленая) течет из него прямо в губу. Летом на ней броды, в дожди перевезаем в лодках. Здесь озеро Ней-то, за ним еще два, но все связаны горлами. Из Ней-то течет река в Морды, зовется тоже Сё-яга (Мутная). Морды течет хупто-хупто (далеко) — до моря. Можно идти лодкой из моря в губу, только здесь тащить надо. Вот перед нами озеро Луце-хавы-то — оно маленькое, но глубокое. По нему не плаваем — святое озеро. Но когда здесь умерли русские, никто из самоедов не помнит. Вероятно, давно».

Известность этой экспедиции Б.М. Житкова принесли исследование и картирование фрагментов старинного волокового пути через Ямал в обход коварного пролива между о. Белым и материком. Этим путем пользовались идущие в Мангазею и возвращавшиеся оттуда в Архангельск купцы.

Экспедиция провела на севере весну и лето, однако сумела проехать на оленях вдоль всего Ямала по его сред-

ней части с юга на север, достичь самого северного мыса полуострова, по льду преодолеть пролив Малыгина и попасть на священный остров самоедов — Белый и побывать на его святилищах. По решению Совета Императорского Русского Географического Общества все собранные экспедицией коллекции были переданы Московскому университету и в Ботанический сад в Петербурге. К одной из главных заслуг экспедиции следует отнести топографическую съёмку (полуинструментальную нивелировку) древнего волока поперёк Ямала эпохи освоения златокопнящей Мангазеи. Возвращаясь с севера полуострова, Борис Михайлович даже прошёл часть этого древнего пути от западного побережья Ямала, из бассейна Баренцева моря, до водораздельных озёр, откуда начинаются реки бассейна Обской губы (Карского моря).

Экспедиции Б.М. Житкова удалось собрать и интересную информацию об охотничьих промыслах самоедов и проживающих в низовьях Оби русских. Их основным промысловым объектом в те времена, конечно, был песец. Зимой откочёвывающие на юг полуострова самоеды, где по долинам рек ещё рос лес, и оседло проживающие в Обдорске русские добывали волка, лисицу, горностая, белку и редко — росомаху. Пушные промыслы давали им хорошие заработки. Сюда, в Обдорск, на ежегодную зимнюю ярмарку со всей Тобольской губернии съезжались покупатели пушныни. Так, в 1908 — 1912 гг. на ярмарке продавали песцовые шкуры: с хвостом — 950 — 2000, без хвоста — от 4 до 5 тыс.; лапы песцовые — более 10 тыс. ежегодно; до 500 шкур лисиц; по 1 — 2 тыс. — горностаев; до 14 — 15 тыс. шкур белки. Небезынтересна и цена на пушнину. Так, самыми дорогими ока-

зывались шкуры белых медведей; они ценились по 90 руб. Но это был товар штучный, ведь ежегодно его добывали всего по несколько особей, и редко по 30 и более. Высококачественные песцовые шкуры ценились по 8—16 руб., горностая — по 2—3,3 руб. Самый многочисленный промысловый объект — белки, уходили по 34—40 копеек.

Следующее десятилетие Б.М. Житков посвятил популяризации знаний о Севере. С 1920-х гг. к этой работе прибавилась и административная, и в некотором роде чиновничья, которая требовалась при участии в разного рода «комиссиях» и «советах» по многим вопросам освоения Севера и Сибири. Этой работе Борис Михайлович придавал не меньшее значение, чем «чистой, академической науке», о чём сам говорил: «Изучением последнего (Севера. — **Н. Вехов**) и содействием его развитию я занимался ряд лет и теперь находясь в курсе этого важного для будущности Сибири дела благодаря дружеской любезности руководителей Комитета Северного морского пути».

В библиографии работ Б.М. Житкова в период его увлечения Севером для охотников, охотоведов и специалистов по оленеводству даже в XXI в. интерес представляет ныне мало известная брошюра «Северный олень в неволе» (1928), в которой Борис Михайлович не только в популярной форме рассказывал о домашнем оленеводстве, но и о последних на то время научных достижениях в этой области традиционного хозяйства у жителей севера Евразии и Америки, полученных на Аляске (США). Оказалось, что в 1920-х гг. в СССР (России) ещё и в помине не было такой отрасли сельского хозяйства, как домашнее оленеводство, а на Аляске уже вовсю шли исследования по содержанию оленей в неволе. Согласно информации Бориса Михайловича, стадо домашних оленей на Аляске появилось только в 1890-х гг., когда с Чукотского полуострова в течение чуть более 10 лет завезли около 1300 диких оленей. Они-то и дали начало аляскинскому поголовью домашних оленей, которое к началу 1920-х гг. достигло 200 тыс. голов, не считая 100 тыс. забитых на шкуры и мясо в прежние годы животных. Общее поголовье одомашненных животных быстро сделало эту отрасль хозяйства на Аляске прибыльной. Пригодился американцам и российский опыт пастушества: ведь пастухами оленьих стад на первых порах они брали чукчей и лопарей, специально привезённых с Чукотки и из Лапландии. Помимо этого, вызывает уважение и опыт государственного подхода к проблеме развития домашнего оленеводства; аляскинская администрация открыла в штате несколько «туземных школ» для обучения эскимосов, алеутов и чукчей азам «олeneводческой науки» на полуострове, тем самым поставив обучение пастухов «на поток».

Лисица — один из традиционных охотничьих объектов русского населения и самоедов на Ямале

Охоты с гончими в Карелии

С. ЖУКОВ, г. Петрозаводск, Карелия

В очередной раз оказались мы с другом в преддверии осени без собачки. По разным причинам, о которых, по правде говоря, и вспоминать не хочется, настолько режет все это по сердцу. Но ничего не поделаешь, надо как-то жить дальше.

Как правило, ближе к осени найти щенка довольно трудно, т.к. вязки в основном планируются на зиму или в крайнем случае на раннюю весну, чтобы уже в ближайшую осень можно было брать молодую гончую в лес. Да и расти такой щенок будет в более благоприятных условиях.

Помыкались, помыкались в разные стороны, но ничего путного не выходило. И тут вдруг выясняется, что принятый на работу шофер, возивший моего друга, держит породную выжловку четырех осеней. И вообще парень оказался довольно интересной личностью. Родом он был из старинного карельского села Кончозеро, что в полусотне километров от Петрозаводска. В селе сохранились остатки петровского железодельного завода, а недалеко расположился известный курорт Марциальные Воды, также, кстати, основанный Петром Первым. В семье все мужчины по традиции занимались охотой. Не мудрено, что и наш герой с малых лет пристрастился к этому мало доходному занятию. Охотником он был, что называется, от Бога. Прекрасно знал зверя, птицу. А его способность ориентироваться поражала. Бывало после нескольких часов хождения по незнакомым местам спрашиваешь: «Ну, что Володя? Где у нас север, где дорога?» Покрутит он головой, повернется и раскинет руки: правая — на север, левая — на юг (речь, конечно, идет о пасмурной погоде). Проверим по компасу. Точно! Сам он компасом не пользовался. Случались пару раз и конфузы: ошибался он на 180 градусов и именно на 180, т.е. магнитные линии как бы все равно ощущал правильно. Удивляли не только его «лесные» таланты, но и то, что держал он именно гончих. В карельских деревнях рябки да зайчишки считалось делом не серьезным. Каждый мало-мальски уважающий себя сельский охотник норовил завести лайку, а то и пару, не всегда, правда, породных. Занятно было наблюдать как наш Володя торопит осень. Где-то к концу августа, проезжая по лесной дороге, он увещевал листья на деревьях: «Падай! Падай!» На календаре он отмечал сколько осталось до открытия охоты, и моментально зачеркивал очередной месяц, как только наступало первое число, бормоча: «Ну, этот уже прошел!»

Когда новый шофер осознал, что шеф его охотник и не просто охотник, а гон-

Русская гончая

чатник, радости не было предела. Надо ли говорить, что приглашение на охоту мы получили в тот же миг, как только поведали нашу печальную историю с собаками. До открытия сезона оставалось около двух месяцев, и мы начали планомерно подыскивать место для отъезжего поля. Никто еще не был обременен дачами, а вокруг была масса брошенных деревьев. Вот мы и искали место, где можно было бы хорошо охотиться и иметь какую-то крышу над головой. Надо сказать, что за несколько лет этих поисков мы посетили и какое-то время поохотились в таких замечательных уголках Карелии, где вряд ли когда побывали, если бы не тотальное увлечение охотой.

А в самом начале наших поисков после нескольких ночевков в брошенных леспромхозовских поселках, места под которые выбирались не по душе, а по экономическим соображениям (в центре лесопользования), мы нашли такую красоту, что у нас не осталось сомнений, куда податься осенью.

Представьте себе, что после однообразной езды по лесной дороге, вам вдруг открывается великолепный вид: средней величины озеро с островком посередине, на котором изыскающая часоушка; вокруг по холмам поля с признаками исчезнувших хуторов, вытекающая из озера река... Называется эта красота Палоярви.

Прибрежная полоса озера усыпана

клюквой, а в озере (это очень странно!) водится только щука. А вот в речке, вытекающей из озера, в наличии обычная карельская рыба: окунь, плотва, ерш и т. п. И вот настал долгожданный день открытия охоты на зайцев, и мы отправились в облюбованное место.

Надо сказать, что на первых порах гончая нашего благодетеля нас не очень вдохновила. Нет, она гоняла, зайцев мы брали, голос имела очень приятный, такой двутонный альт приятной силы, но сколы зачастую не правила. При этом иногда показывала феноменальное чутье.

Вспоминая такой эпизод: стою на мысочке, вдающемся в болото, залитое водой; по болоту прилетает заяц, брызгая и чавкая по воде, а следом через минуту полными ногами и полным голосом Динка (такая вот не гончатная кличка была у этой русской выжловки). Казалось бы, при таком чутье не должна она терять зверя. Ан нет, чего-то ей не хватало по чернотропу.

Вот уже позади отпуск, и мы охотимся только по выходным. Когда выпал первый снежок, наш владелец очень оживился: «Теперь все зайцы наши!» И оказался прав. По снегу, причем по любому, Динка гоняла, что называется, до убоя. Я до сих пор не могу объяснить этот феномен, но факт остается фактом. Предположение, что пользовалась зрением, сразу отпадает, т.к. за

Смычок русских гончих

многочасовой гон зайца десятки раз проходит своим следом и тут без чутья не обойтись. Она могла держать зайца сколько угодно. Бывали случаи, когда в середине дня мы сходились, перекусывали и разрабатывали тактику, как перехватить зимнего зайца. А она все гоняла. И это продолжалось вплоть до закрытия охоты (тогда — 15 марта).

В последующие годы мы продолжали поиски жилья в охотничьих угодьях. В очередной раз наши усилия увенчались успехом, сравнимым с Палоярви. Как-то попадаем в брошенную деревню и полное впечатление, что вчера здесь жили люди: горит электричество, целы бани, куча совершенно жилых изб. Даже в избе бывшей почты работает телефон. Поднимаешь

трубку и слышишь: «Алло, Пряжа слушает!» И какое-то нездешнее название деревни — Варлов Лес! Недавно один охотник подарил мне репродукцию картины, изображающую эту деревню. Ее автор В. Горбатов, на мой взгляд, очень хороший художник, иллюстратор, в частности, книг известного карельского писателя В. Потиевского. Поселились мы здесь с полным комфортом: изба о двух комнатах с русской печкой и с нижним помещением для собак, с банькой на рутье.

К тому времени, памятью таланты Динки, завел я от нее выжлачка. Оказался полной бездарью. Он прекрасно поднимал, даже быстрее матери, но гнал до первого скола. Затем являлся с очень довольным видом: «Ну, как я его?!» Мы пытались отгонять его, ина-

че он мешал охотиться. Тогда он принял другую тактику: устраивался где-нибудь под елкой так, чтобы видеть нас, оставаясь незамеченным. К вечеру, по возвращении с охоты, мы наблюдали такую картину: отработавшая в полную силу, уставшая, еле плетущаяся Динка, и прекрасно проведенный выходной, веселый, бодрый Бушуй. Пришлось от выжлаца избавляться.

Позднее прочитал работу известного российского кинолога Р.И. Шияна, исследование по русской гончей, где он очень убедительно показывает, что современная русская гончая еще относительно молодая, неустоявшаяся порода, основное формирование которой приходится на послевоенные годы. Отсюда и эти выбросы: вяжешь прекрасных работников и частенько получаешь бездарей. С островными да и с континентальными легавыми практически такого не бывает, ведь породам несколько веков.

А судьба нашей незабвенной Динки печальна. Понятно, что мы ее боготворили, но наш строптивый владелец имел свое представление по поводу жизни этого прекрасного животного. Он почему-то считал, что каждая пустовка должна заканчиваться вязкой. Ну, дескать, «естество жизни требует его удовлетворения». Так бедная Динка и околела при очередном щенении, поскольку в зимних условиях у нее были отморозены соски.

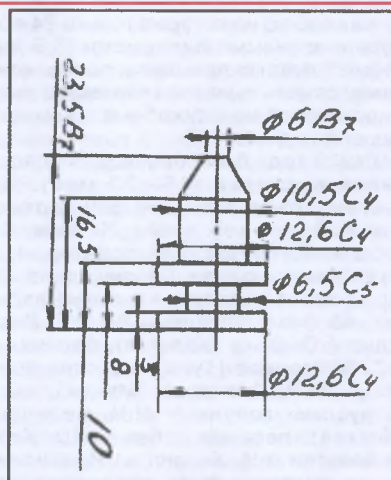
После Палоярви и Варлова Леса находили мы и другие прекрасные места, но в конце концов осел я в деревне Сыссойла, где приобрел дом у местного карела. И понял, что всему свое время. Молодому мне казалось: зачем иметь дом, дачу, зачем привязывать себя к одному месту? То ли дело, сегодня — здесь, завтра — там, в общем, едешь, куда хочешь. А оказалось, что оседлость не такая уж худая вещь. Вот уже более полувека охочусь я веснами и осенями в окрестностях моей деревни. Есть своя прелесть в том, что в радиусе многих километров знаешь каждую тропку, каждый кряж, бугор, каждое болото, каждую ламбу.

От читателя из Новосибирской области В.Н. Селенгина пришло письмо, в котором он просит рассказать о свинцовых пулях для парадокса «Олень» конструкции инженера В.И. Бабкина и нашего автора И. Гильманова. К сожалению, подробного описания конструкции пули и пулелейки И. Гильманова редакция не имеет, а чертёж и параметры пули Бабкина мы приводим ниже.

Пуля была поставлена на производство в 1974 г.

Состав материала пули: свинец 85%, сурьма 10%, олово 5%.

Диаметр канала ствола парадокса «Олень» 32 калибра в нарезной части: по нарезу — 13 мм, по полям — 12,66 мм.

Внешние параметры пули: диаметр — 12,6 (—0,12) мм
длина — 23,5 мм
масса — 18,65—19,0 г

Отстрел проводился патроном, собранным на стандартной гильзе 32 калибра с навеской пороха «Сокол» 0,9 г, капсюлем ЦБО-Н. Наибольшее зафиксированное давление при выстреле 76кгс/кв.см, максимальная фактическая полученная скорость пули — 32 м/с, максимальная начальная энергия — 1100 Дж. Данный патрон на дистанции 50 м давал разброс примерно 20 см. Думаю, что гораздо лучшие результаты можно получить, используя порох «Сунар 410».

А. БЛЮМ

Охотничье собаководство: события, даты, люди

Валерий БЕДЕЛЬ

Уходят годы. С течением времени из памяти исчезают многие, когда-то широко известные события, вызывавшие споры, дискуссии, диспуты. Забываются люди, много сделавшие на том или ином поприще, определившие на много лет вперед судьбы тех или иных начинаний.

Московское городское общество охотников и рыболовов в 2011 году выпустило содержательный сборник «Охотничья Россия». Цель его — сохранить в памяти людей имена тех, кто на протяжении более двух веков внес какой-то вклад в развитие охотничьего хозяйства нашей страны, в пропаганду и популяризацию охоты, в совершенствование охотничьего собаководства. В сборник вошли краткие биографии ученых-биологов, зоотехников, охотоведов, деятелей культуры, егерей и просто охотников. Много в нем имен и известных кинологов, но, к сожалению, многие из них в сборнике не упомянуты. Почему? Да просто потому, что о них не осталось практически никаких биографических сведений. Наши современники знают фамилии этих кинологов, знают их дела, но не знают ничего о событиях их жизни.

Борзятники слышали о Н.М. Реутте, Г.Д. Розене, И.С. Бровцыне, лаечники знают и уважают первого председателя секции лаек в Москве С.Н. Боголюбского и сменившего его И.И. Вахрушева, любители легавых помнят С.В. Пенского, Я.К. Орлова, Р.Ф. Гернграсса, Б.В. Павлинова, А.В. Платонова, В.П. Рождественского, гончатники не забывают М.И. Алексеева, братьев Л.В. и Р.В. Живаго, Г.Т. Барышникова, В.Ф. Хлебникова, И.Н. Камынина, Ю.А. Неймана, Б.В. Дмитриева. Но никого из них в упомянутой книге не найдут. И вины составителей в этом нет, виновата наша память и пробелы в наших знаниях прошлого.

Вот в 2012 году состоялась 11-я Всероссийская выставка охотничьих собак. Как выяснилось, многие не помнят истории этих выставок, не помнят, когда была первая и большинство промежуточных, не знают их результатов. Вот об этом мне и хотелось бы рассказать.

Итак, первая всероссийская выставка проводилась в Москве 27—30 ноября 1925 года. Подробности ее мне неизвестны, знаю лишь, что лаек в количестве 17 голов судил А.А. Ширинский-Шихматов. Это было его последнее крупное судейство: в 1927 году он скончался. Известен также отзыв старого гончатника И.Н. Камынина о

гончих на этой выставке: ни одна из них не соответствовала его идеалу.

Сразу же после выставки, в начале декабря, собаководы-охотники собрались на свой первый послереволюционный съезд. В нем участвовало 87 кинологов, делегированных разными охотничьими объединениями; ряд кинологов получил персональное приглашение от организатора — Всекохотсоюза. Среди известных собаководов, участников съезда, были Алексеев, Бармасов, Бровцын, Востряков, Гернграсс, Мамонтов, Новиков, Орлов, Пегов, Павлинов, Пахомов, Пупышев, Челищев, Чумаков, Хлебников, Ясунинский и др. Съезд принял единые для всей страны правила выставок и полевых испытаний собак, а также первые отечественные стандарты ряда пород. В частности, по предложению А.П. Бармасова и Н.К. Верещагина были утверждены описания призраков зырянских, карельских, вогульских, остяцких, вотских и самоедских лаек. Это было крайне важно, так как ранее единых нормативных документов ни на какие породы не существовало.

Вторая всероссийская выставка охотничьих и других собак прошла 14—17 мая 1927 года. Провели ее в московском саду «Аквариум». И.С. Бровцын судил борзых (25 собак), М.И. Алексеев — гончих (48), А.О. Эмке — лаек (5), швед Г. Лундберг — пойнтеров (121), П.Ф. Пупышев — английских сеттеров (88), А.Я. Пегов — ирландцев (80), М.Д. Менделеева-Кузьмина — курцхааров (15), Б.М. Лазарев — гордонов (41), Э.Э. Борель — фокстерьеров (7), Г.А. Генингсон — такс (5). Всего было показано 435 охотничьих собак, из которых только 24 обладали полевыми дипломами (5,5 %). Кроме низкого процента полевикумов, можно отметить малое количество лаек и норных собак. Служебных и комнатных собак было 350.

В 1928 году была проведена всесоюзная выставка (18—20 мая). На выставку было записано 599 охотничьих собак, в том числе 20 лаек, 37 борзых, 70 гончих, 141 пойнтер, 156 английских сеттеров, 69 ирландцев, 39 гордонов, 44 континентальных легавых, 15 фокстерьеров и 8 такс. Лаяк судил А.О. Эмке (Харьков), борзых — В.С. Мамонтов (Тула), русских гончих — М.И. Алексеев (Минск), англо-русских гончих — Н.Н. Челищев (Москва), легавых собак — Ш. Хюй из Бельгии и И. Хислип из Ирландии. После выставки было проведено ки-

М.Д. Менделеева-Кузьмина на испытаниях легавых собак

нологическое совещание, избравшее президиум Всесоюзного кинологического совета.

Третья всероссийская выставка состоялась 31 мая — 3 июня 1929 года. Борзых (32 собаки) на ней судил Н.Н. Челищев, русских гончих (29) — М.И. Алексеев, англо-русских гончих (20) — Н.П. Пахомов, лаек (13) — А.О. Эмке и А.М. Сарафанов, пойнтеров (53) — П.А. Шестаков, английских сеттеров (59) и спаниелей (2) — С.П. Миклашевский, ирландских сеттеров (70) — А.Я. Пегов, континентальных легавых (12) — М.Д. Менделеева-Кузьмина, гордонов (29), фокстерьеров (17) и такс (3) — Б.В. Ясунинский. На 339 записанных собак было всего 24 полевики. Лаяк все еще мало, полевикумов — 7%.

Следующая всероссийская выставка состоялась более чем 30 лет спустя, но в этом промежутке времени в кинологии произошло довольно много важных событий. Это проведенная в Москве в 1934 году еще одна всесоюзная выставка, это принятое в том же году решение о продолжении записи собак в РК МОО, с переименованием ее во ВРКС, это переход в 1934 году различных профсоюзных охотничьих коллективов под руководство Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта, это всесоюзные состязания легавых и гончих в 1938 году и др.

Однако самым важным событием стал второй представительный форум кинологов — Всесоюзное кинологиче-

ское совещание, проведенное в ноябре 1939 года по инициативе Всесоюзного комитета по делам физкультуры и спорта. В работе совещания приняли участие, наряду с корифеями-кинологами В.С. Мамонтовым, Н.П. Пахомовым, П.Ф. Пупышевым, А.А. Чумаковым, новые, уже хорошо известные собаководам люди: Н.В. Анисов, И.И. Вахрушев, Б.В. Дмитриев, А.Н. Ежов, В.И. Казанский, Б.А. Калачев, Е.Э. Клейн, А.В. Федосов, П.М. Юдкин и др. На совещании были пересмотрены и утверждены правила выставок, разработаны или переработаны правила полевых испытаний и стандарты всех пород охотничьих собак, разводимых в СССР, приняты инструкции по ведению родословных книг. В этом же году была создана всесоюзная квалификационная комиссия по собаководству, и впервые были присвоены кинологам звания экспертов всесоюзной, республиканской, первой и второй категории.

Особо следует остановиться на следующем. Стандарты лаек, утвержденные в 1925 г., стандартами по сути не являлись: это были краткие описания признаков аборигенных отродий. Судили всех лаек в одном ринге, а при записи отмечали только окрас, тип или место, откуда собака вывезена. На совещании 1939 года были разработаны пять полноценных стандартов лаек, из которых утвердили четыре: лаек карельского типа, типа коми (зырянского), мансийского (вогульского) типа и хантейского (остяцкого) типа. Стандарт лаек карело-финского типа был разработан, но временно не утвержден. Вся работа по созданию этих стандартов проходила под руководством И.И. Вахрушева.

В 1941 году началась Великая Отечественная война. В том году XI Московская выставка охотничьих собак была проведена еще до начала войны — 17 — 19 мая. Судили на ней В.С. Мамонтов, Н.П. Пахомов, Е.Э. Клейн, А.Н. Ежов, П.М. Юдкин, А.В. Федосов и др. Было записано 415 собак, а также 7 смывков и две стаи гончих. Преобладали английские сеттеры (82), ирландские сеттеры (62), пойнтеры (61), русские гончие (54), курцхаары (37). Мало было борзых (5), дратхааров (5), такс (9).

Удивительное впечатление производит каталог XII Московской выставки 1942 года. Немцы недалеко от столицы, еще не было ни Сталинградской, ни Курской битв, но каталог выставки, запланированной на 19 июля, издается и в нем объявляется задача выставки: «Выявление лучшего породного материала для сохранения его в целях будущей селекционной работы». Судить выставку должны были Федосов, Казанский, Чумаков, Пупышев, Клейн. Собак записано немного — 165.

В 1947 году Главохота РСФСР, образованная в годы войны и в ведение которой перешло отечественное охотничье собаководство, собрала очередное

Эксперты П.А. Яровицкий (слева) и Н.В. Пупышев

масштабное кинологическое совещание. На нем было рассмотрено много вопросов. Так, в очередной раз изменили правила выставок и полевых испытаний, приняли решения о формировании четырех заводских пород лаек и ряда пород борзых, о создании на основе имевшихся ранее и ввезенных после войны спаниелей разных пород одной породы отечественного спаниеля, о поглотительном разведении трех пород континентальных легавых — короткошерстных, жесткошерстных и длинношерстных, о новых правилах записи во ВРКОС.

Особо нужно остановиться на лайках. Выяснилось, что принятые в 1939 году стандарты лаек все же не способствовали разделению поголовья на породы, всех их продолжали судить в одном ринге и производить вязки собак без учета стандартов. Выяснилось, что использование этих стандартов не приведет к созданию заводских пород. Выяснилось также, что стандартизированных в 1939 году карельских лаек практически не осталось.

Научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО) Э.И. Шерешевский выступил на совещании с докладом о необходимости утверждения новых стандартов пород лаек — русско-европейской, западносибирской, карело-финской и восточносибирской, стандартов, дающих задание на племенную работу, а не просто описывающих экстерьер аборигенных отродий. На совещании было принято соответствующее решение. И все же до начала середины 1950-х гг. лаек судили в одном ринге, а Главохота, ведавшая записью собак во ВРКОС, вплоть до 1966 г. всех лаек вносила в общий список без указания пород. Кстати, карело-финская лайка носила это название буквально до последнего времени, хотя, если уж действовать

последовательно, ее нужно было бы переименовать еще в 1956 г., когда Карело-Финскую ССР, территория которой была родиной породы, переименовали в Карельскую АССР.

Приходится отмечать, что решение Главохоты 1947 г. вызвало ожесточенную критику, продолжавшуюся несколько лет, но создатель стандартов 1939 года И.И. Вахрушев не мог выступить в их защиту, так как в 1947 году перенес тяжелый инсульт с параличом и вскоре скончался.

Сильную критику вызвали и измененные правила выставок. В основном это было обусловлено тем, что вместо трех выставочных классов, по которым проводили в 1930—1940-е годы экспертизу собак (открытый, младшего возраста и полевых победителей), было разработано десять, причем некоторые классы делились еще на группы, так что всего групп оказалось около двадцати, что, во-первых, было никак зоотехнически не обосновано, а во-вторых, создавало массу путаницы как при записи собак, так и при экспертизе.

В 1951 году Главохота утвердила новые правила выставок, которые принципиально отличались от всех предыдущих: была введена комплексная оценка собак (бонитировка) и экспертиза собак в трех возрастных группах. Введение бонитировки с награждением собак на выставке только по комплексным показателям стало мощным стимулом к полевой проверке собак. Внедрена бонитировка по РСФСР была с 1952 г., а в союзном масштабе — с 1955-го.

Наряду с этими, безусловно, положительными решениями, были приняты и такие, которые вызвали негативную реакцию кинологической общественности. Речь идет, во-первых, о недопуске на выставки собак сред-

Э. И. Шерешевский — старший научный сотрудник Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла (ВНИО)

В. Казанский — эксперт всесоюзной категории по гончим и борзым собакам

ней и старшей возрастных групп, не имевших полевых дипломов (что значительно снизило зрелищность выставок), а во-вторых, о переименовании ряда пород. С этого года сеттера стали называться крапчатыми, красными и черно-подпалыми, а англо-русская гончая — русской пегой.

Чем руководствовались при переименовании пород? Обосновывая такое решение, вот что писал тогда эксперт республиканской категории Н.И. Волков: «Многие, некогда вывезенные из-за границы породы легавых собак к настоящему времени в наших условиях в значительной степени обособились от исходного материала. Улучшились их экстерьерные и охотничьи качества». С ним согласен Б.В. Павлинов: «Наши современные крапчатые сеттеры в значительной степени отличаются как по внешним, так и по внутренним свойствам от своих предков, вывезенных из-за границы». О гончих пишет В.И. Казанский: «Русская пегая гончая создана в советское время из англо-русской гончей, бывшей по сути дела помесью». То есть было признано, что «англо-русская» — это название для помеси, а не для заводской породы.

В 1954 г. в Министерстве сельского хозяйства СССР было создано Главное управление по заповедникам и охотничьему хозяйству («Главприрода»). Возглавлял его Александр Васильевич Малиновский, который позже станет организатором и первым главным редактором журнала «Охота и охотничье хозяйство». Этому человеку охотничье собаководство обязано

очень многим. Одним из первых решений образованного главка было решение о создании при Главприроде кинологического совета и о созыве всесоюзного кинологического совещания, которое и было созвано в конце этого года. Также было принято постановление о создании Всесоюзного кинологического совета и Всесоюзной квалификационной комиссии. Председателем кинологического совета стал А.В. Малиновский. Собравшиеся на совещание отменили недопуск бездипломных собак на выставки, пересмотрели правила полевых испытаний собак, приняли положение о экспертах и судьях по собаководству и положение о племенной документации. В 1955 г. все эти предложения были введены в действие приказом по Главприроде.

В 1959 г., на основании предложения Всесоюзного кинологического совета, А.В. Малиновский своим приказом внес изменения в правила выставок и полевых испытаний, а также в названия сеттеров. Названия, предложенные Главохотой, стали писать в скобках, например: английский (крапчатый) сеттер. Это решение в немалой степени было вызвано тем, что в стране с 1951 г. появилось два названия у сеттеров, так как решение Главохоты фактически распространялось только на РСФСР, в других же республиках названия остались прежние.

В 1960 г. на ВДНХ состоялась всероссийская выставка собак, организованная созданным в 1958 г. Росохотсоюзом. Очередного (четвертого) номера ей не присвоили, поскольку она отличалась от трех предыдущих тем, что проводилась совместно с выставкой оружия, охотничьего и рыболовного снаряжения. Охотники показали 1054 собаки, в том числе 42 борзых, 172 лайки, 252 гончие, 97 норных, 400 легавых и 91 спаниеля.

Следующая всероссийская выставка проводилась в Измайловском парке Москвы в 1972 г. Ей было решено присвоить пятый порядковый номер. На рингах было показано 1456 собак, в том числе 76 борзых, 365 лаек, 330 гончих, 176 норных, 418 легавых и 91 спаниеля. Вообще в это время в системе Росохотрыболовсоюза на учете состояло 112 179 собак, из них 2470 борзых, 45111 лаек, 40449 гончих, 13537 легавых, 4007 спаниелей и 1646 норных.

Шестую выставку Росохотрыболовсоюз организовал в 1987 г. на территории стрельбища ДОСААФ в подмосковных Мытищах. Борзых было выставлено 145, лаек — 713, гончих — 287, норных — 525, легавых — 445, спаниелей — 202. Представляется интересным сравнить показатели IV

(1960 г.), V (1972 г.) и VI (1987 г.) выставок.

Количество показанных собак — 1054, 1456 и 2317.

Из них классных — 703 (67%), 1118 (77%) и 1935 (84%).

Собака класса элита — 90, 294 и 527.

Собака, получивших оценку «отлично» — 199, 572 и 964.

Из этих цифр видно, как вырос экстерьерный и полевой уровень собак за четверть века благодаря введению комплексной оценки. Особенно бросается в глаза рост числа полевиков — с 5,5 % в 1927 до 67% в 1960 и 84% в 1987 году!

Следующие всероссийские выставки проводились в 1992 г. в С.-Петербурге (VII), в 1997 г. в подмосковном Королеве (VIII), в 2002 г. Тамбове (IX), в 2007 г. в Твери (X) и, наконец, в 2012 г. в Тульской обл. (XI). Говорить о них подробно уже не имеет смысла, так как многие читатели сами были их участниками. Можно только отметить, что количество показанных на них собак становилось все меньше и меньше. Да и количество классных собак уменьшается. Так, на X Юбилейную выставку 2007 г. было записано (по каталогу) только 76% полевиков, то есть на уровне 1972 года.

Чем это можно объяснить? Причин несколько. Во-первых, это отток ряда владельцев охотничьих собак в декоративные клубы. Во-вторых, сложные взаимоотношения между некоторыми кинологическими объединениями. Наконец, в-третьих, и это особенно касается гончих и лаек, трудности охоты в современных условиях. К тому же многим становится не по карману держать собак. Так что оптимистических прогнозов относительно будущего охотничьих собак у нас в стране делать, видимо, не следует.

Мало того, к растущей декоративизации охотничьих собак добавляется и утрата типа, наиболее пригодного для охоты в российских условиях, что объясняется безудержным завозом собак из-за границы. Мне довелось проводить экспертизу шотландских сеттеров на X Юбилейной всероссийской выставке в Твери, и я констатировал, что тип этой породы, сложившийся в России в XX веке, наиболее подходящий к нашим природным условиям и практике охоты, утрачивается. Так, появилось много собак с заметными отклонениями типа конституции как в сторону сырости, так и в сторону сухости, среди сук появилось много квадратных собак, отменены собаки с низким поставом шеи, с нетипичными движениями и т.д. Все это заставляет еще раз очень серьезно задуматься о будущем.

**Дорогие читатели, друзья!
подписывайтесь на журнал
«Охота и охотничье хозяйство»**

Наш подписной индекс 70673 по каталогу Агентства «Роспечать»

Петр Константинович Храмов

Здравствуйтесь, дорогая редакция! Пишет вам сын охотника. Мой папа, Храмов Пётр Константинович, начал ходить на охоту со старшим братом Алексеем в 1966 году, когда ему было 12 лет. В 1972 году, когда ему исполнилось 18 лет, он вступил в общество охотников и рыболовов и с этого же года начал выписывать журнал «Охота и охотничье хозяйство». Вот уже 42 года журнал является обязательным атрибутом нашей семьи.

С 1979 г. он держит западносибирских лаек своей линии. Когда я был маленьким, всегда с нетерпением ждал папу с охоты. Что он добыл сегодня — рысь, куницу, зайца или какую птицу? За 42 года охотничьего стажа отец добыл столько дичи, что ему самому уже и не вспомнить.

У отца много друзей-охотников. Раньше приезжали бригады охотников-волчатников из Нижнего Новгорода, и у нас во всех комнатах на полу спали охотники, а на кухне и в прихожей было не пройти из-за рюкзаков и оружия.

Папа активный член общества охотников. Он является нештатным егерем, а также участвует в строительстве подкормочных площадок, солонцов, они засевают поля, занимаются охраной охотничьих угодий.

Я хочу пожелать отцу здоровья и счастья!

ХРАМОВ К.П.
Нижегородская обл.

Здравствуйтесь, дорогая редакция, я хочу в своем письме рассказать об отце, которому недавно исполнилось

55 лет. То, что я пишу именно в ваш журнал, конечно, не случайно, папа выписывает его 30 лет подряд, ежегодно без пропусков. Он у него как настольная книга и путеводитель по жизни.

Мой отец, Шевалдов Анатолий Алексеевич, человек большой души, всю свою жизнь он посвятил служению матушке Природе. Сначала работал лесником, потом егерем. Эта работа стала его смыслом жизни. Всю жизнь он заботился о лесе и живности, которая его населяет. Он знает буквально каждую тропинку и, наверно, лоси и кабаны, лисы и зайцы его тоже узнают, потому что он постоянно заботится о них — подкармливает в холодное время года и защищает от браконьеров. Мой отец также страстный охотник и рыбак. Эта страсть открылось в нем еще в раннем детстве. Будучи 6—7-летним мальчиком, он

Анатолий Алексеевич Шевалдов

ходил буквально по пятам за своим отцом. Немало трофеев он добыл за свою жизнь, но все это в рамках закона и не во вред природе.

Папа очень ценит красоту природы, он у нас настоящий человек — честный, порядочный, добрый и смелый.

Я хочу пожелать своему отцу крепкого здоровья и долгих лет жизни, и еще долго служить природе и оберегать ее.

Е. НИКОНОВА
Ульяновская обл.

Уважаемая редакция! Это письмо с востока России, с берегов р. Буряя, что начинается в Хабаровском крае, а низовья ее на юге Амурской области, а впадает она в р. Амур. Мы строили и эксплуатировали Бурейскую ГЭС примерно 30 лет.

Мой охотничий стаж — 52 года. Пишу вам от имени всего охотколлектива. Нас 200 человек. В конце октяб-

ря 2013 г. у председателя нашего первичного охотколлектива Вековшинина Павла Васильевича, юбилей — 60 лет, 50 из них — он охотник. Короче говоря — двойной юбилей.

Наш юбиляр за многие десятилетия воспитал немало молодых охотников. Много времени он отдал работе с документами: взносы, путевки и многое другое.

Наш регион богат зверьем. На счету Павла Васильевича много добытого зверя. Это медведи, осторожные изюбри, кабаны, косули. Каждую осень он — договорник-охотник — в дальней тайге, добывает в основном соболя, немного колонка, попадались и рыси.

Журнал Павел Васильевич выписывает и хранит долгие годы.

Поздравляем нашего председателя!

**От имени охотколлектива
В. П. ШАЛАЕВСКИЙ**
п. Талакан
Амурской обл.

Павел Васильевич Вековшинин

**Производим и реализуем
ГУМАННЫЙ КАПКАН КА-2**

для отлова соболя, куницы,
белки, хоря, колонка.

ЗАО «СКВИРЭЛ»
610014; г. Киров,
ул. Пугачева, 35
8(8332) 56-22-28;
8-922-668-10-09
squirrel.kirov@mail.ru

ЗАКУПАЕМ ПУШНИНУ

РЫЖИК

О. МАКАЛИНСКИЙ

Довелось мне оказаться в служебной командировке на одном из золотодобывающих приисков Магаданской области. В зимний период на прииске работы не ведётся, и лишь бригада специалистов в составе десяти человек и нескольких сторожевых собак обеспечивает жизнедеятельность и охрану объекта.

Лисёнок появился неожиданно, как в сказке А. Экзюпери. Он долго сидел на пригорке, показывая всем видом — убери своих собак и мы познакомимся. Я так и сделал. Он приблизился, заглянул мне в глаза. Я сбегал в столовую и принёс лисенку еды. Так мы познакомились. Я назвал его Рыжиком. Приходить он стал почти каждый день. А удивительное в том, что приблизился он к нашему посту лишь в том случае, когда убеждался, что там нахожусь именно я. Другие наблюдали его лишь издали и сообщали мне по радиации — твой Рыжик пришёл.

А поскольку «шкурного» вопроса изначально между нами не стояло, то сложились настолько доверительные отношения, что лисёнок ел у меня с руки, не боялся и задремать в моём присутствии, не убежал даже когда слышал лай собак, без опаски прятал в сугробе остатки пищи про запас и с удовольствием позировал перед фотокамерой.

Прошло три месяца. И если Лис, друг маленького принца, говорил, что люди забыли о том, что они в ответе за тех, кого приручили, то я об этом помнил, и поэтому становилось грустно, осознавая, что скоро мы расстанемся навсегда. Лисенок не появлялся три дня. Я беспокоился, но в день отъезда он появился. Когда мы уезжали, Рыжик бежал некоторое время за автобусом. В память о нём осталось много фотоснимков.

Прошедшим летом гостили мы с женой у её родителей в Иркутской области. Семёнов Вениамин Леонидович, папа моей супруги, профессиональный охотник с многолетним стажем. С молодых лет и до пенсии он работал в охотничьем хозяйстве. Довелось ему быть участником и очевидцем многих охотничьих историй. В списке его трофеев медведи и волки, лоси и дикие бараны, козы, соболи и белки, летающая и плавающая дичь.

И сейчас, в свои семьдесят три года, он не пропускает охотничьи сезоны и рыбалку. Когда мы показали ему фотографии и видео о лисёнке, он убедительно настоял на том, что эту историю непременно следует рассказать в журнале. Ведь фотоохота тоже имеет право на существование!

Пулевые снаряды для дробового ружья

Виктор ГУРОВ

Для добычи таких крупных и опасных животных как кабан, лось и медведь, в охотничьих гладкоствольных ружьях применялись пули, изготовленные из свинца. Наши деды и прадеды били зверя свинцовыми жеребьями, имеющими круглую или пальчиковую (цилиндрическую) форму. В 1850-х гг. французский офицер Несслер создал свинцовую пулю для нарезного ствола, имевшую сфероцилиндрическую форму и призматическое донное углубление. При выстреле пороховые газы, попадая в это углубление, как бы «распирали» пулю, что способствовало obturации и увеличению прицельной дальности стрельбы до 600 шагов. Позже француз Босвель приспособил эту пулю для дробовых ружей с дульными сужениями.

Время шло. Технический прогресс не стоял на месте. Как в Европе, так и в России в конце 19-го и начале 20-го веков велись работы по совершенствованию пулевых снарядов для дробовиков. Ведя разговор о первых пулях, нельзя не сказать о пуле немецкого изобретателя В. Бреннеке, созданной им в 1898 г. Она выпускается и по сей день с некоторыми изменениями, но сохранив свои конструктивные особенности. В России в этот период получила хождение пуля князя Ширинского-Шихматова. Л.П. Сабанеев в «Календаре охотника» написал: «Из пуль, предназначенных для стрельбы из обыкновенных дробовых ружей, наиболее действительной по результатам надо признать пулю-жеребий кн. Ширинского-Шихматова».

После окончания Великой Отечественной войны 1941 — 45 гг. в на-

шей стране появились «Блондо» (изобретение французских партизан), «Бреннеке», «Фостера», «Якана», «Идал», «ВОО — Ильина», «Майера», «Кировчанка», «Спутник», «Вятка», «Азот» и другие. Большинство из этих пуль я применял на охоте в своих ружьях ИЖ-54, ИЖ-58 и ИЖ-12. В настоящее время, несмотря на широкое распространение нарезного оружия, многие охотники остаются приверженцами охоты на копытных с гладкоствольным ружьём. Поэтому в мире продолжают работы по созданию пуль разных конструкций. Некоторые пулевые снаряды зарубежного производства пользуются спросом у российских охотников и сегодня. Например, итальянская пуля «Гуаланди». У нас ведутся работы по совершенствованию ранее созданных пуль (например, пули Полева) и разработка новых снарядов из низкоуглеродистой стали, а также оперённой пули.

В одной статье не представляется возможным рассказать обо всех пулях, имеющихся в охотничьих магазинах. Я попытаюсь рассказать о проверенной свинцовой пуле Полева и о недавно появившихся стальных пулевых снарядах «Тандем» С.Г. Митичкина и М.Ю. Иванова, которые получают всё большее хождение, а также о пуле Д.И. Ширяева.

Пуля Полева. Масса тела свинцовой пули 12 кал. 27,5 г, а с пыжом-стабилизатором 30,4 г. Её разработал конструктор В.В. Полев. С приобретением ружья МЦ21-12 передо мною встал вопрос о подборе для него пули. В журнале «Охота и охотничье хозяйство» (№11 за 1984 г.) я прочитал ста-

тью И. Изметинского «Стрельба пуль из гладкоствольного оружия». В ней он дал высокую оценку пуле В. Полева: «Эта пуля лишена основных недостатков, присущих современным пулям для гладкоствольных ружей, и обладает при этом тремя главными достоинствами: 1 — отсутствием каких-либо пыжей и прокладок; 2 — ярко выраженной стреловидностью, которая в сочетании с лёгким диаметром стабилизатором большого диаметра обеспечивает устойчивый полёт по траектории, всегда головной частью вперед; 3 — использованием деформации головной свинцовой части для надежного соединения с пыжом-стабилизатором». Надёжное соединение пули с пыжом-стабилизатором осуществляется во время выстрела за счет деформации шейки пули, посадки тела пули на пыж-стабилизатор и завальцовки на нём. Порядок снаряжения патрона следующий. В капсюлированную гильзу засыпать навеску пороха «Сокол», уменьшенную на 0,2 г от указанной на упаковке, пулю с обкладками, насаженную на пыж-стабилизатор, вставить гильзу, дослат до пороха и завальцевать гильзу. Конструктор предупреждает: «Пыжи и прокладки не применять!»

Пробными отстрелами на 80 м я добился, что поперечник рассеивания составил 16 см. На дистанции до 50 м по лосям я не знал промаха. Да что там! Сидящего зайца бил этой пулей. Некоторые охотники считали, что пуля обладает высокой проникающей способностью и по этой причине зверь, даже битый по месту, не всегда ложится. С первым утверждением я согла-

сен, но второе оспаривал. Однажды, в бытность работы охотоведом, набегавшись в загонях, при выставлении стрелков, остался на первом номере в надежде отдохнуть, пока организуется загон. Усевшись на пень и привалившись к берёзе, от души расслабился. Примерно минут через 10 напротив меня послышалось лёгкое потрескивание сухих веток. И надо же! На меня шёл, не бежал, а именно шёл лес. Напустив его шагов на 30, выстрелил в грудь. При разделке лося все обратили внимание на то, что пуля, войдя в грудь, прошла вдоль хребта всё тело и вышла над хвостом.

В последующие годы В. Полев разработал пулю «Полева-2» с более острой верхинкой, оригинальным полиэтиленовым хвостовиком, с отделяющимися в полете двумя боковыми обкладками и поддоном-обтюратором. Поперечник рассеивания на дистанции 100 м оставлял порядка 10 — 13 см. Потом конструктор предложил модифицированную пулю «Полева-3», отличающуюся от пули «Полева-2» наличием экспансивной воронки в головной части. Затем он, учитывая замечания охотников, для отстрела более крупных животных предложил пулю «Полева-4э» с экспансивной воронкой в головной части и массой 40 г. Поперечник рассеивания на дистанции 100 м составил 9 см. По словам В. Полева, в отдельных сериях при отстреле созданных им пуль ему удавалось на дистанции 100 м добиваться рассеивания, не превышающего в поперечнике 4 см. Из всех пулевых снарядов семейства В. Полева самой точной является пуля «Полева-3 Спорт». В правильно собранном патроне, с итальянскими порохами МВх36 и М92S, эта пуля показывала скорость 500 м/с и исключительную точность.

Пуля «Тандем». Этот пулевой снаряд изобрёл С.Г. Митичкин. Он получил патент на изобретение №2439472 от 10.01.12 г. и ему выдана лицензия от 11.01.11 г. на производство патронов и составных частей к нему. Мною были отстреляны патроны с пулей «Тандем». Снаряд «Тандем» представляет собой стальной ролик, помещенный в специальный полиэтиленовый контейнер, обеспечивающий прохождение через чоковое сужение и надёжно защищающий ствол. Пули производятся в калибрах: 32-й, 28-й, 20-й и 12-й. Конструктор рекомендует из ружей с патронниками 12/76 стрелять патронами, собранными в гильзы длиной 70 мм. На качество выстрела это не влияет. При выстреле максимальное давление 660 бар, начальная скорость — 420 м/с. Эти пули я отстрелял из МЦ21-12 и ружья «Бенелли» с насадкой 0,25 мм на дистанцию 50 м. По мишени было произведено 5 выстрелов, поперечник рассеивания составил из МЦ21-12 13 см, а из «Бенелли» — 17.

Затем произвёл 3 выстрела по железной 200-литровой бочке. Стрелял старался под углом. Пробоины аккумуля-

ратные и без отклонений. Можно смело утверждать, что пуля не будет давать опасных рикошетов при стрельбе в мелком лесном подросте и кустарниках. Проводились отстрелы патронов с использованием насадки «парадокс» на 100 м. Результаты обнадеживающие. При осмотре на поверхности контейнера чётко виднелись следы от нарезов. Поперечник рассеивания в сериях составлял от 5 до 15 см. Испытал патрон со стальной пулей в контейнере, имеющем наружные нарезы глубиной 0,5 мм и под углом 15 градусов, за счёт которых снаряду на траектории придается вращательное движение. В том, что он в полете вращается, не следует сомневаться. Показатели впечатляющие. При стрельбе на дистанцию 80 м поперечник рассеивания пули не превышал 10 см. Както на охоте я попал под мокрый снег. Через неделю осмотрел патроны. Пули поржавели, и ржавчина проникла в гильзу. Своими наблюдениями я поделился с конструктором. Он замечание принял, и были созданы пулевые снаряды «Smit-Тандем», полностью «одетые» в полиэтиленовый контейнер, что не повлияло на их боевые характеристики. Чтобы избежать оржавления некоторые пули имеют омедненное покрытие. Создан пулевой снаряд и для 410 калибра. Он представляет собой стальной ролик, входящий с натягом в полость полиэтиленового контейнера и амортизатора. После выстрела амортизатор отделяется, а ролик до цели летит вместе с контейнером.

Патроны можно снаряжать и в домашних условиях. Для этого необходимо запастись качественными полиэтиленовыми гильзами длиной 70 мм, капсулями типа КВ-209, порохом «Сокол» и пулями «Тандем». Снаряжение патронов следует начинать с тщательного осмотра компонентов патрона. Особенно пулевых снарядов, обращая внимание на состояние контейнера: чтобы на нём не было задиров, заусениц, недоливов в верхней части контейнера и на целостность его обтюрирующей манжеты. Навеска пороха «Сокол» для 12-го калибра 2,0 г, 16-го — 1,6 г, 20-го — 1,4 г. Главное — не допускать превышения навески пороха. Порох засыпать в капсулированную гильзу. Пулю «Тандем» досылать прямо на порох без всяких прокладок и амортизаторов и заделать настольной закруткой. Чтобы быть уверенным на охоте, снаряженные патроны необходимо проверить стрельбой хотя бы серией из 3 — 5-ти патронов на дистанцию не менее 50 м. Простоту конструкции, безопасность, надёжность поражения цели, комфортность, хорошие показатели стрельбы подтверждают отзывы охотников, егерей и спортсменов.

Пулевой снаряд М.Ю. Иванова. Конструктор предлагает стальные пулевые снаряды для калибров 12/76, 12/89 и 20-го. Масса пули 12 калибра колеблется в пределах 33,18 — 33,3 г. В головной части пули имеется

воронка от сверла, по словам конструктора, «которая за счёт кумулятивного эффекта усиливает останавливающее действие».

Насколько мне известно, кумулятивный эффект создаётся, например, при попадании снаряда в бронеебъект и взрыве заряда, в головной части которого имеется воронка, придающая раскалённым газам направленное действие, способных пробивать (не прожигать) броню. М. Иванов, наверное, имел в виду экспансивное действие. Рекомендуется применять данные пулевые снаряды при снаряжении патронов для парадоксов и стволов 12 калибра магнум (12/76) и супермагнум (12/89). В данном случае, как утверждает разработчик, получаются лучшие результаты по кучности и останавливающему действию.

При снаряжении патронов рекомендуется использовать порох «Сунар-магнум 42» с навеской пороха, указанной на упаковке завода-изготовителя. Давление будет не более 1050 бар, а скорость V_3 (в трёх метрах) 443-455 м/с. Допускается использование данного пулевого снаряда в ружьях 12/70 и с дульными сужениями не более 0,5 мм, но при этом марка пороха и его навеска подбираются индивидуально в зависимости от массы пули. Так как снаряжение патронов — дело ответственное, связанное не только с поражением зверя, но и безопасностью охотника, то я рекомендую Ю. Иванова привожу дословно.

Итак, снаряжение патронов он рекомендует проводить в такой последовательности:

1. бездымный порох взвесить на аптекарских или электронных весах (Рекомендуется при зарядании патронов использовать порох «Сунар-магнум 42».);

- для патронов магнум 12/76 навеска пороха соответствует написанной навеске на банке завода-изготовителя;

- для патронов 12/70 навеска пороха уменьшается на 0,3 г;

2. в гильзу 12 калибра насыпается бездымный порох;

3. на порох кладётся обтюратор-амортизатор БИО или урезанный пыж-контейнер (у пыжа-контейнера отрезаются лепестки для дробин);

4. на пыж БИО (или урезанный пыж-контейнер) досылается собранный пулевой снаряд головной частью вверх (головная часть более тяжёлая и на ней имеется лунка от сверла);

5. оболочку из полиэтилена высококого давления разрезать ножом вдоль:

- при сборке пулевого снаряда для стрельбы из парадокса на две части;

- при сборке пулевого снаряда для стрельбы из гладкого ствола на три или четыре части;

6. разрезанные части надеваются на пулевой снаряд;

7. собранный пулевой снаряд досылается в упор до обтюратора амортизатора БИО;

8. собранный пулевой патрон за-

вальцовывается. При этом на завальцовку следует оставлять 10—12 мм. Главное, чтобы эта величина была постоянной. Разница в 1 мм приводит к колебаниям скорости до 10 м/с.;

9. если вы заряжаете пули в 20 к, то на порох кладется обтюратор, а затем войлочный пыж (лучше использовать набор из нескольких пыжей). Можно вместо обтюлятора использовать две плотных картонных прокладки (одну на порох, одну на пыж).

Автор гарантирует, что при стрельбе с насадкой парадокс и из гладкого ствола поперечник рассеивания пуль на дистанции 50 м не превышает 5 см, а с насадкой парадокс на дистанции 75 м не превышает 7 см. Дальность прямого выстрела 75 м для патрона магнум.

«Одев» пули разрезанными частями полиэтиленовой оболочки, я их все прогнал через ствол, а затем снарядил ими по рекомендуемой методике 15 патронов в гильзы длиной 76 мм. Отстрел проводили из Браунинга Голд и Бенелли калибра 12/76 с насадками 0,25 мм. Стрельба по мишени через кустарник подтвердила, что эта пуля работает как «бульдозер». Металлическую пластину толщиной 4 мм на 20 м пробивает без проблем. А вот с кучностью на дистанции 50 м результаты получились не совсем впечатляющие. Из Бенелли поперечник рассеивания составил 19 см, из Браунинга Голд — 14. Такие результаты я отношу за счёт того, что пулевые снаряды прогонялись через ствол и дупуска, что у меня не получалась однообразная в снаряжении патронов из-за высокой «стопки» пыжей.

Оперённая пуля. Пуля подкалберная. О ней рассказал А.М. Блюм в журнале «Охота и охотничье хозяйство» №3 2011 г. Ею снаряжается патрон «Зенит» 12 калибра. Пуля разработана в начале 1960 г. Д.И. Ширяевым, конструктором-оружейником ЦНИИТОЧМАШ. Внешне она схожа с ракетой, а её масса 12,2 г. Пуля патрона «Зенит» имеет начальную скорость полёта почти в два раза выше скорости обычных ружейных пуль. Это позволяет вести эффективную стрельбу на дальность до 300 м. Поперечник рассеивания на дистанции 100 м составляет не более 14 см. Пуля обладает настильной траекторией и в пределах 150 м можно вести стрельбу с постоянным прицелом. При отстрелах крупных животных каждое животное поражалось практически с первого выстрела на дистанциях до 300 м, включительно. Выстрел патроном «Зенит» характеризуется относительно слабым звуком и меньшей отдачей. Пуля не склонна к рикошетам. Пока патрон «Зенит» не нашёл путь на прилавки охотничьих магазинов. По имеющейся у меня информации — пулевой снаряд «смущает» органы МВД своими возможностями.

Сравнивая пулевые снаряды С. Митичкина и М. Иванова можно сказать, что по своим возможностям они примерно одинаковы. Но снаряд С.

Митичкина довольно технологичен и прост в снаряжении патронов, а это обстоятельство позволяет его широко применять на автоматических линиях, что в значительной мере удешевит сам патрон. И не последнее значение имеет давление пороховых газов в 660 бар, в отличие от патрона, снаряженного пулей Иванова (1050 бар), что позволяет пулевой снаряд «Тандем» применять в ружьях с рекомендованным давлением не более 660 бар. Также мною были отстреляны патроны с пулей «Гуаланди». Какого-то заметного превосходства над выше названными пулями я не заметил. А вот рикошеты случались.

На основе проведённых десятков пробных отстрелов, мне ни разу не удалось из своих ружей добиться поперечника рассеивания, заявленных конструкторами. На дистанция до 50 м я стрелял без оптического прицела, выше — с оптикой. Моё субъективное мнение — зачем ставить на дробовое ружьё прицел, когда можно воспользоваться карабином с оптикой? А ружьё должно быть ружьём. Я бы советовал охотником не обольщаться возможностью поразить зверя на дистанции в 100 м без оптического прицела. Испытывая пулевые снаряды, стрелок находится в комфортных условиях: он спокоен, стреляет сидя с упора, беря во внимание погодные условия и учитывая проседание пули под действием закона всемирного тяготения. На охоте совсем другая обстановка. Поэтому на дистанции далее 50 — 60 м стрелять без оптики не рекомендую во избежание промахов.

В заключение можно сказать, что с использованием пулевых снарядов альтернативных свинцовым у нас намечилась положительная тенденция. Наши конструкторы предлагают пулевые снаряды, не уступающие импортным. Основные требования к пулевым снарядам нового поколения для дробовых ружей я сформулировал так: пулевой снаряд должен обладать точностью, как пуля Полева, поражающей способностью, как пули Митичкина и Иванова, дальностью эффективного поражения в пределах 300 м, как пуля Ширяева, а также простотой устройства, дешёвизной в производстве и возможностью использования их на автоматических линиях при снаряжении патронов, как пулевой снаряд Митичкина.

Если учёные и конструкторы продолжат поиски оптимальных решений в указанных направлениях, то, может быть, и не мы, ныне живущие, а наши внуки и правнуки доживут до такого времени, когда появятся дробовые ружья с пулевыми снарядами к ним, которые по своим боевым характеристикам сравняются с нарезным оружием или превзойдут его. Говоря о пулевых снарядах, следует подчеркнуть, что они обладают некоторым преимуществом над пулями для нарезного оружия: отсутствие деривации, ниже давление в стволе и нет расхода энергии на придание пули осевого вращения, как в нарезном стволе.

История охотничьего оружия богата своими традициями, знаменитыми мастерами, их изделиями. Но судьба благосклонна далеко не ко всем производителям. Есть великие оружейники, о которых мало написано, и их биографии в буквальном смысле — белые пятна на карте ружейной истории. Это ещё раз иллюстрирует, насколько мы, в сущности, мало знаем о мировом ружейном производстве.

***

Йохан Шпрингер-основатель родился 18 ноября 1819 г. в городке Лейтшау в Венгрии в семье ремесленника-ложешника. В двадцать один год уехал в Вену к Матиасу Новотны и получил у него место гравёра. Об этом оружейнике следует сказать особо.

Фамилия Новотны издавна известна в России, хотя у нас, по правде говоря, прославился своими ружьями другой член семейной династии — племянник Матиаса — Ян. И тот, и другой родились в Богемии (так называлась Чехия в составе австро-венгерской империи до 1919 года).

В начале 1830-х Матиас Новотны уехал на заработки в Вену, и в 1836 году открыл в столице Австрии оружейную мастерскую. Этот год, собственно, и является годом основания семейного заведения. Двадцать лет М. Новотны с женой Анной Хаас возглавлял производство охотничьего оружия и пистолетов. Фирма находилась в зените славы, имела лучшую в столице репутацию и персональную высокооплачиваемую клиентуру. Из стен мастерской выходили такие шедевры, повторить которые мог разве только Антонин Винцент Лебеда в Праге. Несчастье пришло, как всегда, неожиданно и внезапно, и в мгновение ока многое изменилось.

Матиас был безумно влюблён. Принимая безысходность положения, оружейник днями и вечерами просиживал в мастерской и лишь глубокой ночью поднимался наверх, в свой кабинет, чтобы передохнуть, и с раннего утра вновь приниматься за работу. Податься минутной слабости, уронить честь семьи, фирмы и собственного имени оружейник не имел права.

Дождливым осенним утром 1856 г. Матиас Новотны, как всегда, поднялся рано. Не спеша оделся, привёл себя в порядок, на минуту присел за рабочий стол. Затем решительно направился к висевшему на стене любимому штучеру 16-го калибра и спустился в мастерскую. Немолодая, но малообразованная горничная (воистину Zimmermädchen) не обратила внимания на приглушённый хлопок, донесшийся из полуподвала. Лишь полтора часа спустя пришедший на работу Йохан Шпрингер обнаружил бездыханное тело хозяина.

Знаменитые ружья Шпрингер

Как ни велика утрата, жизнь продолжалась. Восьмого февраля 1857 г. вдова Новотны продала фирму Шпрингеру. Через пять месяцев он получил от городских властей права на торговлю и изготовление оружия под вывеской Joh. Springer, vorm. Mathias Novotny («Йохан Шпрингер, бывший Матиас Новотны»).

Работая с таким мастером, как Матиас Новотны, Шпрингер получил большие познания в разных областях ружейного ремесла — практически ни один заказ без него не обсуждался. Новотны полностью доверял талантливому оружейнику, который в его отсутствие принимал заказчиков. С семьёй своего работодателя Шпрингера связывали не только деловые отношения: в 1847 г. сестра Новотны — Катарина — стала законной супругой будущего владельца фирмы.

Счастливый брак, впрочем, продолжался недолго. В 1861 г. Катарина скоропостижно скончалась, и оружейник женился на дочери венского производителя уксуса. Через два года Шпрингер покупает дом в центре австрийской столицы и вот уже полтора века вывеска с названием фирмы украшает вход в скромное здание офиса на Josefgasse, 10 (илл. 1).

28 ноября 1872 г. за отличное качество продукции Шпрингеру был пожалован придворный титул «Оружейник Короля и Кайзера». Увы, ничто не вечно в этом мире. 24 февраля

1875 г. в полном расцвете творческих сил Йохан Шпрингер ушёл в мир иной, оставив жене Леопольдине трёх детей от первого брака и двух — от второго: Рудольфа и Густава.

Поскольку сыновья покойного оружейника не достигли совершеннолетия, управление делами взяла в свои властные руки дочь уксусного магната — Леопольдина Шпрингер. И только 13 лет спустя, первого января 1888 г., старую вывеску над воротами фабрики заменили на Johann Springer's Erben («Наследники Йохана Шпрингера»).

Рудольф — старший сын Й. Шпрингера от второго брака, прошёл отличную школу ружейного мастерства. Начинал учеником в Вейперте в мастерской Шмидля, затем продолжил обучение в Бирмингеме, а окончил курс ружейной науки у самого Шарля Франкотта в Льеже. В марте 1901 г. Рудольф скоропостижно скончался, оставив на руках вдовы несовершеннолетнего сына, которого в честь деда назвали Йоханом. Руководство делами отошло к брату покойного — Густаву Шпрингеру. Именно при Густаве венская фирма получила всемирное признание.

В 1911 г. оружейнику Высочайшим указом был пожалован престижный титул Kaiser und König Hof- und Kammerlieferant («Придворный поставщик Императорского и Королевского арсенала»).

Период 1899—1912 гг. отмечен массой заказов от высокопоставленных лиц Австро-Венгрии, Германии, Сербии, Испании, России, Индии, Польши (илл. 2). Только эрцгерцог Франц Фердинанд — постоянный клиент фирмы и страстный охотник, добывший за недолгую жизнь свыше 270 тысяч штук различной дичи, имел в коллекции 28 ружей Шпрингера. Несмотря на то, что по миру разошлись тысячи ружей с именем Johann Springer, собственноручно в Вене за 87 лет (1870—1957) сделано всего 5662 ружья, условно — по 60 экземпляров ежегодно. Одна эта цифра говорит об уникальности шпрингеровского наследия (илл. 3.)

Номера изделий ведут отсчёт в строгой последовательности, начиная с 5.000 и заканчивая 10.662 — последним ружьём, изготовленным в 1957 г. Оружие с другими номерами, обращающееся на рынках многих стран, в том числе России, и не попавшее в указанный серийный диапазон, сделано по заказу венской фабрики оружейниками Вейперта, Зуля и Льежа. В частности, в Бельгии для Шпрингера работали фирмы «Август Франкотт», «Альфонс Форжерон», «Льежская мануфактура». Эти изделия, наряду с надписью J.Springer's Erben Gewehrfabrikanten Wien, несли торговое клеймо или полное название производителя на нижней части ствола либо подушке колодки.

Кроме ружей средней категории качества, то есть полностью изготовленных за рубежом, под маркой Springer выпускали и оружие высокого разбора. Собирали его из заготовок, поступавших из Вейперта и Льежа, а окончательно отделявали и испытывали в Вене. Эти изделия также имеют номера, попадающие в серийный диапазон 5.000-10.662.

Самая престижная серия изготовлена между 1899 и 1912 годами (номера от 9.000 до 10.000). Большинство ружей несут на себе марку Vienna Best, т.е. сделаны они на манер лучших английских. Эта «элитарная тысяча» не имеет равных среди всей продукции фирмы, независимо от типа или конструкции использованных механизмов. Её по праву приравнивают к лучшим изделиям James Purdey & Sons,

Илл. 1. Старое здание фирмы на Josefgasse, 10 в Вене

Илл. 2. В период расцвета фирмы (1890—1914 гг.) её рекламу помещали не только охотничье-оружейные журналы Европы, но и светские издания
Илл. 3. Архитектоника коробок внутрифирменных ружей элитной серии

1

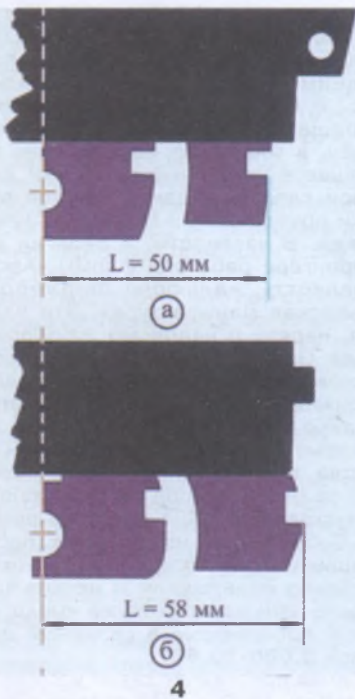

2

3

Boss & Co, Holland & Holland, A. Lebeau Courally, а по долговечности знатоки вообще отдадут ей пальму первенства.

Бескурковки выпускали как с коробчатыми, так и с боковыми замками, а курковки — с подкладными и обратными замками. Большинству ружей, сделанных в Вене, присуща некоторая тяжеловесность, которая сполна компенсировалась высокой надёжностью и долговечностью. Исключение составляют, пожалуй, двустволки и штуцера под маркой Vienna Best с замками на досках, выполненные в классических традициях лучших европейских оружейников.

Долговечность шпрингеров обуславливалась не столько безупречной пригонкой деталей затворной системы, сколько разумной конструкцией. Подствольные крюки делались массивными, максимально разнесёнными между собой (илл. 4), причём задняя поверхность заднего крюка выступала за казённый срез стволов до 5 мм! Подушки колодки получались сравнительно длинными, но при замках на боковых досках ружьё выглядело солидно и исключительно изящно.

В годы первой мировой (1914—1918) фирма сократила выпуск ружей в связи с занятостью рабочих на государственных фабриках Австро-Венгрии. После войны восстановить прежние объёмы производства она уже не смогла. За шестнадцать лет (1912—1928) в Вене изготовили лишь 300 единиц различного огнестрельного оружия, в течение следующих восьми — 200 единиц, наконец, последние 21 год были отмечены минимальной производительностью — всего 162 ружья.

В 1914 году Густав Шпрингер принял учеником своего подросткового племянника Йохана. После смерти «дяди» в 1944 году он стал последним прямым наследником мужского пола в многочисленной династии Шпрингеров (будучи бездетным, Густав Шпрингер в 1933 году усыновил Йохана и Карла — детей безвременно скончавшегося брата Рудольфа — прим. автора).

Накануне второй мировой на предприятии Густава Шпрингера трудилось 140 человек. К концу войны большая часть персонала была задействована немцами для производства «оружия возмездия» — баллистических ракет Фау-2.

Никогда, пожалуй, так искренне не радовались австрийцы, как весной сорок пятого — освобождению Вены и победе над гитлеровской Германией. И как бы в благодарность освободителям целых десять лет основные заказы советских военных лет (илл. 5) в Вене выполнял Йохан Шпрингер-младший. Одно из лучших ружей изготовлено в 1946 году для маршала И.С. Конева — руководителя советской военной администрации в Австрии. В 1949 году Йохан Шпрингер передал управление предприятием в руки своей дочери Маргарет.

Выпустив своё последнее ружьё в 1957 году, фирма прекратила производство и получила статус торгового заведения. Таким образом, эпоха шпрингеровских ружей длилась ровно столетие (1857—1957) — от деда до внука, волею судьбы нареченных именем Johann.

Йохан Пауль Шпрингер умер в 1963 году, завещав магазин, мастерскую, подсобные помещения и всё имущество своей дочери Маргарет Вайксельбраун. Она возглавляла семейное заведение почти 60 лет. Ныне венская фирма по-прежнему именуется Johann Springer's Erben. С апреля 2008 года руководит торговым домом младший сын Маргарет Вайксельбраун — Кристиан Шпрингер. При нём фирма расширила сферу деятельности, приобрела несколько дополнительных помещений, в частности, новый магазин на Kagranerplatz, 8 (илл. 6). В семейном бизнесе Кристиану помогает старшая сестра Моника Хольцер.

Иллюстрации из архива автора

Илл. 4. Расстояние между подствольными крюками у ТОЗ-БМ (а) и «шпрингера» (б)

Илл. 5. Одно из современных торговых зданий компании

Илл. 6. Обложка торгового каталога фирмы (около 1912 года)

Илл. 7. Старый логотип семейного заведения

Илл. 8. Современный логотип компании

ЛУЧШАЯ ВЫСТАВКА РОССИИ 2012-2013 гг.
 по тематике «Досуг, охота и рыбалка» во всех номинациях*

*В соответствии с Общероссийским рейтингом выставок 2012-2013 года, составленным ТПП РФ и РСВЯ

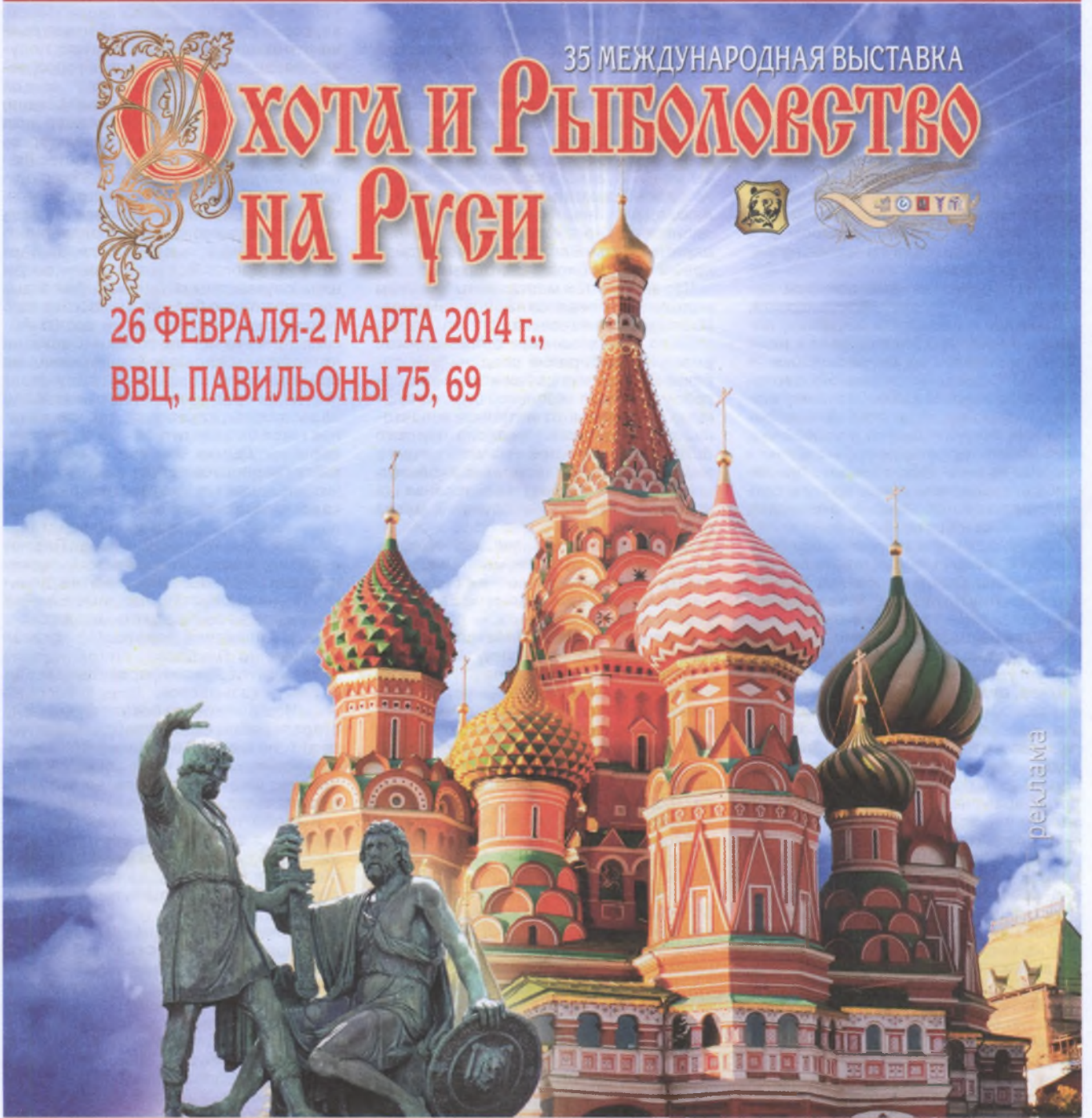

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО НА РУСИ

35 МЕЖДУНАРОДНАЯ ВЫСТАВКА

26 ФЕВРАЛЯ-2 МАРТА 2014 г.,
 ВВЦ, ПАВИЛЬОНЫ 75, 69

реклама

ОРГАНИЗАТОР: ЭКСПОДИЗАЙН

РУССКАЯ ВЫСТАВОЧНАЯ
 КОМПАНИЯ «ЭКСПОДИЗАЙН»

+7 (499) 181-64-74
 +7 (495) 258-87-66

www.hunting-expo.ru
hunter@expo-design.ru

ЖИВЫЕ ДЕНЬГИ

В Шунгулешский промхоз Арканя приезжал уже не в первый раз. Он быстро оформил договор, получил небольшой аванс и десять банок говяжьей тушенки в счет пушнины, смотался в соседнюю экспедицию, где всегда можно было застать вертолет, договорился с летчиком на пятнадцатое, через три дня, число и вечером уже сидел у своего старого знакомого Пикалова за столом.

Летчик в экспедиции попался какой-то новый. Фиксатый, прыщавый, тоненький, в шелковом шарфике, папироску жует. Арканя подвалил к нему будто спросить про Дормидонтова — летает ли, дескать, старик. Но вертолетчик Арканю правильно понял; молодой-то молодой, а ухом не поворачивайся, откусит. Да это и спокойнее, потому что если человек на деньги падкий, то он и дело сделает. Прилетит. Договорились: сотню сразу и сотню или пару соболей, — это видно будет, — за обратный конец.

Арканя привык жить удачливо, фартово, и Пикалов слушал его не без зависти, удивлялся и радовался за своего оборотистого друга. Арканя же поучительно цедил сквозь зубы:

— Это вы здесь сидите и сопли на кулак мотаете!

Шунгулеш — село действительно темное, отсталое. Здешние жители измеряли трудности не деньгами, а по старинке: лошадами, которых можно перекалечить, перетопить в болотах; лодочными моторами, которые можно переломать на перекатах, мелях и пороггах; временем, которое потребно на заходы и выходы, особенно на заходы — с продуктами-то.

Арканя человек другой, его аршин — деньги. Никаких лодок, никаких лошадей. Кому надо уродоваться без пользы? В любом районе, где действует вертолетная служба, Арканя без хлопот попадал на место. Механика несложная, да не всякий понимает. Вертолет — не попутка на шоссе, трояк не сунешь. Вроде бы. А если не трояк? Так ведь на большую сумму рука у деревенского не поднимается, он конями лучше пойдет.

Гуляли эти дни с Пикаловым отменно, на водку у Аркани было, но и дело он не забывал, а между прочим толковал со знакомыми охотниками про намеченные места. Он не говорил прямо, что собирается на Нерку, на Предел, в самые дальние недоступные тайги, в верховьях Шунгулеша, а вводил на эти места разговоры будто невзначай, вскользь, пока не выяснил,

что, кроме него, туда никто не собирается. Там уже года никто не бывал. Кто в молодости хаживал, кто слышал только, кто летом, по большой воде, на рыбалке был. Чтобы досконально знать эти далекие таежные места — таких не оказалось людей. Говорили разное, вроде бы и есть там зимовья, а вроде бы и нет. Будто из Красногвардейского района заходили туда охотники и даже строились. Но точно было, что давным-давно охотились там легендарные братья Балашовы, а последнее время стояли биологи в бараке.

Что зверь в тех местах есть — в этом никто не сомневался. Зверь там есть. Ждет смелого человека.

Было у Аркани еще более важное дело, чем собиранье сведений, — собаки! Отсутствие собак коренным образом отличало сезонного охотника Арканю Алферьева от истинных и настоящих охотников. У Пикалова и у того бегала по двору собачка охотничьего вида. Хоть он и на лесопилке работает, а все-таки в субботу-воскресенье да на отпуск отбегает в ближние места соболей погонять.

Но и тут Аркане повезло: совсем кстати случилось со знакомым Пикалову пасечником несчастье — обезножел разом матерый охотник и на сезон остается дома.

Завели пикаловский мотор и поехали в Федоровку на пасеку.

Пасечник сидел в сарае и колотил улейки. По нему видать было, что уже не охотник этот здоровенный и молодой еще мужик. В сарае пахло чистым деревом, медом от висевших по стенам рамок. Тут же в стружке лежала и собака — Дымка, низкорослая лайка лет шести, с белым ухом, серая, с провислой спиной и мягкими ногами.

Дымка вышла, когда в столярку валялись пахшие вином и безобразием гости.

Арканя поставил вино на верстак, бутылки сыто стукнулись друг о дружку. Пикалов сходил, вызвал из дому хозяйку, она стала греть на таганке под навесом похлебку, принесла в рассоле огурцов и чеснока с салом.

Хозяин смотрел настороженно, не зная, зачем пожаловали гости, а когда они сказали, что приехали за собакой, раздумался.

— Продать? Почему не продать. Нынче не пойду в тайгу-то.

— За деньгами не постоим, — сказал Арканя.

— В тайгу нынче не пойду, — не обращая внимания на тороповость Аркани, продолжал пасечник. — Но ведь и то сказать — собака вроде хорошая. Достойная. Так что приходится, хозяе-

ва, сорок рублей просить. И то все равно что даром отдавать. Вот что получается, дело-то какое. Поду в город лечиться. Деньги нужны.

— Возьми сорок, — сказал Арканя, подтолкнув коленкой Пикалова под верстаком, чтобы тот не начал торговаться и не портить бы картину. Любил Арканя, по-городски легко относившийся к деньгам, озадачивать медленно зарабатывающего и медленно тратящего деньги деревенского человека. Лихость эта обходилась Аркане недорого. Вот и теперь — в лучшем случае пятерку можно было выторговать, не больше. Цена и без того оказывалась бросовой, — сотню Арканя приготовил на собаку! Своих он не держал с тех пор, как переехал из собственного дома в квартиру (ванна, газ, огород от комбината ежегодно нарезали под картошку), так что заранее готов был платить за собаку сколько спросят. Дымка эта самая бывала в тайге, вернулась оттуда живая, — значит, понимает в охоте. Отщипнул Арканя четыре красненькие, портмоне — в карман, деньги на верстак.

— Вот только сукотная она. Потому и прошу мало, — продолжал пасечник, не обращая внимания на деньги. Будь она пустая, например, меньше чем за восемьдесят не отдал бы.

— О, паря, чо делатца! — сказал озадаченно Пикалов.

Замолк и Арканя, прикидывая. Сукотная, оказывается,

— И с брюхом работать будет, она старательная. Оценится, день-два полежит, но шевели ее. Потом опять начнет ловить. Это уж такая собака, я тебе доложу. Она как человек, за кусок уж она отблагодарит.

Выбора не было, совсем никаких собак в это время по Шунгулешу не найдешь. Арканя трянул кудрями, подвинул пасечнику деньги и в знак согласия разбросал на троих вторую бутылку.

— Покупать с легким сердцем надо. Это правильно, — сказал Пикалов, беря стакан.

Пасечник закурил, а пачку «Беломора» положил на деньги.

— Куда собираетесь?

— Да вот-вот на Нерку наметился. Не знаю, что будет. Есть там соболя, нет ли. — Слова Арканя растягивал по-здешнему. У него была такая привычка — подстраиваться под разговор, рассуждение, интонацию. Он ценил это умение в себе и других, как признак ловкого и сильного человека, который берет свое вежливо и обходительно, а не прет грубо, как бульдозер.

— В раскольничье зимовье, —

подсказал Пикалов.

— Говорят, есть на Фартовом ручье избушка. Не знаю, худая, не знаю, целая еще?

— Хорошо на Нерке, — вздохнул пасечник. — Бывал. Надо на геологический барак рассчитывать. Ночевал я в нем.

— Слышал я про этот барак. Да не сильно верю, казенку строят. Вот если балашовские избушки целы...

— Сгнить уже должны. Я-то в них никогда не зимовал, парнем был молодым. Тебе надо на геологический барак держаться. Все же там партия стояла. Орлов еще зимовал у них, когда они хозяйство оставляли там. А балашовским избушкам — им сто лет в субботу. Разговоры от них одни.

— Ты мне вот лучше скажи, — повернул разговор Арканя. — Если от Предела, от хребта, значит, взять нашу сторону, то Фартовый — это будет направо, так? А который левый — это будет Малый Верблюд, а за ним Большой Верблюд? Так или нет?

— Если от Предела? — пасечник задумался. — Нет, не так. Значит, направо будет Большой Верблюд, потому Малый Верблюд. А Фартовый упадет налево. Вот как получается. Верблюды пойдут направо, а Фартовый — налево.

— Ну, как же так? — удивился Арканя, хорошо знавший карту и начавший всю эту географию, чтобы поближе подвести пасечника к разговору.

— Да уж так! И перетакивать тебе не приходится, если я там с Колей Манданиным зиму зимовал.

— Дак ты не обижайся, а давай разберемся.

— Об чем речь, я без обиды.

— Он без обиды, Арканя, ты это не смотри. Вот по стакашу мы сейчас придадим, и все пути нам откроются. Сквозь пойдём!

— Значит, налево будет Фартовый, направо — Верблюды пойдут?

— Кто прав?

— Обой правы, — засмеялся Арканя, — ты же против меня сидишь. Это у тебя какая рука? Левая?

— Левая.

— А у меня — правая.

— Во, паря, мужики! Во, деревня бестолковая! — засмеялся пасечник.

Засмеялся и Арканя. Пикалов суетливо заглядывал то одному в глаза, то другому, весело ему было с хорошим разговором.

— В общем, значит, не держать особую надежду на балашовские избушки? Твой такой совет?

— Да ведь что я тебе скажу. Сколько лет я там не был! Пойти-то бы пошел — помню хорошо. А сказать — что скажу! Вот Ухалов, Петр Панфилович, тот везде бывал и там был. Вот с кем поговорить! Только он тебе тайгу не открывает, камень. Заготавливали они прошлый год там северного оленя. Пятнадцать голов с Мишей Ельменевым забили и вывезли. Вот тебе и дело с концами. А что остальным охотникам ни одной лицензии не досталось — это их

не касается. И мое — мое, и твое — мое! Понял? На вертолете залетели. Промхоз платил. На вертолете — не на ногах, куда хочешь можно залететь, хоть к черту на рога.

— Обыкновенно, средство транспорта. В других промхозах вертолеты небошь нанимают бригады забрасывать. — Арканя засмеялся.

— Средство, говоришь? Для Ухалова средство, а для меня значит, не средство? Я от этого без ног оставайся? Справедливо получается?

— Про справедливость я молчу. Каждому свой интерес. Кто успел, тот и съел, как говорится. Я квартиру получил. Мне следующий дом дожидаться надо, а голова на что? Председатель профкома комбинатский у меня на кухне неделю бюллетенил. Баба только мелькала в магазин. Поддавали. Ящик водки и ящик портвейна — квартира моя. Надо по современности соображать. Ухалову — вертолет, лицензии, а вам фиг с маслом! Так они, наверно, и план кинули промхозу, и мясом по губам помазали в домашнем обиходе. Всем и хорошо.

— Черт с ним, с Ухаловым, Жизнь у него так в деньги и ушла, у Петра-то у Ухалова.

— Зря ты на него говоришь. Сумел человек — сразу завидовать. Деньги у него, конечно, есть, — возразил Пикалов уважавший богатых людей. — Но и большого ума мужик, не отынешь. Большого. Он и в промхозе умеет — на хорошем счету, передовик, и в газетке про него писали, фотографию помещали.

— Вот именно, — подчеркнул Арканя. — Вот то-то и оно.

— Эва! — согласился пасечник. — Так-то если смотреть — оно все правильно. А уж только ни я, ни ты да никакой самостоятельный охотник в соседи к нему не согласится идти. Так?

— Значит, было раньше на Фартовом, а теперь нет, — вернулся Арканя к интересовавшей его теме.

— Все там было. Там, может, скит был! — Пикалов даже обернулся, сказав про скит, будто опасаясь подслуха. — В общем, поселение у них там целое было.

— Раньше ведь большими селами в тайге не жили, — сказал пасечник. — Большие села были тракторные, на больших пашнях да на приисках, где промышленность развивалась. А глубинку осваивали заимками, починками. Три семьи живут, у них и пашни на три семьи, и сена на своих коров, они и перебиваются с пасеки на скот, со скота на охоту. Тайга, она — мать, если с умом брать! Орехи те же, ягоды.

— Так тоже нельзя рассуждать, — уперся Пикалов, — кого же тогда в колхозы организовывать? Пока Петька до Ваньки добежит, распоряжение принеся! А электричество? По всей тайге линии гнать прикажешь? И пользы от них государству никакой, сидят, самогонку варят! А тут, допустим, ЛЭП для них ведут! Понимать надо, линия-то! Я работал, знаю...

— Долдон ты, Пикалов, долдон! Столбов, видишь ли, пожалел, линий! А откуда обозы в город шли по зимникам? А пушнина? С малых поселений, отведу тебе! Это же ресурс для снабжения строек и промышленности!

— Частью ты прав, а частью опять же нет, — мотнул Пикалов головой. — Ресурс, это и мы понимать можем, в тайге сена на десяток коров любая полянка даст, это ладно. Но ведь ты продавать хочешь, за что же тебе тогда пенсия, если у тебя личная собственность?

— Где же личная собственность? Своими руками если? А! Пенсия! Дети были у каждого заместо твоей пенсии, понял? Да с тобой, с дураком, чего спорить!

— Спорить и не надо, одно другому не мешает, — вмешался Арканя. — Можно бы и пенсию, и детей, и пасеку, и колхоз, и технику. Тайгу осваивать

надо. Мне вот, например, это до фонаря. Я приехал, взял, что хотел, — и Арканей звали. Но общую пользу я понимаю — осваивать надо. Тут одно к одному получается. Летом — пашня, скот, сено, ягоды; зимой — охота. Осенью твоя баба корову продаст, поросенка. А если пять продаст? Это сколько денег в семью?

— Что ему доказывать. Вот Балашовых взять, правда, они здоровые были, как лоси, за ними не всякий утянется. Но в чем дело все — в том, что тайга твоя, и без тебя в нее никто не пойдет, не нарушит. Занимались они как раз этой тайгой на Нерке. На Фартовом у них базовое зимовье было. Далеко, туда никто не ходил, а им спокойнее. Обстроились, и в такие концы — все пешками! Идут, посвистывают. Плашник у них был хороший. Они не таскали на спине, заранее завозили. Котомочка маленькая у него. Пришел — все готово. Обсушился, пушнину обработал, поел, на лыжи — и дальше. На Фартовом и на Нерке стояли у них базовые зимовья. На Верблюдах, между прочим, круга там тоже были налажены. — Пасечник чертил толстым ногтем по иссеченной и изрезанной доске верстака. — Они и за предел ходили. И там, говорят, тоже круга имели. Во сколь тайги обрабатывали. Из наших мужиков тоже сильные охотники были, но за этими лосями не утягивались. Походили-походили по балашовским местам и отстали, уж сильно далеко. Ведь вот соболя в те поры кончили в тайге, а Балашовы приносили. И воровского заведения не было, чтобы куда-нибудь налево пускать. В Центросоюз, в Заготконтору, всегда сдавали государству. А теперь и люди специальные появились — скупать стали. Испортился народ. Контора тебе сколько дает? А скупщик?.. Вот то и оно. Да сразу на лапу, чистыми! Государству урон получается, скупщики барыши между собой делят, а охотник поживатца — сядни не посадят, завтра заберут. А куда денется — рад бы сдать, да ведь против живых денег не поплывешь!

— И правильно, — сказал Арканя, глаза у него блеснули. — Если соболю деньги стоят, ты и бери за деньги. Скупщику выгодно сотню платить, а почему конторе невыгодно?

— Ну, кабы контора под скупщика цену подняла, тот бы сразу усох, как муха на морозе. Кому хочется жить на воровском положении, в честном доме теплее.

В стожарку снова пришла Дымка, стала в дверях, поставила лапки на порог. Арканя на правах хозяина подождал ее, она подошла, но под руку не далась и легла в углу.

— Плунешь в морду если плохо ловить будет, — сказал пасечник. — Вот сам не могу, а то бы не продал! — Покачиваясь на табуретке, пасечник стал рассказывать, как хорошо он охотился с Дымкой, какая она вязкая, как хорошо идет и держит; рассказывал, как он молодым еще ходил далеко, и

за Предел, и на Нерку, в поисках хорошей тайги, чтобы сорвать большую взятку; рассказывал, как простуживался и болел. Теперь ноги отнимаются стали, пухнут, но иногда он понемногу ходит. Что-то с сосудами. Врач велел пить, но особенно — курить. С одним таким же, как он, приходилось ему лежать в больнице. Ни курить, ни пить тому нельзя. А он и пьет, и курит. Куреву в больницу жена носила. Плачет, дура баба, а носит.

— Не принеси она, дак... — отозвалась со двора проходившая мимо стожарки жена пасечника, незаметно приглядывавшая за мужиками, неосторожно курившими на стружках, и, не договорив, махнула безнадежно рукой и ушла в дом.

— Да, носит дура баба. Ноги отрезали по шиколотку — не кури. Отрезали ему пальцы на руках — все это у него отнимается, закупоривает кровяные сосуды. Отрезали, значит, пальцы, а он свое: неси, жена, «Беломор», и, непременно, фабрики Урицкого. Двумя кулечками папиросы берет и курит. Так и умер с папиросой. Под конец врач говорит: теперь пусть курит!

— Теперь пусть курит! — эхом повторил Пикалов и радостно мотнул головой. — Во, мужик!

— Молодец, — презрительно сказала Арканя.

Пасечник замолчал, повесив большую свою кудлатую голову на грудь, — в волосах и в бороде с сединот перепутались мелкие стружки, — потом вскинул голову и стал смотреть долгим внимательным взглядом на лампочку, засиженную мухами, глаза у него наполнились слезами.

— Отходил, — зарыдал грубым голосом пасечник, — отходили мои ноженьки-и!

— Вот те раз, хозяин! Да ты чо? — засуетился и тоже сморщился Пикалов. — Ты чо, хозяин!

— Ревишь, а я бы имел пасеку налаженную, — утешал Арканя. — Я бы разве килограмм сдал сверх плана? За твою плату! Ни в жизнь! Все в город — за деньги! Хочешь не хочешь, а покупать будут! Благодарить будут, слышишь, ну?

— Спичку не зароните. Шли бы в избу, — говорила жена пасечника, стоя в дверях и глядя на плачущего мужа.

Замახиваясь на кого-то невидимо, ворочая безногим туловищем, пасечник повез рукавом по верстаку и уронил стакан. Арканя тоже махал руками, и Пикалов тоже начал махать. Они смутно пришли к общему согласию, и каждый считал, что именно он прав и все с ним согласился в чем-то важном. Арканя объяснил жене пасечника:

— В город бы вас, на комбинат. С магазина попитаться. Надо уметь вернуться. Учи вас, долбаков деревенских! Отделение-е! Слушай мою команду!

— Стакан мягко подпрыгивал в стружке, катался под ногами...

Дымка упиралась, когда ее на ве-

ревке-удавке затаскивали в лодку. Арканя тянул, Пикалов толкал сапогом сзади. Потом они плыли вниз по Шунгулешу, Пикалов все пытался завести мотор, но у него не получалось. Плыть вниз можно было и без мотора. Шунгулеш — быстрая река. В лодке они запели песни. Дымка смотрела назад, пока ее везли в лодке, нарыскивалась прыгнуть за борт. Подплывали к селу, и Дымка стала смотреть вперед, навстречу доносившемуся по воде чужому собачьему лаю...

Лес в темноте осенней светился по берегам, светились в основном березы и осины, редкие, вперед других скисшие лиственницы. Еще не сильно было темно, а так, сумеречно.

2

Утром Арканя проснулся тяжело, — с годами стал болеть на похмелье, — пошел проверить собаку, которую привязал ночью в стайке. Вчера она укусила кого-то, то ли его, Арканю, то ли Пикалова, — Арканя вспомнить не мог, — но укусила. Собака показалась сильно маленькой. Брюхо у нее было заметно отвисшее. Даже сильно отвисшее. На промысле оценится. Арканя принес ей вареной картошки и половину хлебного кирпичка. Дымка не ела и от нового хозяина отворачивалась. Лапки, ошибочно показавшиеся Аркане при первом взгляде разношенными, были хорошими комочками, только женски длинноват был следок. Вполне хорошие лапки.

— Собачку мы с тобой зряшную сватали, — сказал Арканя не то, что думал.

— А ты чего хотел перед промыслом?

— Да я так просто. С пузом ишо. Дам сапогом, высыпятся!

— Не-е, это нельзя. Она совсем тогда не согдится.

Они с Пикаловым решили, что надо искать еще одну собачку для страховки. Какую ни на есть. Бывает, возмется за соболя и вообще какая-никакая дрянь. Всю жизнь под воротами пролежит, а потом раз — и на тебе! — пошла соболей ловить. Таких историй они рассказывали друг другу несколько и, убедившись в своей правоте, пошли думать со знакомыми мужиками в деревню.

Арканя был действительно озабочен второй собачкой и поэтому к разговорам относился серьезно, пил поменьше и соображал, как бы обмануть какого раззяву-охотника да купить у него принародно за хорошие деньги собаку. Это случалось в Арканиной биографии. Это, говоря прямо, был его коронный номер. Выпьет охотник — море по колено, тут его и начинай вертеть. Особенно ловко выходило, если вдвоем, если напарник подпекает. Опомниться не успеет охотник — деньги у него в кармане, собачка в чужих руках. Все при свидетелях, никакого мошенства. И чем больше уплачено, тем дело честнее. Плачет иной наутро, — а чего ты, ворона, вчера

куражился?

— Дворового купи, — в шутку предлагали мужики, но Арканя не обижался.

Вечером в каких-то гостях, уже по избам гулянка пошла, потребсоюзский шофер предложил Аркане своего дворового кобелька: дескать, есть надежда, что в нем талант проявится, потому что одним боком кобелек произошел от известной в недалеком прошлом по Шунгулешу сучки Альмы. Сам хозяин его не пробовал, а держал во дворе.

Кобелек толковый, понятливый, правда, во все драки завсегда лезет, и посейчас у него лоб распластан, отец у Верного (так звали кобелька) был драчун известный, шеленковский лобазный кобель. Верный и характером пал от отца, — но мать его, Альма, сука добрая была. Ее брали на медведей, на сохатых, соболей она тоже хорошо находила. На морде у сохатого Альма и погибла.

Шофер на охоту не ходил из-за лени и огромного брюха, он и за столом-то сидел боком, и руль брюхом приваливал, когда закуривал в машине на ходу.

Арканя про себя потихоньку соображал, что вот если купить кобелька по дешевле, как бы по пьяному делу, то он немного потеряет. Деньги, оставшиеся от продуктов, он все равно пропьет — тридцать рублей, не брать же их с собой в тайгу, для вертолета деньги под плексигласом лежат неприкосновенно. Чего ж еще? Все собака. Не хрен с маслом. Деньгам один конец. Вот если он их сейчас отдаст шоферу, то деньги эти, при умном поведении, все-таки будут совместно пропиты. Не понесет же их такой солидный, самостоятельный мужик — с таким-то брюхом — под зеркало! На месте расстреляет! (Но в таком рассуждении Арканя дал просчет, потому что в этой

деревне пропивали мужики от десятки вниз, а от десятки вверх клали под зеркало.)

Кобель был рыжий, крупный, мясистый (мясо не картина — сойдет), не сказать чтобы дурного сложения, локотки разве сильно разведены да хвост дворняжий, провисает меж ног, но глаза у него были умные, воровские, челюсть бульдожья, а грудина широкая. По глазам кобелек, хоть особых надежд на него возлагать не приходилось.

— Ты чо, тятя, пьяный? — удивленно спрашивала девочка шофера, когда отец вытаскивал на улицу — в дом Арканю с Пикалевым не приглашал — за цепь упиравшегося кобелька. Присутствующие посмеялись. Верному надели на шею веревку (цепь Аркане была не нужна, хотя хорошая, самокованная), привязали к заплоту. Девочка поняла, что Верного продали, заплакала, стала просить отца. Вышла хозяйка, пристыдила мужа, что из-под цепи собаку продал, смехом будто бы, отдал ей тридцатку, но не шутя, а совсем отдал, со словами: «Бери-ка, Алевтина, Верный у нас поросенком отелится!»

Девочка шоферская плакала, убивалась, бежала следом, целовала Верного в морду. Аркане стало жаль девочку, сказал, что ничего, Верному хорошо будет: «Мы с ним в лес пойдем, соболей ловить будем!»

— Соболей, — усмехнулся Пикалов, которому было жаль общего дела денег, — в самом лучшем случае рагу из него получится. На нем мяса, как на телке!

Лет Верному было около трех — четырех, шофер и его жена развошлись во мнении по этому поводу. Он говорил, что сначала стайку построили новую для коровы и телка, потом Верный появился, а она, призывая в свидетели отсутствующих своих родителей, припоминая, сколько она слез про-

лила, пока заставила мужа делать новую стайку, доказывала, явился за год до этого счастливого события. Стайка, выходящая задом на перекопанный огород, была теплая, с сенником, срублена она была из старой бани с добавкой новых хороших бревен на нижние венцы. А три — четыре года для кобелька — это такое время, когда изменения еще могут произойти, может, и толк в нем окажется. Кобельки против сук запаздывают на полгода-год в своем развитии.

3

Поблескивала на дне леса Нерка — приток Шунгулеша, — отражая случайно пробившиеся сквозь таежную темень солнечные лучи, поблескивали кое-где болотинки, озерки. Арканя сверху жадно схватывал, запоминал тайгу, широко открывшуюся ему: там гарь, поворот река делает, там болото, там россыпи, вот он, почти рядом, голец...

До Фартового не долетели, покружили где-то над ним и вернулись на гарь, километрах в пяти, очень густо было для посадки — кедрач, ельник, плотная сильная старая тайга с буреломом и валежником. На гари трава, пышно разросшаяся за лето, сжалась, спеклась, укутала колодины, полегла, причесанная и зализанная ливнями. В ямках стояла вода и зеркально вспыхивала. Арканя махнул летчику: «Давай тут». Все равно, подумал он, перетащусь, если найду жильё на Фартовом, а если не найду, если погнили и погорели зимовья, здесь и балаган сочно, на краешке гари.

Чувствовалось сверху пространство свободной, незанятой тайги. Сколько ее пустует из-года в год! Кто здесь последний охотился? А освоенная тайга — тесней год от года, и площадь ее сокращается. Ближние удобные тайги дорожают, из-за них и охотники спорятся, их и рубят в первую очередь, их и переопромышляют. Трещат доступные тайги от охотников! А здесь — во! И все оттого, что как будто всем все равно. Не мое, даже не наше! Все, что встретил, — мое, сегодня возьму все, что смогу взять, а то завтра другой возьмет. Любой бродяга — с договором, без договора — приходи, черпай до дна! Как Мамай. Да что бродяга, бич, сезонник! Мелочь какая-нибудь bestолковая, туристишка, забредет и спалит все дотла. Ничья тайга...

Волновала Арканю тайга, расстилавшаяся внизу бесхозно: хоть вверх по хребтам, хоть вниз по урманам, по перевалам — все твое! Успевай, Арканя!

Вертолетчик равнодушно взял пригтовленную четвертными сотню.

— Ни пуха, ни пера! Так, что ли, у вас говорят?

Завертелся как дух и полетел в своей ступе над тайгой. Вертолетчик сильно рисковал, забрасывая Арканю, а охотник уважал риск во всем: будь он вертолетчиком, тоже не ленился бы, а калым сшибал.

Собаки разбрелись по гари, нюхали, смотрели.

Арканя строил план, как искать зимовье. Сидя на горелой валежине, — теперь уже не важно, чистые, не важно, в саже его штаны, — шарил взглядом по сопкам, свыкаясь с новой этой землей, с этими, по слухам, сказочно богатыми местами, про которые он давно уже, несколько лет как мечтал и в которые наконец забрался и где он теперь, на этот только сезон, хозяин.

Барахла было два тючка легких, — продуктов, раззява, опять недобрал. «Зато нести легче, — подумал Арканя о продуктах. — Ничего! Зверька завалим рогатого, строганину будем есть».

Судя по карте-синьке, идти следовало вниз, за маленький перевальчик, и если там будет ключ, то, значит, Фартовый, а если ключ будет справа, на той стороне Нерки, то, значит, летчик — долбак, значит, далеко сели, и будут идти один за другим Малый и Большой Верблюды, а выше их маленький ручей со славным именем Болонгуй.

Арканя достал из мешка топор и ружье, которое сразу собрал и зарядил. Ружье было не очень подходящее, но счастливое, «зимсон» шестнадцатого калибра, с вынутыми за ненадобностью и экономией эжекторами. Вот с топором он сплеховал и сейчас уже об этом пожалел — башка у топорика болтается. Пьянствовал, а надо было о топорике позаботиться. Когда-нибудь застынет как пес, и все из-за беспечной лени, халатности и излишней смелости — «авось не пропаду».

Пока что действительно не пропадал. А возможно, и будут гнить в тайге его косточки, мышки обточат, дождички обмоют, травка прорастет, никто не найдет. На вертолете — не на спине, взять надо было у Пикалова большой топор, у него их вон сколько. Хоть бы тот, который в сарае лежал, в дровах. Если сломается эта тонковатая ручка, то куковать ему да куковать.

Захватив с собою немного продуктов, Арканя сделал, как решил: одолел перевальчик, спустился и внизу увидел ключ слева, как и положено было по карте и по предположениям, а самое главное, по чутью, на которое Арканя единственно и в жизни, и в тайге полагался. Значит, Фартовый.

По ключу Арканя и повернул вверх, сделав, от греха, затес на том месте, где надо было поворачивать на гать, к вешам. Хотелось Аркане найти старье зимовья, хоть они и погнили, разумеется, но он был не против и не сильно развалившегося барака, хоть его и не натопишь. В таком бараке всегда пила найдется списанная, топоры брошенные. А если раскольниковое зимовье искать, то смотреть надо в отнорочках, пазушках, в щелочках каких-нибудь, в распадочках боковых, неожиданных, они свои зимовья прятали.

Набрел Арканя на старый затес, заплывший на широком боку кедра, —

значит, направление у него правильное, и пошел веселее. Потом второй затес, — совсем правильно: тропы ближе к зимовью стягиваются со всей тайги в пучок, в фокус.

Кто-то не из больших охотников орудовал здесь, если затесы ему были нужны частые. Не иначе — геологи. Настоящий охотник для мальца или для женщины затесы делать будет тоже. Геологи, вернее всего, те ходят — тропы тешут.

Внизу идти было сильно мокро. Вода сочилась по всему дну распадка, и там, где виднелась старая тропа, было мокро совсем — значит, это только зимняя тропа, и выше по склону должна оказаться тропа сухая, летняя. Что бы не путаться и время не проводить, Арканя шел все низом, низом. Бродил он в рабочих казенных башмаках, взятых для зимовья на смену, у него в запасе были белой резины японские сапоги — «ботфорты», на которые теперь пошла мода: ходят в них в тайгу хоть зимой, хоть летом, махнув рукой на ревматизм. А для зимы у него была ценная вещь — полудомашние ичиги. Сделал ему их один случайный старичок. Им уже третий сезон, только промокать начали подшитыми стельками. Хорошей кожи не нашел, пришлось фабричную ставить, и осюзил фабричной кожей (а то бы горя горького не знал про резиновые сапоги).

Нынче сибирские охотники домашнего производства ичиги давно уже не делают, поразучились. Сначала поступали фабричные, потом и фабричные кончились. Кто же будет делать уродливые право-левые, лево-правые ичиги за девятнадцать рублей? Да и не нужны такие никому. Кожа не та. И бродни плохие. Кожу делают для городской носки, другим способом, чем раньше в деревне, химия другая, вот и промокают. А собрать бы старичков, кто помнит, научить молодых, артель организовать. Десять стариков десять деревень обули бы таежной обувью. Перешли на резинки!.. Ревматизм от них только. Старики вот перемрут, как с броднями тогда быть?

Зимовье Арканя просто почувствовал. Остановился и почувствовал. Вот если бы он не был слесарь — золотые руки на химкомбинате, а был бы штатный охотник, — конечно, кабы контора по живой цене принимала пушнину, — тут бы, на Фартовом, и была его тайга, именно здесь бы поставил свою главную базу. На излучине этой. Сделал переход через ручей. Пробил бы круги плашкина, кругов пять-шесть по сотне ловушек. Тут как раз похоже на лужок, коню сена накосить летом. Епифанов-балагур говорит: «Одному коню горстям нарву». Зачем «горстям», литовочку бы занес. Для зимовья место удобное, сухое, и вода рядом. Кедрач кругом отличный, не молодой, не старый, самый колотун, шишки на нем висят, как гранаты-лимонки. Баню бы поставил! Не чета местным долбакам, сладосты не понимают, по сезону не моются. Да у них

и стимула нет, при обезличке угондй, — построишь, а участок как раз и передадут Федьке. Будет он париться да смеяться: спасибо, мол, друг, хорошая баня!..

Зимовье тут и стояло. Тропки к зимовью, то есть к геологическому бараку, конечно, через рощу стекались, заросшие. Пять на пять — гараж! Труба буровая на фундаменте. В трубу сена пищухи натаскали, им, пищухам, все равно. Упавшая сосна, криво зарубленная, женная с этого же боку: смола накопилась, а дурачок какой-то поджигал, баловался; упала от бури, зацепила, сдвинула крышу. Щепа побурела уже. Стекла же остались целы, и только двери не было. Внутри сырость, и в нескольких местах стены белели плесенью, зияли щелями. Печка совсем прогоревшая, но был очаг и выходное отверстие в стене — «лебальник» — для дыма. Очаг был большой. Жег тут сторож Орлов целые лесины, не ленился таскать. «Вот только кто-то дверь снес. И кто это насвинячил?!» — с обидой думал Арканя, радуясь в то же время, что не надо строить балаган, что не придется дрогнуть ночами на морозе, не придется сезон вертеться по собачьим клубочкам под тентом, который он на всякий случай приволок. Дворец! Дверь сделать — полдня делов, вон нары на десятерых, половину разобрать на дверь, гвозди вынуть. Петли от сожженной каким-то проходцем-туристом двери Арканя нашел в костерике, они были словно из музея, истлевшие, но в дело годились.

Арканя натаскал сушняка, разжег его на очаге, набил им печку полняком и на четвереньках выполз из-под дыма на улицу — дым валил из всех щелей. Пусть сохнет, а он побегал за мешками.

Дымка встретила на дороге. Потом за кустами мелькнул и Верный. Они пришли к Аркане на службу. Другого человека, получше, они не нашли, сколько ни искали.

Мешки Арканя потащил сразу оба, чтобы зараз отпотеть, устроиться и вступить во владение. Где-то недалеко вроде бы влязала собака. Аркане было тяжело, отдыхал он через каждый километр и думал при этом: на кого же лают собаки?

Лес был разноцветный, прохладный по-осеннему и по-осеннему солнечный. В заводах ручья было набито листьев и хвои. Плавильсь маленькие ленки, гонявшие в ручье харьюзков. Рябчики встречались и на том пути и на обратном метались. Прошумел где-то глухарь. Хлоп-хлоп крыльями, хлоп-хлоп. Было два следа изюбровых на мокрой тропе, по болоту виден был след сохатого. Но это все, конечно, не занимало Арканю, беспокоил его собачий лай.

Верный тоже через время голос подал, толстый голос, грубый, отрывистый. Хоть голос хороший, и то ладно, на такой километра за четыре зимой идти можно. Дымка лаяла заливиисто, страдательно.

В барак Арканя притащился затемно,

ноги после городского безделья дрожали, пиджак промок по всей спине. С темной наступил сильный холод, от травы встал пар. В бараке пахло грибами, было сыро еще, и ночевать в нем Арканя не решился, стал ладить костерок. Устроивши ночлег и навалив дров в очаг, чтобы и ночью барак сушился, Арканя попил чаю у костра, покурил хорошо да так и заснул от усталости первого дня сидя. Время от времени он просыпался, взбадривал костерок, смотрел на малознакомых собак, на индевеющую под луной тайгу и снова засыпал, кутаясь в курмушку и в железный брезент.

Много таких Арканей дремало сейчас у костериков на просторах остекленевшей тайги Саян, Бурятии, Якутии, Эвенкии, Иркутской, Красноярской, Хабаровской области. Остывало, простуживалось, дышало дымом чужих зимовий. Все эти сезонники-любители имеют одну общую черту — удивительную приспособляемость, способность переносить наравне с четвероногими все трудности таежного доисторического быта, способность мерзнуть и голодать, способность бежать весь день и не помереть, лежать под снегом сутки, способность слышать и видеть, как зверь, и обмануть зверя, как человек. Они плохо оснащены сравнительно с профессиональными штатными охотниками (хотя штатные тоже наполовину неотличимы от любителя), не имеют своей, за долгие годы оборудованной тайги (у настоящих профессионалов тайга оборудована и превращена почти в цех, в огород) и уж, разумеется, не имеют никаких гарантий. Оттого и пушнина идет налево.

Скоро, скоро закипит тайга...

Арканя не самый худой человек на сибирских просторах, хоть разумеется, далеко и не лучший. И у него имеется надежное местечко, куда он пушнину понесет. А рублей на триста — четыреста, для отвода глаз, сдаст в контору промхоза: надо выпить-закусить, надо оставить после себя квитанции. Сдаст всю белку да несколько соболишек — вот неудача, всего и добыл для вас, товарищи!

4

Солнце вставало не по-городскому, медленно.

Арканя дрожал спросонья от сырого, мозглого холода. Быстро раскопегарил костерок, размялся, пробежав по стеклянной траве за водой, с ледяными пленочками принес котелок, протянул руки к огню и удивительно быстро и радостно очнулся, огляделся и повеселел.

Повставали и собаки, смотрели, ждали харчевку. За спиной зияла теплая дыра барака, свистели синицы на кедре над головой, на вершинах деревьев на восточном склоне Фартового ручья, о котором Арканя мечтал на перекурах и пересменках за домино, лежала, прожигая и плавя под собою землю, большая — больше солпки — половинка солпка.

Арканя перекусил, покормил хлебом

собак и взялся ладить дверь, отвалив доски от нар. Барак он опять затопил, побрызгал, подмел. Траву, пролежавшую на нарах неизвестно сколько лет, вытащил и сжег вместе с нашедшимися тут гнилыми портянками и дырвыми носками. Под травой оказались журналы и газеты, он отложил их до лучших времен. У родника нашел вкопанную косо в склон трубу, из которой бежала вода особого вкуса. Воду эту Арканя, полагая, что она полезная, и стал пить.

В обед он прорубил в новой двери пазы для шипов-поперечин и осталось только насадить дверь, когда раздался недалеко совсем звонкий, с заливавшимися на высокие нотах выглизывыми концами голос Дымки. Сердце у Аркани заходило, как рыба на крючке.

Дымка лаяла на белку, конечно, а не на соболя. Верный ходил вокруг дурачком, время от времени взлаивал, смотрел на дело со стороны. Арканя, похваливая собаку, выстрелил. Верный, чему Арканя очень обрадовался, не испугался выстрела, а, наоборот, озлобился и кинулся к медленно падавшей сквозь ветви белке. Он даже закусить ее хотел, но Дымка взвизгнула и ударила его по загривку верхними клыками. Верный отпрянул, не заворчал, присел и, как показало Аркане, сразу все понял в охоте. В повадке Дымки видна была собака характерная. Быстро обрезав лапки, отметил про себя, выходная, — разрубил на валежине теплую тушку ножом, кинул задок Дымке, передок Верному. Цепной пес схамал на лету, а Дымка для приличия подержала в зубах, вывалила в траву, отошла.

Дымка была охотничьей собакой, и белок ей всегда варили, из уважения.

— Фу-ты, ну-ты! — засмеялся Арканя. — Гордая, значит? Нау-у-чим!

Зимовье Арканя оборудовал прекрасно. Он даже законопатил щели мхом, вспоминая при этом, как за таким же занятием — за собиранием мха — одного из братьев Игнатьевых задавил медведь, пока старший брат отлучался на минутку. Старший брат подскочил и стрелил медведя наповал, но было поздно. Стол Арканя вымыл, выскреб, размел от порога дорожку шагов на пять, вырубил корытце собачкам из колодины, чтобы пища дольше не замерзала. В журнале нашлась репродукция — женщина, белая, полная, даже розовая, будто распаренная, сидит в газовом платочке, а возле нее негритенок стоит на коленях. Женщину щепочками к стене над столом приспособил и поглядывал.

Вечером было уже три белочки, добытых между делом около зимовья. Все три были выкунявшими — готовыми, а это Арканя считал признаком близкого снега.

Теперь сидел он, наслаждаясь тишиной теплого вечера, последних теплых деньков, планировал, в какую сторону идти-подаваться, откуда начать блицтурнир. Решил Арканя быстро, стремительно взять все, что можно, и

встретить снег полным мешком пушнины...

Каждый год у него делится на приидуловку-работу — комбинат — и на праздник — азартную, как карточная игра, выгодно-доходную и в то же время радостную охоту, в которой и труд, и свобода Арканиного характера сливаются в одно, во что-то третье, среднее между ними. Но охотники зарабатывают два-три месяца в году, остальное время зубы ихние хранятся на полке, или труд их разливается куда-нибудь на погрузку-выгрузку, в истопничество какое-нибудь, известь какую-нибудь жгут, черт знает чем занимаются. На комбинате же, с премиями, двести у Аркани твердых, всегда и по гроб жизни. Поневоле пойдешь обратно в цех.

Каждый раз на выходе из тайги Аркане кажется, что последний раз он был на охоте. Случись, изменится положение на комбинате, текучка прекратится — все, не рискнет Арканя уходить да и стаж прерывистый может плохо сказаться на пенсии, договорная промхозовская бумага — надежда плохая.

Эту ночь Арканя ночевал в зимовье, дверь подогнал хорошо, ручку сделал из сучка. Слушал маленький транзистор, глядел в огонь и мечтал, мечтал... Нюра сейчас, наверное, спит, раскинулась, халат у нее нейлоновый, такого заманчивого цвета — розовый, стеганый. Добрая баба. Девушкой досталась Аркане. Он и бросал ее, другими увлекался, но вернулся к ней все же, такая она вроде бы и безответная, а тянет как магнитом, надежная жена, из колонии ждала, из армии ждала, письма писала. Кольку родила. До самой больницы по дому летала, прямо от печки увезли, два раза охнула — парня родила на четыре кило. Чтобы по пиджакам получку шарить, чтобы упрекнуть когда выпившего?! Знала, что если выпил Арканя, значит, надо было; если денег мало принес, значит, надо было; если друзей привел — молча собери на стол, стаканы подай, улыбнись, пригуби, в разговоры не свои не мешайся.

Особо красивая Нюра была, когда Кольку родила, — пышная, белая. Кольку кормила — проснется ночью, глаза закрыты, лампу включит. Кольку приложит к груди и сама опять спит, а малый наестся до отрыжки и тоже спит. Тогда надо Аркане вставить, сцену эту демонтировать. Очень он боялся, что она со сна мальчишку задавит, и доглядывал, тоже просыпался. Кольку в кровать, и Нюру в кровать. Тогда он еще пол в старой хате не перестилал, и понизу несло холодом, снежинка упадет у порога и не тает всю ночь. Ноги у Нюры заледенеют, бывало.

Вот за эту свою жизнь Арканя мог и в хлор полезть, и в любую другую аварийную обстановку, мог и по хребтам пластаться, замерзать и мокнуть, и на пушнине рисковать...

Окончание следует

Наедине с тигром

Произошел этот удивительный и уникальный случай, свидетелем которого я был, во время одного из моих походов по дебрям Уссурийской тайги. Жил я в то время в небольшом поселке Каменушка, расположенном среди высоких сопок, на слиянии двух стремительных речек с красивыми названиями — Супутинка и Волха. Сопки были вечнозелеными от смешанной кедрово-пихтовой и широколиственной могучей тайги. И хотя хвойные деревья не являются преобладающими среди обильного разнообразия широколиственных пород, именно они создают постоянно зеленый фон сопки. В один из последних декабрьских дней я рано утром вышел из дома и, перейдя через еще не замерзший ключ, сразу поднялся на сопку. Не торопясь, пошел по ее гребню. Мне очень нравится ходить по гребням сопки, поскольку здесь нет таких зарослей, какие часто встречаются на склонах. Особенно непроходимые заросли — напротив скал, ниже которых попадают осыпи из больших и малых скальных обломков. Кустарник на этих осыпях самый разнообразный. Здесь и лещина, и колючий элеутерококк — родственник знаменитого женьшеня, и амурский рододендрон, и барбарис, и множество других кустарников. Все это обвито лианами винограда, китайского лимонника, кишмиша, которые, не имея возможности тянуться вверх, оплели кустарник вдоль и поперек по горизонтали. Крупных деревьев на этих осыпях почти нет. Когда продираешься через такую чащобу, то часто проваливаешься в глубокие щели и трещины среди скальных обломков, а если будешь хвататься за все кусты подряд, очень скоро в ладонях окажется неисчислимое количество аралиевых и элеутерококковых колючек. Кроме того, склоны сопки изрезаны ущельями с очень крутыми откосами. А когда идешь по гребням сопки, то преграждают путь иногда лишь только огромные валуны и поваленные бурями гигантские деревья, которые, падая, вывернули из земли всю свою неглубокую корневую систему, образуя среди тайги высокие стены. Но более всего удивительно в Уссурийской тайге то, что многие стволы деревьев обви-

ты, как сказочными драконами, толстыми, до 20 сантиметров в диаметре, лианами, добирающимися до самых верхушек лесных исполинов, к солнцу. А если эти деревья — кедры, то в их кронах среди больших рыжих шишек виднеются и черные кисти винограда.

К тому времени, как рассвело, я прошел несколько километров и вышел к ключу Безымянному, который всегда манил меня своей буйной красотой и мощью. Легкий утренний морозец и неглубокий снег делали мою охотничью прогулку особенно приятной.

Я не ставил перед собой цель убить кабана или кого-то еще, а шел по таежным дебрям, любуясь ими. Очень часто во время охоты я был просто не в силах оборвать жизнь зверя выстрелом из ружья, хотя стреляю довольно хорошо. Если я «тропил» следы кабаньего стада и подходил к ним вплотную, а это очень легко делается при некоторой охотничьей сноровке, то, наблюдая несколько минут за пасущимися кабанями, уже не снимал ружье с плеча, так как успевал за это время привыкнуть к ним. А по кабанам бегущим и неожиданно появившимся всегда стреляю с большим азартом. При утреннем свете я видел на снегу много разнообразных следов, но мне нужны были именно кабаньи следы, на них я в очень скором времени и вышел.

Стадо было большое. В нем, кроме поросят-сеголеток и годовалых подсвинков, было несколько взрослых свиной и кабанов. Замыкающим шел матерый секач, следы которого были не меньше следов быка. Продвигаясь через кедрчак, свиньи поедали лежащие на снегу кедровые шишки и без труда вспахивали еще не очень промерзшую землю, находя вкусные корешки и личинки насекомых. Примерно через километр стадо перевалило хребет и оказалось у ключа Партизанского, а пройдя вниз по склону, кабаньи направлялись по кедровнику вдоль реки Волха. Мне уже видны были снующие между деревьями кабаны, но тут они скрылись за большим отрогом, и буквально через минуту после этого я услышал три выстрела, а секунд через 20 — еще пять выстрелов подряд.

Выйдя за отрог, я увидел троих человек, которые, стащив в одно место двух убитых кабанов, восторженно радовались неожиданной удаче. Их ружья стояли прислоненными к стволу березы метрах в двенадцати. Одного из охотников я немного знал. Звали его Николаем. Он и еще один мужчина были примерно моего возраста, третий — парень лет двадцати пяти. Николай стал рассказывать, что произошло.

Продвигаясь цепью по склону сопки метрах в 50 друг от друга, они увидели стадо кабанов. Когда те приблизились, Николай со старшим напарником тремя выстрелами убили двух трехлеток. Их молодой спутник стрелял по самому крупному секачу. Не убил, конечно, только тяжело ранил. Охотники стали делить добычу на четверых, то есть и мне тоже причиталась доля по законам таежных охотников. Но я от своей доли отказался, поскольку решил пойти по следу раненого секача и, если он действительно серьезно ранен, добыть его. Надо сказать, что идти за раненым секачем очень опасно, даже бывалые охотники не решаются на это.

Попрошавшись, я отправился по следам парня к тому месту, откуда он стрелял в секача, и затем пошел по следам раненого гиганта. Метров через сто появились крупные капли крови, а еще дальше — кровавая пена. Это говорило о том, что кабан ранен в легкие. Промчавшись метров триста большими прыжками под вершиной сопки Партизанской, кабан перевалил хребет и, оказавшись около Китайского ключа, продолжил путь уже рысью, не сделав при этом ни одной остановки. Еще через триста метров он остановился и начал глотать снег, роняя ключья кровавой пены и разбрызгивая кровь из раны. Дальше секач побрел шагом, и тут я увидел, что к его следу присоединился след тигра. След тигра-самца отличается от следа самки более квадратной пяткой и более массивными подушечками на пальцах. Судя по величине следов, тигру было не более пяти лет, а его вес едва ли превышал двести килограммов.

При встречах со старыми секачами даже более крупные тигры не нападают на них, и я был уверен, что через некоторое время тигр уйдет в сторону. Но он упорно продолжал продвигаться по следам кабана. Тот, видимо, услы-

шал или увидел тигра и снова перешел на прыжки. Тигр продолжал преследование ровным шагом, но близость раненого кабана уже начала действовать на него, подогревая охотничий инстинкт. На отпечатках передних лап тигра стали появляться следы огромных когтей.

Господи! Неужели он действительно решил напасть на этого гиганта, чей вес намного превышает его собственный? Ведь это не корова и не лошадь, а свирепый, чудовищной силы зверь с огромными клыками в огромной пасти. И убегает он до тех пор, пока не поймет, что это бесполезно, а после этого сам, возможно, перейдет в нападение. Может, тигр решил просто поиграть с кабаном? В одном я был уверен: хоть его и раззадорил свежий запах крови, свои силы тигр явно переоценивает.

Кабан снова перешел с прыжков на спокойный шаг и завернул в большое скалистое урочище с еще не замерзшим ключом. Подойдя к ключу, кабан попил воды и направился вглубь урочища, обходя лежащие на земле кедры и другие деревья и тараня густые колючие кусты, которые тигр, конечно, обходил.

Откосы этого урочища становились все круче и круче. Я уже знал, что кровавая развязка близка, и решил, пока не поздно, вскарабкаться хоть на небольшую высоту правого склона. Цепляясь руками за кусты и деревья, я вскоре оказался на небольшой террасе. И тут впереди раздался такой жуткий и оглушительный рев тигра и хриплый кабана, что я невольно спрятался за ствол могучего кедра. Но быстро пришел в себя и начал продвигаться по терраске вперед, чтобы не упустить редчайшее зрелище — битву таежных исполинов. Рев зверей прекратился, и было слышно только грозное пыхтение секача, отбившего первую атаку тигра. Я тоже остановился, так как до места сражения осталось не более пятидесяти метров. К грозному сопению кабана добавилось отрывистое рывканье тигра, который, видимо, готовился к новой атаке. Я решил воспользоваться этим моментом и подойти ближе. Тихо продвигаясь от дерева к дереву, я оказался напротив потерявших осторожность зверей, не более чем в двадцати пяти метрах от них, и, сняв с плеч рюкзак, осторожно положил его на снег. Теперь можно было спокойно наблюдать за происходящим.

Звери находились на каменистой площадке, которая нависала над расщелиной между скалами глубиной метра четыре и шириной около десяти. Оттуда же брал свое начало ключ. Кабан стоял, прижавшись задом к скале, под нависшим над ним камнем. Место для отражения атак тигра было выбрано идеально. Именно этот нависающий над кабаном камень не давал тигру возможности прыгнуть на огромную кабанью спину со вздыбившейся от ушей до хвоста жесткой щетиной. Первый раунд не прошел бесследно для обоих.

У пыхтевшего под скалой кабана по всей морде были кровоточащие раны. Возле левой лопатки вырван большой кусок, который, будучи не совсем оторванным, шевелился в такт дыханию могучего вепря, щелкавшего огромными клыками и ронявшего на снег клочья кровавой пены.

Тигр, вздыбивший свой роскошный зимний наряд вокруг головы и всего туловища с хвостом, приоткрыв ощерившуюся пасть и прижав к затылку уши, продолжал рывкать и кружить на полусогнутых лапах по площадке, выбирая миг для новой атаки. Он немного прихрамывал, и на его правом плече была отчетливо видна рваная рана от кабаньих клыков. Время от времени тигр делал резкие выпады в сторону кабана и даже доставал своими мощными передними лапами длинную кабанью морду, нанося вепрю новые кровавые раны.

В ответ на эти удары кабан также делал короткие молниеносные броски навстречу тигру и мгновенно отступал на свое место.

Мои симпатии были на стороне молодого отчаянного красавца, хотя было жаль и кабана. Тем более, что шансы выжить у него после пулевого ранения в легкое равнялись нулю. Ведь внутреннее кровоизлияние давно началось, и держался он сейчас только на ярости и страстном желании жить. В отличие от тяжелого, хриплого дыхания раненого секача дыхание тигра, несмотря на серьезную рану в плече, было ровным.

После очередного удара тигриной лапы кабан ухнул и, бросившись на тигра, попытался ударить его своими клыками, но противник, молниеносно отпрыгнув, тут же оказался у него на плечах и с ревом начал рвать секача своими страшными когтями и клыками.

Кабан, рыча, бросился назад к скале и попытался ударить об нее тигра, но тот сумел перед самой скалой отпрыгнуть назад, и кабан сам ударился правым плечом и боком, но выдержал этот удар и развернулся к тигру грудью, яростно скрежеща и щелкая клыками.

Его вид был страшен. Из огромной пасти хлопьями летела кровавая пена, с длинной морды свисала сорванная шкура, а левое ухо было вообще вырвано до основания.

Глядя на искалеченного вепря, я решил вмешаться и выстрелом из ружья прекратить его мучения. Однако было одно «но»! Судя по новым ранам на плечах и туловище тигра и по тому, как он стоял теперь на одном месте и яростно ревел, я размышлял: «А как он отреагирует на ружейный выстрел, и не спровоцирую ли я его этим выстрелом напасть на меня? И даже если он не нападет, то уж наверняка уйдет с этого места от кабаньей туши, которая ему сейчас очень нужна. Ведь охотиться с такими ранами он еще не скоро сможет».

Но жизнь внесла свои коррективы. Тигр неожиданно бросился к секачу, со страшной силой ударил его обеими передними лапами по бокам головы и, рванувшись назад, вырвал кабана из ниши и выбросил его на площадку, одновременно набросившись на поверженного гиганта с целью поставить последнюю точку в этой затянувшейся смертельной схватке.

Кто не видел диких кабанов на воле, тот даже не представляет, какой удивительной реакцией и ловкостью обладают эти могучие звери. Тяжело раненный человеком, искалеченный тигром секач сумел увернуться от его объятий и сам напал, злобно урча, на гигантскую полосатую кошку. Полоснуг тигра своими клыками и одновременно ударив, кабан сумел сбить его на землю. Но тигр вскочил, с угрожающим ревом обхватил кабана всеми четырьмя лапами, и в этом страшном последнем объятии они оба покатались по площадке и упали с обрыва, с четырехметровой высоты.

Тигр при падении оказался снизу под огромной тушей кабана и после удара о землю остался лежать на месте падения, а секач, прокатившись еще несколько метров и, видимо, тоже изрядно оглушенный, поднялся и медленно направился к лежащему тигру.

Увидев это, я сразу понял, что останется от тигра через минуту, а потом все равно погибнет и кабан. Быстро подняв ружье, я прицелился в лопатку секача. Грохот выстрела разнесся по глухому урочищу. Кабан упал на землю, а тигр после выстрела приподнял голову, но, не сообразив, что произошло, посмотрел на бьющегося в агонии врага, с ревом вскочил и, схватив его клыками и лапами, стал швырять из стороны в сторону.

Воспользовавшись этой ситуацией, я потихоньку вскарабкался еще выше, посмотрел в последний раз на место битвы и, найдя пологий спуск, отправился по отрогу вниз к реке Волха, где, немного отдохнув и перекусив на берегу, пошел к дому.

Мое присутствие во время битвы и уход не остались незамеченными тигром, и он по-доброму оценил это при последующих наших встречах.

Две недели мои мысли были заняты раненым тигром. И вот в конце первой декады января я отправился в урочище, где произошло сражение. Подойдя к нему, я не стал заходить вдоль ключа, как ранее, когда шел по следам зверей, а поднялся к месту схватки по отрогу, поскольку была вероятность встречи с тигром.

За прошедший период снежный покров прибавился на несколько сантиметров, а выпал снег ровно сутки назад, что меня очень устраивало, так как легче было определить, там ли еще тигр. Осторожно подойдя к месту моего наблюдения за схваткой, я начал осматривать площадку, где произошла битва, и, не увидев на ней никаких следов, оглядел место, куда звери

упали с обрыва. Но и там не было ни следов, ни останков погибшего кабана, только множество следов колонков, которые исчезали где-то под обрывом. Я спустился на площадку и, подойдя к обрыву, посмотрел вниз. Но никаких крупных следов и признаков присутствия там тигра я не обнаружил. Затем я спустился в расщелину и увидел, что туша кабана была перетаскана тигром под нависшую над этим местом скалу, образовавшую глубокую нишу. Правда, от туши уже остались только голова, часть хребтины с мясом, нижние части ног с копытами и куски шкуры. Здесь же, в этой нише, чуть в стороне была лежка раненого тигра, в которой он находился около двух недель. Это подтверждалось обилием засохшей крови и клочьями пропитанной кровью тигриной шерсти, примерзшей к земле. Сама лежка была не только очищена от камней, но и немного углублена.

Убедившись в том, что мой тигр излечился от ран и благополучно покинул это место, я с чувством огромного удовлетворения отправился домой.

Прошло десять месяцев. В один из октябрьских дней я отправился на ключ Безымянный за лимонником, который к этому времени уже полностью созрел. Заодно решил заночевать около ключа, хотя и знал, что там находится логово спасенного мной тигра. Ружье в этот поход я не взял, имея при себе только охотничий нож в чехле. Лимонника и винограда на Безымянном очень много. Нарвав полный рюкзак лимонника и от души полакомившись виноградом, я остановился на ночевку в верховьях ключа.

Тайга здесь была по-настоящему первобытная. Исполинские кедры смешались с такими же исполинскими пихтами, березами всех видов, бархатными деревьями, имеющими настоящую пробковую кору, маньчжурскими орехами, черемухой Маака; волчьими ягодами очень любят лакомиться медведи и потому на этих деревьях имеется много гнезд из обломанных медведями веток.

Уютно расположившись и приготовив дрова для костра, я оборудовал под могучим кедром постель и начал читать детектив. Комаров и надоедливый гнус здесь, на возвышенных местах, было очень мало, и поэтому я чувствовал себя весьма комфортно. Когда начало темнеть, развел костер и продолжил чтение книги при его свете, иногда отвлекаясь на крики ночных птиц и с наслаждением слушая их. Особенно мне нравилось зловещее уханье и хохот филина, а еще звонкий крик каких-то ночных птиц, названия которых не знают даже старые охотники, но, как говорят орнитологи, это ширококрылая ночная кукушка, хотя я и не уверен в этом.

В том, что ночью меня проведает хозяин тайги и этого ключа, я не сомневался, так как почти во всех моих ночных походах по таежным дебрям тигры, по чьим владениям я ходил,

подходили ко мне почти вплотную и длительное время сопровождали.

Мое чтение прервали внезапный рев тигра, от которого, как говорят в народе, аж кедров гнутся, и жалобный короткий крик косули, его жертвы. Могучий хищник в момент нападения всегда издает такой грозный рев, который на мгновение парализует жертву. Произошло это не более чем в 150 метрах от меня. Когда я это услышал, то подумал, что после своей охоты тигр плотно поужинает и, наверное, не станет меня беспокоить. Но не прошло и часа, как в кустах раздался хруст сухих веток и шелест листьев, раздвигаемых зверем.

Страха я не испытывал, знал, что это обыкновенный светский визит, который продлится, вероятно, до самого утра. Но чувствовал себя не совсем уютно, хотя и был почему-то уверен в том, что тигр, обладающий необыкновенным умом (местные народности считают его божеством), наверняка каким-то образом знает о том, что я спас его.

Понаблюдав несколько минут за мной из кустов и убедившись по запахам в том, что я без ружья, тигр спокойно вышел на освещенную костром площадку и, повернувшись ко мне грудью, устремил на меня пронизывающий, гипнотический взгляд своих немигающих глаз. Во всем его величавом и грозном облике не чувствовалось никакой нервозности и злобы по отношению ко мне. Никаких рыков, никакого подергивания хвостом, абсолютное отсутствие агрессивности.

Окончательно убедившись в том, что мне не угрожает опасность, я спокойно обратился к тигру: «Добрый вечер, крестник. Ты, наверное, догадался о том, что это я тебя спас? Как твоё здоровье?» Огромный зверь с удивлением наклонил свою красивую голову и начал внимательно слушать восхваления в свой адрес. Через некоторое время тигр сел на задние лапы. Вся его огненно-черная фигура с узорчатыми иероглифами на лбу и широкой полосатой грудью излучала мир и спокойствие.

Между тем пламя костра начало потихоньку оседать, и я, успокоенный мирным поведением зверя, взял пучок сухих сучьев и положил в костер. Огонь с треском взметнулся вверх, а тигр, грозно рыкнув, резко встал. Кончик его длинного хвоста нервно прыгал из стороны в сторону.

Сердце мое замерло, а потом так заколотилось в груди, что даже дышать трудно стало. Я оцепенел, отделенный от тигра лишь большим пламенем костра. Нужно было что-то предпринять, чтобы успокоить могучего зверя, и я как ни в чем ни бывало стал продолжать свой монолог. Это действовало. Сначала прекратились нервные подергивания хвоста, а потом и глухое ворчание.

Источив запас своего красноречия, я стал читать ему детектив. Через некоторое время тигр прилег и, положив голо-

ву на передние лапы, продолжал наблюдение за мной лежа. Убаюканный моим тихим говором, он стал подремывать, а когда я прекратил чтение, снова вопросительно приподнял голову. Мне пришлось продолжать чтение книги.

Дрова в костре прогорели, и теперь я подкладывал новые сучья по одному, чтобы не нервировать зверя. Своим говором я убаюкал не только тигра, но и себя. Отклонившись назад, я лег на спину и почти сразу уснул. Не знаю, сколько проспал, но проснулся оттого, что продрог, и, приподнявшись, увидел, что последние угольки костра еле тлеют, почти прикрытые пеплом. Я не знал, здесь тигр или нет, поскольку вокруг была крошечная темнота.

Еще с вечера я приготовил пучок бересты и тонкие сухие ветки. Осторожно взял и положил все это на тлеющие угольки. Береста и тонкие сучья вспыхнули почти мгновенно, сразу осветив окрестности моего привала. Тигра на своем месте не было, а когда в костре весело затрещали уже большие сучки, я понял, что он ушел совсем.

Утром при свете дня я увидел отпечатки его огромных лап на песке рядом с тем местом, где была моя голова. Видимо, тигр подходил ко мне спящему и обнюхивал. Можно себе представить, что случилось бы, проснись я в это время. Он невольно ударил бы меня своей могучей лапой по лицу. А может, и не ударил бы, кто знает. В одном я теперь был твердо уверен: тигр знал меня как своего спасителя.

Прошло три года. На Безымянном ключе я больше не ночевал, хотя знал, что мой тигр продолжает жить в одном из его глухих урочищ. Когда я бродил по тайге, не обязательно на этом ключе, он всегда незаметно пристраивался ко мне в провожатые и доводил до самого поселка. Изредка я видел его темный силуэт во время моих коротких привалов, но близко он никогда не подходил.

Во время одной из охот я нашел возле безымянной речки место, где тигр убил пятилетнего изюбра. Здесь же лежали рога с пятью отростками на каждом, скрепленные оставшейся от черепа лобной частью. Повесив их на плечо, я вышел на тропу, поднимающуюся к хребту, и решил заглянуть на свой солонец. Положив рога на землю, я осторожно подошел к солонцу, а когда увидел, что он давно не посещается копытными, вернулся к оставленным рогам. Снова повесив их на левое плечо и пройдя несколько шагов, я неожиданно увидел метрах в сорока впереди на тропе оранжевую фигуру, чуть прикрытую наклонившейся с дерева веткой.

В этот период года оранжево-красный цвет бывает у изюбра, косуль, оленей и тигров. У меня и в мыслях не было, что это может быть тигр, а по массивности фигуры я решил, что это, наверное, изюбр. Этих зверей я никогда не стрелял из-за того, что нам не нужно было столько мяса. Но почему зверь стоит на месте и смотрит на меня? Будь это изюбр, он давно бы с

треском рванул прочь.

Я прошел еще с десяток метров... Бог мой! Да это же огромный тигр на дороге. Остановившись, я быстро положил изюбринные рога на землю и, сняв ружье с плеча, зарядил его двумя пулевыми патронами. Затем демонстративно резко закрыл стволы ружья, зная, что хищники боятся лязгающих металлических звуков.

Тигр развернулся и ушел с тропы в сторону. У меня мелькнула мысль тоже свернуть в сторону и отправиться домой по хребту, но я ее тут же отбросил. Если я это сделаю, то тигр нехорошо про меня подумает.

Подойдя к тому месту, где стоял тигр, я увидел, что он вырыл в глинистой почве длинную глубокую яму, в которой нежился перед моим приходом. Это видно было по тому, что вода сильно замутилась. Посмотрев налево, я увидел в пятнадцати метрах моего тигра, который стоял чуть полубоком и внимательно, но не враждебно рассматривал меня. Он не рычал, и хвост его не дергался, но сколько же гипнотической силы было в его глазах! Он пронзал меня взглядом насквозь. Я остановился, но не только из уважения к этому могучему зверю, мои ноги сами это сделали.

Голова тигра была на уровне моих плеч, а вес наверняка не менее четырехсот килограммов. Глядя на него, я лишний раз убедился в том, что биологи не всегда правы в определении веса уссурийского тигра, говоря, что его вес лишь иногда превышает триста килограммов. В Приморье все таежники знают, что его вес достигает иногда пятисот килограммов. Взяв ружье наизготовку, но не поднимая его до плеча, я спокойно поприветствовал тигра и добавил, что очень рад видеть его живым и здоровым, затем извинился за то, что забрал рога убитого им изюбра.

С расстояния 15 метров я, конечно, мог легко убить его одним выстрелом в лоб, но такой кощунственной мысли у меня даже не возникло. Я ненавижу и презираю тех людишек, которые превращают охоту в бизнес, и особенно тех, кто подымает оружие на тигра, зная, что новые русские заплатят за его шкуру не менее двадцати тысяч долларов, а китайцы купят и мясо, кости для приготовления лекарств.

Немного постояв и поговорив с тигром, я повесил ружье на плечо, попрощался и пошел дальше, опускаясь по тропе к ключу Семеновскому. Тропа сделала петлю, и вскоре я уже шагал по направлению к своему дому вдоль чистого, звонкого ручья. Пройдя метров двести, я вдруг услышал, как на левом склоне сопки тревожно застрекотали сороки, и сразу понял, что тигр пошел провожать меня, срезав путь. Приблизившись к этому месту, я действительно увидел стоявшего на склоне сопки недалеко от дороги тигра. Моего тигра. Он смотрел на меня, словно прощаясь. Вскоре я, действительно, уехал из Приморья. Может, тигр почувствовал это?

Красоты Нгоро-Нгоро

Василий КЛИМОВ

К западу от озера Виктория, что в Восточной Африке, на высоком вулканическом плато раскинулась волшебная страна древних вулканов. Здесь воочию встают картины молодости нашей планеты, когда она вся была усеяна пылающими, извергающими дым и пламя вулканами, шипящими, плескающимися водой и паром, гейзерами. А у подножий этих великанов, переплетаясь шеями, схватывались не на жизнь, а на смерть огромные динозавры и порхали над деревьями птицеящеры и огромные бабочки. Гремящие когда-то на весь мир вулканы за последние миллионы лет значительно постарели, успокоились и собрались коротать старость вместе, собравшись здесь, на высоком плато.

Всего их здесь 115, каждый из них имеет свою историю, свой характер, душу, каждый по-своему влияет на жизнь местных племен и имена каждого из них звучат для меня как райская музыка: Олдеани, Ломагрут, Оломоти, Нгоро-Нгоро, Эмбагаи, Ленгаи... О каждом из них сложены легенды и каждый по-своему необычен и уникален, но один из них особенный и знаменитый на весь мир. И не только тем, что он самый огромный и величественный, а тем, что это самый большой естественный зоопарк в мире — кратер вулкана Нгоро-Нгоро. И именно к нему наше сегодняшнее путешествие.

***

Мы едем по равнинной кустарниковой саванне, оставляя на обочине стада коров, пасущихся под присмотром масаев, и редкие стайки антилоп импала. На горизонте появляется темная величественная стена, уходящая вдаль — один из уступов Великого Африканского Рифта, образовавшегося несколько миллионов лет назад. Рифт — это огромный разлом земной коры, протянувшийся на тысячи лье от Мертвого моря, через море Красное, всю Абиссинию и Восточную Африку,

до Мозамбика. Рядом с разломом появились сотни вулканов и гейзеров, часть земной коры поднялась вверх и образовала высокий горный массив, ставший восточной ветвью разлома. Именно на этой платформе образовался вулкан Нгоро-Нгоро и еще сотни его друзей.

Видимо, тектонические процессы в этом районе проходили особенно активно и кипящая лава с дымом, грохотом, ударами грома и молниями вырывалась из недр земли одновременно сразу в нескольких десятках вулканов. Одни из них затихали, но тут же, рядом или на их склонах, возникали новые и лава изливалась, сплавляла водоемы их подножия и в целом еще больше поднимала и укрепляла этот горный массив. Даже сегодня вид этой великой вулканической страны, тянущейся на сотни миль, с огромными, двадцатикилометровыми жерлами кратеров, поднимающихся к облакам на четыре тысячи метров, вызывает восторг и благоговение. А легко представить себе, что в прошлом, когда большая часть из них дымилась, а часть изрыгала пламя, пепел и лаву, это место было совершенно дьявольским и необыкновенным. Здесь, рядом с этими чудесами, чувствуешь себя божьим избранником, попавшим на чужую планету или сразу в райские кущи и ощущение счастья, восторга, радости не покидает тебя ни на минуту...

***

Мы минуем живописное селенье Мто-ва-Мбу (Комариный ручей). Мелькнули хижины, крытые травой, черные полуголые люди, торгующие на грязных лотках между пальмами гроздьями зеленых бананов и красная

дорога резко пошла серпантинном вверх, пробираясь сквозь стену зелени.

У подножий вулканов заканчивается саванна, и мы вступаем в тропический лес. Стало прохладно, потянуло могильной сыростью, а с обеих сторон дороги начали появляться невиданные деревья, кустарники и травы. Огромной высоты деревья высоко над землей были живописно увешаны эпифитными мхами, пучками орхидей и длинными лианами, которые спускались до земли и казались руками и пальцами лесных русалок и леших, ловящих путников в свои сети. Это уже настоящий тропический лес — многоярусный, с густым подлеском, стеною стоящими стволами деревьев, сплетающимися вверх свои кроны в сплошной зеленый шатер, под которым с криками носятся стаи обезьян и раздаются голоса громоглазых тропических птиц. Чем выше в горы, тем гуще растительность. Эти реликтовые горные леса — остатки влажных лесов тех времен, когда климат в Африке был по-настоящему влажным.

Рядом с серпантинном дорожкой, выходящей в гору, вдруг открываются ледяные крошки в жилах пропасти и стоящие на их дне кассипуреи приветливо качают тебе ветвями. Изредка среди темной и тревожной чащи мелькают живописные изумрудные полянки с картинно застывшими на них кафрскими буйволами, зебрами или антилопами, провожающими нас глазами. Похоже, мы попали в какую-то невероятную, но очаровательную сказку...

Выбравшись наконец на вершину горной гряды, оставив под собою лес и облака, замираем перед захватываю-

щей дух открывающейся панорамой — среди свечек столетника на склоне блестит и переливается вдали озеро Маньяра, окаймленное изумрудным бархатом заросших лесами берегов. Слева от него уходят вдаль бесконечные просторы танганьикской саванны, с торчащими среди моря колючей “нырки” великанами-баобабами. Эта беспредельная зелень по мере удаления постепенно голубеет, становится на горизонте все синее и синее, сливаясь с подернутым белоснежными облаками небом в одно целое. Ощущение, что отсюда сейчас можно взлететь в этот блистающий мир захватывает настолько ярко, что я держусь за колючий ствол столетника, а другой рукой пытаюсь поймать облака. Это, кстати, одно из постоянных явлений восточноафриканского неба. Круглый год изо дня в день стаи белоснежных пуховиков бегут и бегут по небу, закрывая ненадолго собой солнышко, на закатах насыщаясь розовым и малиновым цветом, купаясь в голубых озерах и лишь в сезон дождей превращаются в тяжелые черные тучи, извергающие молнии и воду.

Мы тем временем углубляемся опять в тропический лес, который растет уже на внешнем склоне кратера Нгоро-Нгоро. Еще несколько подъёмов, немного усилий и вот джип взбирается на вершину гребня. Перед нами открывается гигантская чаша кальдеры вулкана. Вдали у горизонта смыкаются воедино голубые стены кратера, заросшие лесом, а далеко внизу на нежно-зеленого цвета днище светлеет пятно живописного озера Магади, отражающего собою облака, слева темнеют островки леса и кустарников. Вся ширь днища усеяна темными точками — это бесчисленные стада диких животных копошатся внизу как малые дети на груди древнего великана-вулкана. Нависающие над кальдерой белые пушистые облака на ярко-синем небе дополняют величественную картину,

придавая ей неповторимый колорит.

Когда-то давно, несколько миллионов лет назад этот гигант был действующим вулканом. Он тянулся к небу, изрыгая дым, пепел и сотни тонн лавы, стекающей к его подошвам. И однажды, около трех миллионов лет назад, он взорвался от напряжения, разметав по окрестностям тысячи тонн вулканической породы и пепла. В результате взрыва образовалась глубокая плоская кальдера с высокими отвесными стенами-скалами, высотой около 700 м. Со временем ручьи и реки, стекающие со стен, создали овраги и озеро, ветер занес почву и семена растений. Время и природа создали здесь зеленую плодородную чашу, населенную тысячами живых обитателей, ставшую самым большим естественным пристанищем диких животных в мире, на высоте 1700 м над уровнем моря.

Туземцы жили в этих местах со времен незапамятных, а европейцы открыли кратер только в позапрошлом веке и тут же устроили здесь охотничий ринг, а по сути — бойню, потому

что животные человека не боялись. Ввиду особой уникальности кратера и всей вулканической страны в целом, в 1959 г. все вулканическое плато площадью 828 тыс. га было объявлено “Охранной зоной Нгоро-Нгоро”. Его чисто африканская особенность заключается в том, что здесь сохраняются не только животный мир, а вся древняя саванна со всем живым населением, включая и туземцев. Несколько деревень масаев, разводящих свой скот, прилепились на склонах вулканов. Истинные скотоводы, масаи не охотятся и животных не убивают, а питаются кровью своих коров, которую нацеживают с живых буренок и смешивают в разных пропорциях с молоком.

Заглядывая внутрь кальдеры и у меня захватывает дух — заросшие зеленью скалы отвесно обрываются вниз, в голубую бездну, где виднеются в дымке крошечные деревца, легкие фигурки антилоп и блестящее озеро, в обрамлении розовой “пены” тысяч фламинго.

Здесь же на гребне кратера, рядом с дорогой стоит скромная пирамида, сложенная из камня. Это памятник сыну известного борца за сохранение дикой природы Африки Бернгарда Гржимека Михаэлю, погибшему здесь когда-то, на одном из склонов кальдеры, столкнувшись в воздухе на своем самолете с горным орлом. На пирамиде надпись: “Михаэль Гржимек. 12.4.1934—10.1.1959. Он отдал все что имел, даже свою жизнь, за то, чтобы сохранить диких животных Африки”. В свое время именно деятельность отца и сына Гржимеков в Серенгети и Нгоро-Нгоро заставила людей планеты взглянуть другими глазами на отступление и исчезновение дикой природы перед “победной поступью” Человечества.

Долго едем по гребню кальдеры, повторяя изгибы красной дороги среди тропического леса. По дороге спускаемся вниз, мимо холмов и выезжаем на травянистую равнину. Слева, на зеленом склоне двигаются какие-то крупные звери. Подъехав ближе обнаруживаем стадо антилоп канна. Их еще называют “эланд” или “оленебык”,

а туземцы на своем языке зовут их "пофу" или "мбуни". Это самые крупные антилопы в мире, живущие только в Африке. Утреннее солнце освещает тяжелых массивных животных темнопесочного цвета, яркими пятнами выделяющихся на ярко-зеленом склоне. У каждого из них под шеей болтается подгрудок с кисточкой, а голову украшают массивные, закрученные в штопор остроконечные рога. Это, несомненно, самцы. В засушливые сезоны канни собираются в большие смешанные стада и мигрируют в речные долины, где остается влага и зеленая трава. В сезоны же дождей, как сейчас, они переходят на склоны холмов и гор, где поспевает богатый урожай сладких степных трав. Так же комфортно они себя чувствуют в акациевых или кустарниковых зарослях, обдирая подобно жирафам, побеги и листья, пригибая рогами ветви вниз, на уровень рта.

На зеленой поляне холма, усыпанной желтыми цветками, резвится десяток черно-белых равнинных зебр. Здесь гарем из самок с жеребятами под предводительством полосатого как матрац жеребца, несколько пар холостых жеребцов и отдельно — самки с детками.

На вершине зеленого холма отдыхают сразу две гепардовые семьи. Видимо, охота была удачной и пятнистые кошки расположились самым причудливым образом. При этом контроля над долиной не теряют, а лежа почти на вершине холма, обозревают окрестности. Вот одному из гепардов надоело лежать, он встал, подошел к соплеменникам из другой группы и они все начали взаимно облизывать морды друг друга. Затем затеяли игру с борьбой, урчанием, валянием и повизгиванием. Закончив какой-то ее этап, опять начинали "вселенческие лизания". Это, видимо, одна семья — потомство одной матери или (что менее вероятно) сестер. Они отдыхают и охотятся вместе, постоянно выказывая

друг другу взаимную любовь, независимо от их пола, т.е. от того самцы они или самки.

Стадо газелей Томсона живописно расположилось на лужайке совместно с зебрами. Помахивая хвостиками, изящные как статуэтки, создания горделиво ходят друг перед другом, покачивая красивыми лировидными рожками, демонстрируя хорошую форму. Иногда пары самцов сцепляются в поединках и крутятся на "пятачках", упираясь рожками друг в друга, затем, утомившись, принимают за пастбы или ложатся в траву.

На дорогу выходит двигающийся в долину черный носорог. Не обращая ни на кого внимания, весь до ушей вымазанный в синей грязи, он медленно, но неотвратно, как танк, идет по совершенно прямой линии, направляясь к болоту в долине, где виднеются силуэты еще троих его друзей. Но нет, нас он заметил, ибо активно брызгает несколько раз на еле видную в траве

колею, по которой мы едем, отмечая и показывая нам, что это именно его территория и он здесь хозяин. Водитель тормозит, и мы пропускаем великана, невозмутимо продолжающего свой путь.

По всему кратеру чернеет множество темных точек, собранных в пары, тройки, десятки и т.д. Это антилопы гну. Черные и косматые, с загнутыми вверх рогами и развевающимися на ветру бородами и гривами, они кажутся гибридами быка, лошади и дьявола. Многие из них стоят у нас на пути и при приближении уступают дорогу, другие стоят и лежат в двух метрах от проезжающей машины и не желают уходить. Этот вид антилоп здесь, в кратере, является фоновым и преобладающим во все сезоны года. Небольшие группы 3—5 самок соединяются вместе с другими такими же, образуя различного размера стада, за которыми внимательно приглядывают самцы. Часть такого стада пасется, а часть отдыхает, потом поднимается и догоняет ушедших. Некоторые держатся парами, вместе пасутся, отдыхают и играют. Зачастую в стадах гну виднеются светлые тела зебр, а среди стада последних можно постоянно увидеть нескольких этих черных лохматых антилоп.

Подъезжаем к небольшой горной реке Мунге и по броду перебираемся на другую сторону. Вскоре поток воды становится мощнее и из ручейка превращается в настоящую речку, а по берегам поднялись заросли кустарников и отдельные сикоморы. Начинают попадаться стайки и тройки зебр, нас совершенно не боящихся и отдыхающих в тени развесистых прибрежных деревьев. Река расширяется, разливаются плесом, и мы подъезжаем к месту всеобщего водопоя. Берег здесь более пологий и истоптан тысячами копыт.

Из долины к реке подходит большое, около 30 "бойцов", стадо зебр. Выйдя на бугор перед водопоем, они постоя-

ли наверху, как бы осваиваясь в новой для себя обстановке, затем разделились на три группы. Одна из них подошла сразу к воде, другая прошла вниз и осталась на берегу, а третья часть осталась на месте, наблюдая за ситуацией на равнине и около реки. После того как зебры первой группы напились и поднялись на берег, их место заняли лошади второй группы. Лишь после того как напились зебры первой и второй группы и поднялись на вершину бугра, к воде пошли животные третьей группы. В результате этих маневров все организовано, без толчеи напились, не оставляя без присмотра окружающую местность. И опять среди зебр “затесался” один неприканный гну, которому с ними, с полосатыми, милее чем с сородичами.

Подъезжаем к красивейшему озеру Магади (“соленое” на суахили). В зеленой воде отражаются заросшие лесом стены кальдеры, белые пушистые облака и стаи розовых фламинго. Подобно ключьям пены они застыли на зеркальной глади, став вместе с камышами как бы частью озерного ландшафта. Важно переступая как на ходулях, друг за другом, они медленно двигаются по мелководью, процеживая своими крючковатыми клювами воду, добывая рачков. Иногда кто-то из них поодиночке или в паре разгнутся, вытянув вперед шеи и быстро переступая ногами по зеркальной поверхности, и взмывают в воздух, мелькая как огоньками алыми подкрылками. Покружив над озером, они планируют на посадку, вытягивая вперед розовые голенастые ножки. Здесь, на Магади, они не гнездятся, а только кормятся на пролетах.

В болотистой долине рядом с озером, на фоне голубой стены кратера застыли черные фигуры каких-то крупных животных. Подъезжаем ближе и обнаруживаем большое стадо кафрских буйволов. Измазавшись по уши в грязи, они лежат или пасутся в высокой траве у озера, не боясь в принципе никого. Огромные черные рога как части шлема сходятся на лбу и защищают голову, а их острые концы двумя крючками торчат сбоку головы, готовые поддеть и проткнуть кого угодно. Двое самцов, сплета огромные рога, пригнув головы и упираясь друг в друга, сцепились в драке. Комья грязи летят у них из-под раздвоенных копыт и с треском сшибаются могучие рога. Великаны пыхают и ревут, пытаясь одолеть соперника, а от их шкур, как штукатурка от стен, отлетают комья высохшей грязи.

Хоть буйволы и избрали для жизни болото у озера, даже здесь днем слишком жарко для пастбы. Поэтому они кормятся ночью, с приходом вечерней прохлады, а днем нежатся в теплой грязи. Около их голов вьется облако насекомых, но им не пробиться через корку грязи и шерсти, защищающую шкуру черных гигантов. Мимо них важно шагают, переставляя голенастые ноги, малые белые цапли, похожие

издалека на белоснежные лилии, такие крошечные по сравнению с огромными быками. На весь окружающий их мир “кафры” недоверчиво глядят исподлобья, пригнув мощные рога и опустив как лопухи уши. Здесь, в стаде, они совершенно недоступны для хищников. Львы иногда делают попытки отбить малышей у отдельных буйволиц, но стадо дружно встает на защиту, дает отпор и заставляя “зловеев” отступить. Случаи, когда буйволы убивали и растапывали львов, бывали часто, и о них передаются здесь из уст в уста были и легенды.

Выходящее из-за облаков солнце освещает изумрудную долину, усеянную крупными желтыми цветами, по которой изящно бегут, трепеща на ходу крыльями двое статных страусов. Мы пытаемся как-то удержаться на скорости за ними, но в высокой траве вскоре безнадежно отстаем, двигатель плещет паром, закипает и мы останавливаемся, понимая, наконец, ну куда этой технике за дикой и быстрой как ветер стремительной птицей? Нас сразу берет в плен тишина, гул ветра, щебет птиц в вышине и шелест шелковых степных трав, зовущих успокоиться и нырнуть в их зеленую глубину. Бесчисленные стада антилоп гну, зебр и газелей медленно переходят с места на место, вовлеченные в вечный круговорот жизни кратера. Это и вправду чудо — настоящие райские сады Эдема, вид которых изумляет и хочется опять стать ребенком, смеяться и радоваться всему этому великолепию.

Решив осмотреть все редкости кратера, едем в масайскую деревню. Она расположена на удобном склоне с внешней, западной стороны кратера. Это несколько десятков глинобитных хижин, обнесенных плетеными сооружениями из веток и кольев типа тына, защищающими их ото львов и гиен. Перед входом, чуть в стороне, на холме в тени больших деревьев сидят старейшины племени, закутанные в красные клетчатые одеяния. На каждом из них по несколько амулетов, а разорванные уши висят почти до плеч, отяг-

ченные вставленными в них курительными трубками или украшениями. Все они черные, высокие, худощавые, с обритыми наголо головами и красными белками глаз.

Масаи — древнее племя воинов-кочевников, пришедших в эти края когда-то с севера, избравших своим основным занятием (кроме войн и грабежей) скотоводство. За несколько последних веков они отвоевали для своей жизни огромную территорию, так называемый Масаиленд — страну масаев, на границе Кении и Танзании. Здесь они ведут жизнь предков, какая была у них на протяжении последних тысячелетий. За эти времена у них не изменились ни социальный уклад, ни обычаи, ни быт. Они не признают никаких государственных устоев, границ и, по сути, находятся в каменном веке. Это, правда, не мешает некоторым из них “рассекать” саванну на “Мерседесах”.

Я познакомился с вождем племени. Этот высокий молодой парень учился в Университете Дар-Эс-Салама, а затем вернулся обратно в племя, чтобы помочь своему народу. Он тоже увешан амулетами и одет в красные одежды, но уже свободно говорит на четырех языках и ведает в племени “касой” — сбором денег с туристов, которые желают познакомиться с жизнью племени. Сами масаи кроме собственного наречия знают еще суахили — своеобразное африканское “эсперанто”, язык общий для большинства африканских народов.

***

Проехав на восток от памятника М. Гржимеку по гребню кратера немногим более 20 км, недалеко от восточного въезда внутрь кальдеры, находим на склоне горы, в живописной долине, отель Сопа Лодж. Это цепочка самобытных башенок и бунгало, выполненных в национальном стиле. Наконец-то можно отдохнуть. Заканчивается день, надвигаются сумерки и в свои права вступает ночная жизнь, окрашивая все в цвета ночи и крови.

Словарь русского охотничьего языка

Переслежина — 1) строение спины, при котором ее линия от холки сначала идет вниз, а затем снова поднимается (провисшая спина); 2) (о хищных птицах) нарушение процесса перообразования, при котором происходит задержка роста пера, в результате чего основания «трубок», иначе «пеньков», сохнут неравномерно, сдавливают бороздки. Внешне это проявляется в виде светлой просвечивающей строчки на пере, после того как закончится его рост (В. М. Федоров, О. Л. Малов, «Соколиная охота»).

Переступ — такая манера ставить ногу, при которой след задней ноги оказывается частично впереди отпечатка передней. (Молодые же изюбры, а в особенности же изюбрицы, ставят обыкновенно заднюю ногу несколько дальше передней, что и называют некоторые **переступом** (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)).

Переярк, перетока, перелеток — волк прошлогоднего помета (перегодовавший); **перетока (переток)** имеет, вероятно, разговорное или диалектальное употребление. (А, что я вам скажу, — начал он, — как таперича волки лежат у самой серединки, в оврагах, то, леший их знает, куда они «дунут», да особенно как ветер будет от нас. Опять же, если Ш. поставить на верный лаз, куда уж «бесприменно» волка **выставят**, то ведь неровен час **лобан** (лобан — материк волк, имеющий свыше трех лет), али **переток** (переток — переярк, волк прошлогоднего помета) натрафится, ну, а Ш., того гляди, не выдержит: либо рано спустит да и **втравит** обратно в **остров**, а то пропустит момент, а **лобан**-то и **отрастет** да и был таков (Н. П. Пахомов, «Гончие собаки и охота с ними»)).

Перелезть (о звере) — пройти **лазом** (пройти каким-либо определенным местом). (То же что я говорил относительно заячьих **лазов**, применимо и к лисьим, то есть, что описать все случаи, в которых лиса **пролезет** тем или другим местом, нет возможности, но, как и на заячьей охоте, новичку лучше становиться там, где лисица уже **разпролезла**, конечно, соблюдая правила относительно занятия засады (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»)).

Перо — 1) (общезн.) перо как таковое; 2) все оперение птицы (В середине лета (в июле) у старых петухов и холостых самок (глухарей — Е. Ц.) происходит линька. В это время они скрываются в самых глухих затененных лесных крепях. К концу августа они окончательно перелинивают в **зимнее перо**

(В.В. Рябов, «Охота на боровую дичь»)); возможно также: в **летнем пере**, одно **перо** осталось (одни перья.); 3) хвост сеттера.

Петухоперсть — иногда наблюдаемое у самок куриных (чаще — тетеревов) сходство в оперении с самцом. (По свидетельству же Богданова (русский ученый-зоолог Модест Николаевич Богданов, занимавшийся изучением аномалий в окраске птиц — Е. Ц.), в Казанской и соседних губерниях попадаются, и, по-видимому, нередко, вполне **петухоперые** самки с косицами, весьма сходные с молодыми **косачами**, так что без вскрытия их легко можно принять за молодых самцов в т. н. переходном пере (Л. П. Сабанеев, «Охотничьи птицы. Труды по охоте»)).

Пешеть — медленная манера работы **гончей** (ср. **Паратость**) (**Паратость** и **пешеть** вообще не разделяют резко: можно указать только самых паратых и самых пеших гончих, но между ними существует так много промежуточных градаций, что определить можно только сравнительно (Н. П. Кишенский, «Ружейная охота с гончими»)); возможно также: **пешая**; слово древнего происхождения, относящееся к общему индоевропейскому фонду: украинское «пший», ст.-слав. «пшь», польское «pieszy», верхнелужицкое «pesi». По версии Фасмера происходит из «pedsios», производного от «ped» — нога (ступня), лат. «pes, pedis» нога. Перенос в охотничий язык, вероятнее всего, произошел по схеме «пеший — ходящий пешком —двигающийся медленно — медленный».

Пикать — 1) манить рябчика; возможно также: (об охотнике) **пикать** самцом, **пикать** самкой; 2) подавать голос (о детеныше косули) (**Писк**, или **пик** этот слышен только в то время, когда они голодны и зовут к себе мать (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)). (Научиться **пикать** не хитро, но **пикать** так, чтобы приманивать козлук, — вещь мудреная. Некоторые охотники всю жизнь свою учатся **пикать** и до гроба не выучиваются. Ходя за козами, **пикать** надо не повсеместно, а на избранных пунктах, и то не часто, а редко, **пикнуть** пять, шесть раз, подождать, оглядеться, потом опять **пикать**; если козуля близко и слышит **писк**, то непременно прибежит к охотнику; если же **пикать** часто и постоянно, то козули узнают обман и не придут (А. А. Черкасов, «Записки охотника Восточной Сибири»)); в европейских странах существует охота на козулю с манком, однако этот манок воспроизводит голос самки, и сама охота осуществляется в период гона.

Зооморфный гороскоп народов Юго-Восточной Азии в настоящее время популярен во многих странах мира, в том числе и в России. С языческих времен для славян был характерен интерес к мистическим свойствам домашних и диких животных, различных видов растений. Новый год — год Лошади, в соответствии с восточным гороскопом, связан с синим (или зеленым) цветом, с субстанцией дерева. Синяя, деревянная Лошадь трудолюбива, напориста, расчетлива, независима, слегка эгоистична.

Если подбирать зоологический прообраз этому знаку, то лучше других может подойти тарпан. Этот дикий, наиболее вероятный предок современной лошади, обитавший на широких степных и лесостепных просторах Евразии, был в основном «мышастой» масти с черным ремнем вдоль спины. Общий тон сгушался до черного с синевой цвета на короткой гриве и хвосте, на конце конечностей, где нередко проступала «зеброидность». Останки лошадей с признаками одомашнивания были найдены в Казахстане и на Украине. Условная датировка — 8–7 тыс. лет тому назад. Тарпана подразделяли на два подвида: лесной и степной. Последний был крупнее лесного, высота в холке 136 см, общая длина 150 см, что значительно меньше большинства пород одомашненных лошадей.

Несмотря на «заслуги» тарпана в деле одомашнивания, совместное существование на протяжении тысячелетий дикой и одомашненной форм лошадей закончилось для лесных и степных тарпанов печально. На них охотились с целью добычи деликатесного мяса, устраивая настоящие облавы, истребляли как конкурентов домашних лошадей. Тарпаны поедали сено, заготовленное для последних. Злобные жеребцы тарпанов отбивали кобыл из косяков, могли, несмотря на разницу в весе, даже загрызть охранявшего косяк коня. В результате преследования человеком тарпаны стали очень пугливы, пойманные почти не приручались. Еще во второй половине XVIII века участник российских экспедиций зоолог С.Г. Гмелин наблюдал тарпанов под Воронежем: «Они бегают с несказанной скоростью, по крайней мере, вдвое против доброй домашней лошади. При малейшем шуму приходят в страх и убегают. Каждое стадо имеет предводителем жеребца, который идет наперед, а другие ему следуют. Сие самое причиною, что как скоро его убьют, то прочие рассыпаются, не знают, куда бежать, и таким об-

Год лошади

разом попадают в руки охотникам...» Имея нескольких добытых степных тарпанов, Гмелин так охарактеризовал их внешний вид: «Голова у них чрезмерно толста. Уши весьма остры... Глаза у них огненные. Грива весьма коротка и курчава. Хвост у иных густ, у иных редок... Цветом схожи на мышей... Ноги, начиная от колена до копыта, черные. Шерсть на них весьма долга и столь густа, что при осязании более похожа на мех, нежели на лошадиную шерсть». Увы, от всего этого великолепия в России остались два черепа и один скелет.

Последние степные тарпаны, вероятно, пали в неволе в конце XIX века. Не менее печальна судьба мелкого лесного тарпана. Последние пойманные лесные тарпаны содержались в зверинце Замойских в польском городе Замостье. Из-за экономических проблем хозяев, лошади были розданы окрестным крестьянам. Тарпаны скрещивались с домашними лошадьми, но несколько особей сохранили подобие «дикого» типа. Именно они легли в основу так называемых «польских коников», селекция которых в направлении воссоздания внешнего вида лесного тарпана началась в Польше в 30-х годах прошлого века и до сих пор ведется, пополняя племенную книгу.

Еще одну попытку получить лошадей с внешним обликом тарпана предприняли немецкие зоологи, братья Хеки. В скрещивании участвовали немецкие крестьянские лошади определенного

Тарпан

Рисунок В. Шишкина

типа, «польские коники», одна из пород пони и даже лошадь Пржевальского. Небольшое стадо «лошадей Хека» тарпаньего типа сохраняется в Мюнхенском зоопарке, где демонстрируется в качестве «живого предка» домашней лошади.

Четверостишье одного из авторов, посвященное 2014 году, относится и к тарпановидным упомянутым лошадям, и к слабой

надежде восстановить не только внешний вид тарпанов, но и генетически сходных с предковой формой особей.

*Тарпан скакун воссоздан, наконец,
С мышастой мастью, синими*

теньями

*Он будет жить с надеждой между
нами,*

*Природу любящих, немеркнувших
сердец*

В. ШИШКИН, Н. СПАССКАЯ

Прижизненный рисунок степного тарпана (из «Путешествия» С. Г. Гмелина)

Гибрид тарпана и домашней лошади. Московский зоопарк. 1884 г.

ЛАПСИН Г. Создадим охотничье-промысловые кооперативы	1
Фотоконкурс «Охота и природа 2014»	3
СЕВАСТЬЯНОВ А. В новогоднем лесу	4
ЗЫРЯНОВ А. Своя стезя длиною в жизнь	6
Письма читателей	11
ИЛЬЯСОВ А. Волки, волки	12
ВЕХОВ Н. Борис Михайлович Житков и его увлечение Севером	14
ЖУКОВ С. Охота с гончими в Карелии	18
БЕДЕЛЬ В. Охотничье собаководство: события, даты, люди	20
Письма читателей	23
МАКАЛИНСКИЙ О. Рыжик	24
ГУРОВ В. Пулевые снаряды для дробного ружья	26
МАСЛОВ Ю. Знаменитые ружья. Шпрингер	28
СКАЛОН А. Живые деньги	32
РЕМИЗОВ С. Наедина с тигром	38
КЛИМОВ В. Красоты Нгоро-Нгоро	42
ЦЕЛЫХОВА Е. Словарь русского охотничьего языка	46
ШИШКИН В., СПАССКАЯ Н. Год лошади	47
ШИШКИН В. Дрофа	48

На первой странице обложки:

Пума-абориген Нового Света

Фото А. Дигилевича

На второй странице обложки:

Фото Н. Кочергина

На четвертой странице обложки:

Пятнистые олени хорошо акклиматизированы во многих охотничьих хозяйствах

Фото С. Тишкевича

Генеральный директор Т.А. Волжина
Главный редактор А.М. Блюм

Редакционная коллегия:

М.В. Булгаков, Л.А. Гибет, А.А. Данилкин,
И.А. Домский, А.П. Каледин, А.М. Лаврова,
В.К. Мельников, В.Г. Сафонов, К.П. Савельева,
А.А. Севастьянов, Е.К. Целыхова, В.Б. Чернышев,
В.С. Шишкин

Главный бухгалтер Н.М. Видулина
Зав. отделом писем И.И. Полосухина
Художественный редактор М.Л. Кнерцер
Оператор компьютера Н.В. Дервиз
Корректор З.М. Данилова
Фотокорреспондент А.Ф. Дигилевич

Сдано в набор 07.11.2013 г. Подписано к печати 05.12.2014 г.
Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 5,04. Заказ 4161.

Адрес редакции: 101990, Москва,
Милютинский переулок, д. 18А, офис 13
Тел.: (495) 628-25-57
Электронная почта ohot.a.ohothoz@mail.ru
Сайт: www.ohothoz.com

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru. 8(495)988-63-76,
8(496)726-54-10.
В случае обнаружения полиграфического брака
обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

Дрофа (драхва, дудак) — великолепный символ наших первозданных степей, ныне, в связи с сокращением площади последних, находится на грани исчезновения. Ранее существовавший почти сплошной ленточный ареал, протянувшийся в широтном направлении через остепненные участки от Англии и Франции, Пиренеев Северной Африки до Монголии и Китая, теперь представляет ряд мелких изолированных популяций. Дрофа исчезла в Англии, Швеции, Франции, Бельгии и в некоторых других европейских странах, хотя постоянно отмечаются залеты в бывшие места обитания. Ныне относительно крупные популяции дроф имеются в Испании — 5 — 30 тыс. особей, в Венгрии — 1,3— 4 тыс. особей. В европейской России — 8—10 тыс. птиц. Еще тревожной ситуация с более мелким и пестрым восточным подвидом, встречающимся у нас от Алтая и Тывы до Забайкалья и Приамурья в количестве около 500 особей. Неудивительно, что дрофа внесена в Международную Красную книгу, в Красные книги тех стран, где она еще встречается, в т.ч. РФ. А ведь еще недавно эта птица числилась охотничьим видом, вес отдельных добытых самцов мог превышать 20 кг. На юге дрофы оседлы, на севере склонны к кочевкам и миграциям.

Ранее выделяемых в отдельный отряд, теперь дроф в ранге семейства включают в отряд журавлеобразных наряду с пастушками, собственно журавлями, кариамами и рядом других семейств. Дрофа одна из самых крупных наших птиц, с типичным обликом «степняка». Мощные ноги с тремя пальцами, относительно длинная шея, покровительственный оранжево-охристый с черным поперечным рисунком окрас спинной стороны. Эти и ряд других признаков позволяют птицам, издали увидев врага, затаиться или спастись бегством, или же, «свечкой» взлетев вверх, сильно и глубоко махая крыльями, быстрым полетом уйти от опасности. Самцы почти вдвое крупнее самок. Длина первых до 1,2 м, вторых — 0,8 м, размах крыльев самцов свыше 2,5 м, вес нынешних самцов до 16 кг, самок — до 8 кг. Неподражаемо выглядит токующий самец. Закидывая хвост на спину, распушив белое подхвостье, дудак раздувает серую шею, закладывает голову к лопаткам так, что своеобразные «усы» становятся торчком вверх, а по бокам шеи становятся заметными продольные синеватые участки голой кожи, контрастирующие с оранжево-рыжим зобом. Крылья до кистевого сгиба расправляются до земли, разворачиваются украшающие удлиненные белые и поперечно-полосатые, рыжие плечевые перья. Концы сложенных первостепенных маховых заводятся в область затылка. Самки окрашены бледнее. Их во время спаривания собирается целый гарем. Бранные отношения не упорядочены. В конце апреля — в мае в первых кладках обычно два яйца оливкового цвета с размытыми буроватыми пятнами. Гнездо довольно открытое, часто просто ямка на земле. насиживает самка около месяца. Самец может принимать участие в охране гнезда. Пуховики в пестром наряде из черных полос и охристых пятен. Начинают кормиться самостоятельно на 5 день, но самка продолжает их подкармливать. Слетки в возрасте одного месяца. Рацион питания смешанный, варьирует по сезонам. Дрофы поедают прямокрылых, жуков, муравьев, ящериц, мелких грызунов и т.д. Растительные корма представлены соцветиями сложноцветных, листьями и семенами бобовых, подорожниковых, злаков и др. Осенью возрастает доля сельскохозяйственных культур.

Неумеренная охота на дроф, особенно во второй половине XIX — начале XX веков, распашка целинных степных участков поставили этот вид на грань вымирания. Дрофа постепенно освоила агроландшафты, но там кладкам угрожает непродуманная сельскохозяйственная технология. Яйца дроф научились успешно инкубировать в ряде питомников, зоопарках, в т.ч. в Дрофином питомнике Саратовского филиала ИПЭЭ РАН. Неплохо удается выкармливать птенцов до взрослого состояния. Но вот добиться успешной реинтродукции выращенных в неволе птиц в места прежнего обитания этого вида пока не удалось никому.

В. ШИШКИН

Самка дрофы
в полете

Токующий самец
дрофы

Самец дрофы

Птенец
дрофы

Кладка
дрофы

